

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУ ВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

КОСИМОВ МУХАММАД НУРАЛИЕВИЧ

**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО
СОЗНАНИЯ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО НАРОДОВ**

**Специальность 5.9.8 - Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Каримова Н.И.

ДУШАНБЕ – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	15
1.1. Национальная языковая картина мира как отражение менталитета, культуры народа.....	15
1.1.1. Культура и её отражение в языке	15
1.1.2. Понятие о языковой и концептуальной картинах мира и их изучение в лингвистике	19
1.1.3. Языковое сознание и языковая картина мира: соотношение понятий	28
1.2. Пословицы и поговорки как отражение национальной специфики картины мира.....	34
1.2.1. Проблема дефиниций терминов «пословица» и «поговорка» в научной литературе и их разграничение	34
1.2.2. Пословицы и поговорки как источник этнокультурной информации	40
1.2.3. Типология русских и таджикских пословиц и поговорок.....	45
1.2.4. Основные подходы в изучении пословиц и поговорок	48
1.2.5. Лингвокультурологический подход в изучении паремиологической картины мира.....	55
Выводы по 1 главе.....	59
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	61
2.1. Особенности происхождения пословиц и поговорок в русском и таджикском языках	61
2.1.1. Общие источники пословиц и поговорок в русском и европейских языках	61
2.1.2. Происхождение пословиц и поговорок в таджикском языке.....	70
2.2. Тематическая классификация пословиц и поговорок в русской и таджикской языковых картинах мира.....	75
2.2.1. Добро – Зло	78

2.2.2. Ум – Глупость	88
2.2.3. Труд – Безделье.....	98
2.2.4. Дружба – Вражда.....	107
2.3. Образ человека в пословицах и поговорках русского и таджикского языков	114
2.4. Средства актуализации экспрессивной лексики в пословицах и поговорках русского и таджикского языков.....	124
Выводы по второй главе	131
ГЛАВА III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК РЕСПОНДЕНТАМИ.....	134
3.1. Анкетирование как метод изучения паремиологического фонда языка	135
3.2. Методика проведения анкетирования	138
3.3. Результаты анкетирования	142
3.3.1. Уровень понимания и восприятия русских пословиц таджикоязычными участниками	143
3.3.2. Уровень понимания и восприятия таджикских пословиц русскоязычными участниками	149
3.4. Сравнительный анализ результатов эксперимента	152
Выводы по третьей главе	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	161
ПРИЛОЖЕНИЕ I.....	183
ПРИЛОЖЕНИЕ II.....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ III.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Антропоцентрический подход к исследованию особенностей и динамических процессов в языке вызвал в последние годы большой интерес ученых всех уровней к языковой картине мира, ведь любой язык стремится выразить и охарактеризовать те или иные факты жизни народа, апеллируя к сложившимся в обществе культурным традициям, научным, философским, религиозным взглядам, нравственным принципам жизни, а также в сознании говорящих. И именно поэтому, учитывая их традиционность, язык накопил устойчивые единицы, неизменно фигурирующие в национальном сознании.

Одним из основных направлений развития языкознания в XXI веке является теоретическое осмысление языка как антропоцентрического явления, отражающего все стороны социокультурного, духовно-нравственного существования личности и общества. С конца XX века этот вопрос изучается в теории языка, прагматике, семиотике, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, совершенствуется на уровне интерпретации и реконструкции национальных образов мира и человека через язык.

Ведущая роль в изучении образа мира на основе языковых факторов принадлежит фразеологии и лингвокультурологии, которые системными методами изучают взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка, ориентируясь на современные предпочтения и культурные отношения.

Главный интерес в рамках исследования вызывает способность языка аккумулировать и отражать на уровне паремиологических единиц сознание народа. В связи с тем, что паремии являются результатом мыслей и отношения нации к жизни, они фиксируют больше национально-культурной информации: менталитет народа, образ его жизни, обычаи, верования, национальные стереотипы и эталоны, отношения внутри социума, исторические события, все то, что является предметом национальной культуры и участвует в формировании концептуальной картины мира, которая, материализуясь в языке, отражает языковую картину мира.

Предлагаемое исследование вписывается в круг важных для нынешнего времени задач, предусматривающих выявление и описание основных лингвоконцептуальных характеристик русских и таджикских паремий. Каждый народ создает концепты тех фрагментов действительности, которые имеют значение для него на определенном этапе истории. Однако это вовсе не означает, что те же концепты одинаково важны и для другого народа. Человек как представитель определенной культурной и языковой среды, осуществляющий речевую деятельность, рассматривается в научных трудах в тесном взаимоотношении с вопросами культуры и языка. Учитывая, что общие концепты у разных народов могут быть сгруппированы по разным признакам, нужно установить когнитивную и лингвокультурологическую специфику пословиц и поговорок русского и таджикского языков в контексте современных лингвистических исследований.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами: 1) значимостью назревших проблем, касающихся соотношения языка, мышления, познания и культуры, решение которых базируется на принципах и методах когнитивного и лингвокультурологического анализа и основополагающих взглядах отечественных и зарубежных исследователей; 2) необходимостью выявления в культурах разных народов общего и специфического, а также осмысления их различий в аспекте проблемы взаимосвязи языка и культуры.

Несмотря на очевидные достижения в изучении фразеологического богатства разных языков, многие проблемы нуждаются в углубленном анализе с позиций современных лингвистических парадигм.

Степень изученности темы исследования. Проблему соотношения языка и народа, его сознания, мышления, национальной культуры в разных научных парадигмах разрабатывали В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Л.Вейсгербер, Б. де Куртенэ, Э.Сепир, Б.Уорф и др., их идеи продолжили развиваться в трудах ученых в области когнитивной лингвистики: Д.С.Лихачевым, А.Вежбицкой, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телия, Дж.Лакоффом,

З.Д.Поповой, И.А.Стерниним, Д.О.Добровольским, З.Е.Фоминой и многими другими [68, с. 6].

Надо признать, что лингвокультурология, считающаяся одной из самых молодых отраслей русского языкознания, в настоящее время является одной из самых продуктивных и плодотворных отраслей науки. В связи с этим, было проделано множество работ, которые в совокупности создают очень богатую базу. Невозможно перечислить все значимые работы, выполненные в этом направлении, в виде диссертаций, научных тезисов, монографий, коллективных исследований, отдельных статей. Но одно можно сказать точно: во главе всех работ, проделанных за последние полвека в области русской лингвокультурологии, стоит одна из ярчайших фигур языкознания – Вероника Николаевна Телия. Зыкова И.В., одна из учениц В.Н.Телии, справедливо отметила, что «На протяжении долгого времени в научном творчестве Вероники Николаевны оформлялись и выкристаллизовались представления о культурно-национальной специфике языка, велся активный и успешный поиск средств формализации и экспликации глубинных механизмов взаимодействия культуры и языка, принципов организации культурного знания в формах (или «телах») языковых единиц» [57, с. 8].

Период развития лингвокультурологии объединил в основном российских языковедов, а также языковедов других стран, среди которых Беляевская Е. Г., Брагина Н. Г., Черданцева Т. З., Черкасова И. Н., Гудков Д. Б., Иванова С. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., В. В. Красных, С. Лубенский, Н. Г. Мед, В. А. Маслова, О. А. Мещерякова, Е. О. Опарина, И. И. Сандомирская, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова и многие др.

Также изучению и исследованию пословиц и поговорок посвящён ряд статей и научных работ таджикских ученых, таких как Б.Тилавов [158; 159: 160; 161], М.Фозилов [227: 226; 228; 229]), К. Хисомов [174], Ф.Муродов [107], Ф.Турсунов [166] и др.

Первые сборники пословиц и поговорок в таджикском языке, которые имеют особую научную ценность, были составлены А.Мирзоевым [102],

В.Асрори [11], Р.Абдуллозода [1; 205], Я.Калонтаровым [63]. Сюда можно включить также «Свод таджикского фольклора» в 5 томах (на тадж. яз), изданный учеными, которые сыграли важную роль в развитии отечественной паремиологии. Различные мнения по истории и теории этого жанра были высказаны Т.Зехни, Е.Э. Бертельсом, Н. Маъсуми, Б. Гафуровым и Х. Маджидовым.

В последние годы увеличилось количество научных диссертаций, посвященных исследованию различных аспектов таджикских паремий и фразеологизмов, в том числе сопоставлению с другими языками. Так, например, в работе Имомзода М.М. были проанализированы национальные особенности объективации концепта «Семья» на основе лексико-фразеологических и паремиологических единиц в таджикском и китайском языках [61]. Игболовым О.Ш. выявлены лексико-семантические особенности пословиц и поговорок в таджикском и английском языках [60]. Каримовой Н.И. было проведено исследование, посвященное определению средств вербализации, построению и определению границ паремиологического поля в русском, польском и таджикском языках, наряду с лексико-семантическим, художественным и ассоциативным полями, составляющими номинативное поле концепта «Пространство» [68]. Диссертация Усмонзода Ш. посвящена теме отражения национального менталитета в таджикских и английских паремиях [16].

Анализ этих и других работ, проведенных в области языкознания, в частности, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, сопоставительного языкознания, посвященных изучению паремиологического фонда таджикского языка и других языков, показывает, что до сих пор существуют нерешенные вопросы, связанные с сопоставительным изучением пословиц и поговорок. Относительно состояния изученности темы национальной паремиологической картины мира в таджикском языке следует отметить: несмотря на то, что в последние годы языковая картина мира стала одной из актуальных тем таджикских исследователей, в отечественном

языкознании недостаточно исследованы роль и место паремии и фразеологических единиц в отражении языковой или национальной картины мира. Кроме того, многие работы, в которых подробно анализируются теоретические аспекты концептуальной и языковой картин мира, написаны преимущественно в соответствии с подходами, разработанными зарубежными учеными, особенно российскими. Иными словами, в отечественном языкознании не реализовался “свой” подход к решению вопросов, связанных с национальной языковой картиной мира. Такая ситуация заставляет нас обратиться к первоисточникам различных лингвистических теорий, связанных с соответствующими понятиями.

Целью исследования является определение языкового сознания русских и таджиков, а также выявление специфики национальных языковых картин мира русского и таджикского народов на основе сопоставительного анализа пословиц и поговорок соответствующих языков.

Для достижения цели в работе нами сформулированы и поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать взгляды русских и зарубежных исследователей в области лингвокультурологии, оценить их с точки зрения возможности применения в научной интерпретации ключевых понятий диссертации;
- определить ключевые понятия работы: картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира, национальная картина мира, языковое сознание, пословицы, поговорки;
- показать обусловленность национальной языковой картины мира менталитетом, культурой народа;
- определить лингвистический статус пословиц и поговорок, охарактеризовать их выразительные возможности, семантический и стилистический потенциал, рассмотреть типологию и функциональную роль в тексте;
- проанализировать пословицы и поговорки определенной тематики русской и таджикской лингвокультур в сопоставительном аспекте;

- на материале анализа пословиц и поговорок охарактеризовать специфику русской и таджикской языковых картин мира;
- выявить средства актуализации экспрессивной лексики в пословицах и поговорках русского и таджикского языков
- провести экспериментальное исследование понимания и восприятия таджикских пословиц и поговорок русскоязычными респондентами и русских пословиц и поговорок таджикоязычными респондентами;

Объект исследования. Пословицы и поговорки русского и таджикского языков являются объектом настоящего исследования.

Предметом исследования являются особенности отражения языкового сознания в русских и таджикских пословицах и поговорках, специфика национальной языковой картины мира в русских и таджикских поговорках.

Теоретические основы исследования. Теоретической основой нашего исследования послужили труды ученых, положивших начало антропоцентрической парадигме в языкознании, – В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни, а также работы в области лингвокультурологии Е.С.Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А.Вежбицкой, В.Н. Телия, С.Г. Воркачева, В.И.Карасика, Г.Г. Слышкина, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, В.В. Иванова, Т.В. Цивьян и др.

Методологические основы и методы исследования. Объект, предмет, цель и конкретные исследовательские задачи диссертационного труда обусловили выбор комплекса методов и приемов. Исследование языкового материала проведено с использованием как общенаучных, так и собственно лингвистических методов.

Метод лингвокультурологического анализа «фразеологического языка» В. М. Телии использован для реконструкции и исследования культурных концептов. Описательный метод обеспечил теоретическое обобщение результатов исследования, систематизацию отобранных материалов. С помощью когнитивных моделей в качестве стереотипных образов

систематизирован приобретенный этносом опыт и знания об окружающем мире. Важным является метод семантико-когнитивного анализа, предусматривающий осуществление особого этапа описания – когнитивной интерпретации, позволившей смоделировать содержание паремий как глобальных ментальных образований в их национальной специфичности, а также определить их место в национальной языковой картине мира. С целью описания уровня восприятия и понимания русских пословиц таджикоязычными респондентами и таджикских пословиц русскоязычными респондентами в работе применялся экспериментальный метод в виде анкетирования. На заключительном этапе с целью проверки верификации результатов исследования использовался метод интерпретации полученных данных.

Методологическую базу исследования составили труды таких русских, зарубежных, а также отечественных лингвистов как В. Н. Телия, И. В. Зыкова, В. И. Красик, Б. А. Серебренников, А. Вежбица, З. Д. Попова, А. А. Потеня, Г. Л. Пермяков, В. А. Маслова, С. Г. Тер-Минасова, А. Вежбицкая, Н. И. Каримова, Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова и др.

Источники исследования. Материалом данной диссертации послужили паремиологические единицы, выбранные из лексикографических источников: в русском языке – «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В.Н. Телии, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Большой словарь русских поговорок» и «Большой словарь русских пословиц» под общей редакцией В. М. Мокиенко, «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, и др.; в таджикском языке – «Сборник таджико-персидских пословиц и поговорок» (Гулчини зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикию форсӣ) М. Фозилова, «Словарь таджико-иранских пословиц, поговорок и афоризмов» («Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ») М. Фозилова и «Пословицы и поговорки в притчах и рассказах» («Зарбулмасалу ҳикоя дар тамсилу ҳикояҳо») М. Фозилова, «Фразеологический словарь» («Фарҳанги

ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик») М. Фозилова, «Таджикско-русский словарь» («Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ») Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С.Каримовой, «Таджикско-русский словарь» («Луғати тоҷикӣ-русӣ») под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской, «Русско-таджикский словарь» («Луғати русӣ-тоҷикӣ») под редакцией М.С. Осими, «Таджикско-английско-русский словарь пословиц, поговорок и афоризмов» («Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикӣ-англисӣ-русӣ») Бегматовой С. и др.

Также в ходе исследования использовались такие интернет-источники, как сайты «Сборник народной мудрости», «Пословицы и поговорки», «Пословицы народов мира».

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе в лингвокультурологическом аспекте проанализированы пословицы и поговорки русского и таджикского народов, позволившие установить сходство и различия национальных особенностей языковых картин мира. Впервые было проведено экспериментальное исследование восприятия и понимания таджикских пословиц и поговорок русскоязычными респондентами и русских пословиц и поговорок таджикоязычными респондентами. Было выявлено, что носители разных языков в большинстве случаев правильно воспринимают и трактуют пословицы и поговорки других языков благодаря сходству и идентичности языковой, семантической структуры пословиц и поговорок.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В паремиях – народных изречениях поучительного содержания, которые построены как синтаксически и содержательно завершённые, воспроизводимые предложения, которые в сжатой форме, в прямом или переносном смысле выражают определённые жизненные правила или истины, - представлены национальное мировоззрение, характер, менталитет и культура народа. Эти народные высказывания наиболее отчетливо определяют национально-культурную семантику, поскольку прямо или косвенно объективируют реалии окружающей среды.

2. Языковую картину мира в самом общем виде можно определить, как совокупность знаний о мире, воспроизводимых в лексике, фразеологии, грамматике. Соответственно, под языковой картиной мира понимается образ всего существующего целостного и многочастного мира, вырабатываемый многовековым опытом народа и реализуемый посредством языковых номинаций, репрезентирующий, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнь и, во-вторых, все, что его окружает: пространство и время, живая и неживая природа, и т.п. Таким образом, при изучении языковой картины мира человека можно рассматривать зафиксированные и отраженные социальные стороны жизни (характер, поступки, этика, мораль), а также опыт самопознания многих поколений на протяжении длительного периода времени.

3. Поговорки – это номинативные фрагментные единицы, имеющие форму синтаксического незавершенного словосочетания, не содержащего смысловой и интонационной завершенности, которые служат только украшением и разнообразием речи. Хотя поговорки в отличие от пословиц, не могут полностью выразить мысли, но они понятны с информативной точки зрения.

4. Хотя образ мышления и средства выражения картины мира в таджикских и русских пословицах и поговорках различны, в целом оба народа имеют схожие духовно-нравственные ценности. Эту близость национальных ценностей следует рассматривать как одну из базовых причин возникновения аналогичных пословиц и поговорок по структуре, содержанию и смыслу в этих двух языках.

5. Сравнение особенностей пословиц в двух языках выявило сходства в значении и синтаксических особенностях. Несмотря на то, что таджикский и русский языки относятся к разным языковым группам, соответственно иранской и славянской, они входят в индоевропейскую семью языков - культурное наследие породило сходные и эквивалентные способы построения пословиц. Это подтверждает версию автора о существовании аналогичных

пословиц в таджикском и русском языках как результат общечеловеческого опыта и производных процессов коллективного культурно-исторического пути.

6. Если языковая структура, значение и стиль пословиц и поговорок двух языков в какой-то степени сходны или идентичны, то носители этих языков могут правильно понимать и истолковывать пословицы и поговорки другого языка. В большинстве случаев носители одного языка могут правильно понимать пословицы и поговорки носителей других языков, а также приводить их аналоги из паремиологического фонда родного языка.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическое значение исследования заключается в том, что его результаты закладывают основу экспериментального изучения восприятия и понимания таджикских пословиц русскоязычными респондентами и русских паремий таджикоязычными респондентами в лингвокультурологическом аспекте. Системное описание паремийной картины мира русского и таджикского этноса способствовало выявлению универсального и специфического национального отражения действительности с помощью паремиологических единиц соответствующих языков.

Практическая значимость исследования. Практическую ценность работы видим в возможности использования ее результатов для написания теоретических работ по паремиологии в контексте новейших лингвистических парадигм, а также в чтении лекций для студентов и аспирантов по лексикологии, паремиологии и стилистике русского и таджикского литературного языков, на спецкурсах и спецсеминарах по лексикологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и др. Собранный и проанализированный в диссертации эмпирический материал и результаты экспериментов, проведенных в рамках диссертационной работы, могут быть использованы в дальнейших лингвокультурологических, психолингвистических и сопоставительно-лингвистических исследованиях.

Апробация и внедрение результатов диссертации. Основное содержание диссертации отражено в виде докладов на следующих научно-практических конференциях: в научно – практической конференции профессорско – преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, и студентов РТСУ «XXV Славянские чтения», посвященной Дню таджикской науки 25 апреля 2022 года, в научно – практической конференции профессорско – преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, и студентов РТСУ 29 апреля 2023 года, а также в научно – теоретической конференции профессорско – преподавательского состава, студентов и сотрудников Таджикского педагогического института в Раштском районе (14 – 20 апреля 2023 года – Неделя науки)

Научные публикации по теме диссертации. Основные положения исследования отражены в 7 статьях, из которых 4 статьи, опубликованы в научных журналах, входящих в обновленный реестр ВАК РФ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых имеет свои разделы, заключения, списка литературы и 3 приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Национальная языковая картина мира как отражение менталитета, культуры народа

Современная наука всё больше стремится узнать о человеке, исходя из его языка, ведь только язык даёт представление о скрытых от нас ментальных процессах. Интерес для изучения, таким образом, представляет человека как субъекта определённой языковой картины мира, участвующего в совместной ментальной и речевой деятельности с другими субъектами национальной общности. Национальное своеобразие языковых картин мира обуславливается гносеологическими, психологическими, чисто лингвистическими факторами, выступающими основой национального мировидения в языке.

Подробный анализ языковой и концептуальной картин мира в лингвокультурологии отражен в научных трудах таких видных ученых, как Г. Брутян, Ю. Соколовская, Ю. Караулов, О. Кубрякова, Б. Серебренников, И. Голубовская, Т. Космеда, Л. Лисиченко В Н. Телия, И. В. Зыкова, В. И. Постовалова и др., поэтому в данной главе будут рассмотрены основные видения в этом направлении.

1.1.1. Культура и её отражение в языке

Язык и культура тесно переплетены между собой, поскольку язык, выступая продуктом культуры, одновременно является значимым условием существования культуры. Языковые средства используются этнокультурными сообществами для воспроизведения и передачи особенностей ментальности и национального характера. Как полагает Ю.М. Лотман, под культурой следует

понимать организованную определенным образом знаковую систему, где «момент организации, проявляющейся как некоторая сумма правил, ограничений, наложенных на систему, выступает в качестве определяющего признака культуры» [91, с.396].

Значимые для культуры смыслы семантизируются в языке посредством культурной коннотации. Хотя анализ теоретического наследия по проблематике определения этого явления свидетельствует о недостаточной разработке понятийной структуры термина, наиболее авторитетным в рамках этого исследования считается понимание культурной коннотации В. М. Телией. Кроме того, считаем целесообразным различие лексической и культурной коннотации и видим разницу между ними в структурном и семантическом аспектах. Наибольшей способностью к выражению ценностно-культурных смыслов обладает лексическая система языка, в частности, паремиологический состав.

В отдельных исследовательских концепциях культура рассматривается как совокупность артефактов – материальных, составляющих «мир вещей, созданный руками человека», и идеальных, образующих «мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность» [98, с. 18]. Иными словами, культура – это материализованное в знаках инобытие человеческого духа, не имеющее, по утверждению М.М. Бахтина, собственной территории и постоянно мечущееся между человеческим духом и материальным знаком [13, с. 328].

Формирование национальной культуры, определяющей своеобразие психической и языковой организации национального сознания, происходит под влиянием народного образа жизни. Соответственно, национальная языковая картина мира в вербализированной форме отражает представления народа об окружающей его реальности.

Устанавливая определенный порядок хозяйствования, этнокультурные сообщества одновременно закладывают на уровне национального сознания не только определенные стереотипы мышления, но также модели восприятия

реальных явлений или ситуаций, сформированные в результате многовековой когнитивной деятельности. Стереотипы мышления и модели восприятия реальности составляют для конкретного народа оценочную базу в системе языкового мировидения.

Система мировосприятия как совокупность обобщенных реалий мира определяет менталитет народа. Как считает В.В. Красных, «в национальном менталитете следует отделять различные по онтологической природе штампы: лингвистические, иллюстрирующие предметно-понятийное значение, и психологические, репрезентирующие семантико-смысловые ассоциации» [80, с.140-160].

Мировоззренческая система этнокультурного сообщества начинает свое становление с процесса отбора объектов и реалий объективной действительности, являющихся базисом практической деятельности человека. Объекты, составляющие основу бытия человеческого сообщества, образуют ключевые стереотипы мышления. Подобным образом формируется ядро системы национального мировосприятия, включающее общечеловеческие концепты, переосмысленные с учетом особенностей практической действительности конкретного народа [141].

Дальнейшее построение системы мировоззрения этнокультурного сообщества предполагает вынесение положительных или отрицательных оценок ранее отобранным объектам. В данном случае параметром оценки выступает характер воздействия этих объектов на бытие человека. На оценку влияет контекст восприятия объекта, определяемый коллективным опытом миропонимания, отраженным через сеть культурно маркированных коннотаций и ассоциаций [80, с.140 – 160].

Заключительным этапом формирования системы мировосприятия у этнокультурного сообщества выступает ее вербализация. На когнитивном уровне словесное оформление культуры предполагает трехэтапное членение объективной действительности в ходе номинации, концептуализации и категоризации [141]. По мнению В.В. Красных, «процесс осмысления

человеком объектов и реалий окружающей действительности оказывает повсеместное воздействие на язык, в том числе при выборе конкретных языковых средств для передачи смысловых значений» [80, с.140-160].

Соотношение языка и культуры может рассматриваться с нескольких точек зрения. С одной стороны, язык – это факт культуры, ее составной элемент, наследуемый от предков; с другой – язык выступает базовым инструментом освоения культуры, обеспечивающим существование всех прочих культурных явлений посредством трансформации, совершенной по своей природе языковой системы в другие кодовые системы [62, с.23]. Как считает С.Г. Тер-Минасова: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [155, с.26]. Следовательно, через естественный язык можно произвести концептуальное осмысление культуры.

Также необходимо сказать о том, что зарождение и развитие культуры происходит внутри «языковой оболочки», приобретая всё более вербализированную форму. Язык, таким образом, становится средством познания и освоения культуры. Здесь стоит согласиться с тезисами М. Хайдеггера, который определяет язык как «дом бытия» и утверждает, что «в жилище языка обитает человек» [172, с. 192].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что язык и культура представляют собой высокоорганизованные модели отображения действительности, включающие коммуникативный, деятельностный, оценочный и символический компоненты. Язык и культура составляют две взаимосвязанные, но не тождественные семиотические системы. Среди общих черт большинство исследователей отмечают кумулятивную, коммуникативную, когнитивную и социальную природу языка и культуры. Принципиальная разница между двумя явлениями заключается в характере адресата (культуре присуща элитарность, языку – массовость), способности к

самоорганизации (в культуре она отсутствует) и характере функционирования (основная функция языка – коммуникативная, культуры – кумулятивная).

1.1.2. Понятие о языковой и концептуальной картинах мира и их изучение в лингвистике

Процесс зарождения и развития феномена картины мира по своей продолжительности сопоставим с процессом антропогенеза. В зависимости от подхода к восприятию действительности воспроизведение целостного образа мира может осуществляться через мифологию, религию, философию или искусство.

Жизнедеятельность человека невозможно себе представить без создания картины мира, что не раз утверждалось в культурологических работах таких известных учёных, как В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа. Каждый национальный язык обладает спецификой концептуализации мира, ярче всего проявляющейся в особенностях языкового членения действительности, определяемых этнокультурными различиями когнитивного восприятия мира.

В последние годы возрастает интерес к феномену взаимодействия двух явлений человеческой жизни – языка и культуры. Именно поэтому проблема изучения культурной идентичности людей, которая находит свое отражение в языковой картине мира (ЯКМ), становится все более актуальной. ЯКМ тесно связана с концептуальной картиной мира (ККМ), поскольку последняя существует в виде концепции, имеющей языковое выражение.

Традиционно ученые делят картину мира на языковую картину мира – образ окружающей среды, реализуемый посредством языковых номинаций, и концептуальную картину мира – систему понятий, сформированных на основе представлений человека, состоящих из концепции. Взгляды ученых на взаимодействие этих двух картин мира можно разделить на четыре группы, каждая из которых придерживается одной из следующих идей:

1. «Языковая картина мира и концептуальная картина мира не различаются, поскольку языковая картина мира как совокупность знаний человека о мире, функционирующих в языке, не существует» [Г. Колшанский: 75];

2. «Языковая картина мира полностью покрывает содержание концептуальной картины мира, т. е. языковая картина мира уточняет картину мира» [Г. Брутян: 20; Ю. Соколовская: 142];

3. «Языковая картина мира существует как часть концептуальной картины мира, которая богаче языковой» [Ю. Караулов: 66; О. Кубрякова: 81; Б. Серебренников: 139];

4. «Языковая картина мира и концептуальная картина мира сочетаются, но не покрывают друг друга» [И. Голубовская: 37; Т. Космеда: 77; Л. Лисиченко: 86].

Термин «языковая картина мира» возник благодаря развитию идей В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера о внутренней форме языка. Гумбольдт полагал, что дух, духовное начало, духовная сила могут быть присущи исключительно человеку, отличая его от других форм жизни. По Гумбольдту, язык «всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [40, с. 73]. Иными словами, язык не должен рассматриваться как объективная данность; наоборот, язык, являясь онтологической средой, существует в человеке, его душе, памяти, сознании в различных когнитивных и вербальных формах. Исходя из этого, И. Голубовская отмечает: «Толкование термина «языковая картина мира» должно основываться на том значении, которое В. Гумбольдт вкладывал в понятие «языковая форма» [37, с. 26-27].

Идеи В. фон Гумбольдта находят свое продолжение в теориях Э. Сепира, Б. Уорфа и других представителей школы неогумбольдтианства, разработавших «гипотезу лингвистической относительности». В основе данной гипотезы лежит утверждение о существовании отличий в мировоззрении представителей разных этнокультурных сообществ, что

обусловлено спецификой национального языка. Сторонники гипотезы лингвистической относительности представляют объективную реальность в той мере, в какой она отражена в национальном языке; соответственно, национальные языки различаются своими языковыми картинами мира. Формулируя свою концепцию, Э. Сепир говорит: «В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [137, с.261]; где «реальный мир» – это «промежуточный мир, который включает язык в связи с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами» [137, с. 263]. При этом исследователь утверждает, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» [137, с. 263].

Таким образом, гипотеза Сепира–Уорфа устанавливает взаимозависимость между национальным языком народа, способом его мышления и способом познания реального мира. «Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности» [137, с.261].

Под влиянием философии языка В. Гумбольдта понятие «картина мира» впервые было разработано в славянском языкознании О. Потебней, который исходил из понимания В. Гумбольдтом природы слова, прежде всего из того, что последняя понимается под термином «внутренняя форма». Слово, по О.Потебне, состоит из трех элементов: «внешняя форма, т. е. членораздельный звук; смысл, который объективируется через звук; внутренняя форма или ближайшее этимологическое значение» [124, с. 160].

Анализируя научное наследие О. Потебни, Л. Лисиченко отмечает, что в его научной концепции «существует заметное различие между ментальной и языковой сущностью языков, но он рассматривает их в соотношении

субъективных (собственно психических представлений каждого индивидуума) и объективных – в форме значений, являющихся коллективным достоянием» [86, с. 72]. Таким образом, ученый был близок к формулировке и освещению такого понятия, как языковая картина мира.

Необходимо отметить, что гипотеза лингвистической относительности подвергается критике в работах таких исследователей, как Д. Додд, Г. В. Колшанский, Б.А. Серебренников, Р. М. Уайт, Р. М. Фрумкина, Э. Холленштейн [12, с.72]. По мнению Б.А. Серебренникова, «первоисточником понятий следует считать предметы и явления объективной реальности» [139, с. 104]. Процесс зарождения языка сопровождает процесс долговременного приспособления человека к окружающей среде, обуславливающей особенности физиологической организации живых существ и, соответственно, характер субъективного отражения этих особенностей и других специфических черт окружающего мира в национальном языке. К тому же, в период первичной номинации происходит усвоение сохранившихся от прежних эпох неоднородного языкового материала и ассоциативных конструкций, что приводит к неодинаковому членению внеязыкового континуума.

Современный период развития языкознания определяется тем, что язык рассматривается не только как система, но и как определенная картина мира. По словам Ю. Караулова, «выражение «картина мира» остается метафорой, поскольку до сих пор нет явных процедур ее построения» [66, с. 246], поэтому в основе концепции картины мира лежит «совокупность представлений человека об окружающей его среде» [66, с.1]. Окружающая среда – это «человек во взаимодействии с окружающей средой» [66, с. 8], а картина мира является «следствием обработки информации об отражении реального мира в сознании человека» [66, с.6], т.е. картина мира представляет собой синтетический панорамный взгляд на конкретную реальность и каждое отдельное место в ней.

Представителями различных лингвистических школ, в частности И. Голубовской, О. Потебней, О. Радченко, Б. Серебренниковым, Ю. Стерниним, С. Тер-Минасовой, Н. Шведовой изучались разные аспекты паремиологического фонда различных языков многообразными и в ряде случаев противоречивыми методами. Среди лингвистов западной школы следует назвать имена М. Бирвиша, Р. Джекендоффа, Дж. Лакоффа, Р. Павильониса, А. Фармера, А. Ченки, В. Мидера, Е. Страусса, А. Тайлора, которые внесли значительный вклад в развитие и формирование концепции картины мира.

В современном языкознании понятие «картина мира» относится к тем фундаментальным концептам, которые имеют двойственную природу. С одной стороны, это ментальная формация - сумма «чувств и представлений о мире, которые организуются в голове человека по тем или иным причинам в целостную систему» [81, с. 141]. То есть это то, что исходит прежде всего от человека, плод его восприятия, фантазий, мыслительных процессов и преобразовательной деятельности, структура, которая представляется как отражение индивидуальной субъектности. С другой стороны, это опредмеченное образование, экстериоризированное языковыми формами, т.е. «картина мира есть вторичное бытие объективного мира, зафиксировавшегося и осуществившегося в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, выполняющий функцию объективации индивидуального человеческого сознания как отдельной монады мира» [75, с. 15]. А если учесть, что, начиная с Г. Герца, М. Планка и А. Эйнштейна, ученые изучали картины разных «миров» (химических, биологических, физических и т. д.), то, по мнению Ю. Соколовской, это представляется логичным «Мир языков», а значит, «логично предположить существование «Языковой картины мира» [142, с. 6].

ЯКМ в самом общем виде можно определить, как совокупность знаний о мире, воспроизводимых в лексике, фразеологии, грамматике. Соответственно, под языковой картиной мира понимается образ всего существующего

целостного и многочастного мира, вырабатываемый многовековым опытом народа и реализуемый посредством языковых номинаций, репрезентирующий, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнь и, во-вторых, все, что его окружает: пространство и время, живая и неживая природа, и т. п.

Г. Брутян отмечал, что «процесс воспроизведения картины мира в сознании человека чаще всего представляется в виде чувственно-рациональной (логической) модели действительности», но «правомерно и изображение картины мира в виде концептуальных (логических) и лингвистических моделей» [20, с. 108]. Именно поэтому ученые фиксируют существование концептуальной картины мира (ККМ), которую еще называют научной (Ю. Апресян, И. Голубовская), понятийной (О. Бабаева), концептуальной или культурологической (С. Тер-Минасова), логической (Ю. Апресян, Г. Брутян), познавательной (З. Попова, Ю. Стернин). Критерием разграничения языковой и понятийной картин мира является антагонизм «мышление – язык», в частности, говоря о содержательном толковании понятий «языковая» и «концептуальная» картины мира, Ю. Караулов заключает: «Основными элементами, составляющими первый, являются семантические поля, тогда как концептуальная картина состоит из единиц более высоких уровней, то есть групп и сверхпонятий, которые представляются как «константы сознания» [66, с. 271].

Существует несколько определений ККМ. Пользуясь определением С. Тер-Минасовой ККМ – это «отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных через органы чувств и отраженных в его сознании, как коллективных, так и индивидуальных» [155, с. 41]). Учитывая тот факт, что ККМ состоит из «констант сознания» (концепций), мы предлагаем следующее определение: концептуальная картина мира – это система концепции, сформированная на основе как коллективных, так и индивидуальных представлений человека, полученных через органы чувств и отраженных в его сознании, состоящих из образов, представлений, понятий, отношений и оценок.

Говоря о картинах мира, Л. Лисиченко отмечает, что «одним из важных вопросов, связанных с сущностью языковой картины мира, является вопрос о ее структуре, который решается в современном языкознании по-разному (от максимального сближения языковых и понятийных картин мира к признанию разной степени своеобразия в отражении мира в каждом языке)» [86, с. 70]. Вопрос о соотношении картин достаточно сложен, поскольку обе картины мира взаимосвязаны и находятся в состоянии непрерывного взаимодействия. Взгляды ученых на взаимодействие картин мира можно разделить на 4 группы:

Анализируя особенности каждой из картин мира, Г. Брутян отмечает, что «основное содержание языковой модели мира полностью перекрывает содержание концептуальной модели (эта часть инвариантна и не зависит от конкретного языка)» [20, с. 109-110]. Его мнение поддерживает Ю. Соколовская, когда пишет, что «вне концептуальной модели существуют периферийные области, которые по своей природе являются чисто лингвистическими и содержат дополнительную информацию, дополнительные знания о мире» [142, с. 104]. Таким образом, языковая картина мира, по мнению этих исследователей, уточняет картину мира: дополняет концептуальную картину.

Противоположного мнения придерживается О. Кубрякова, утверждающая, что «языковая картина мира существует как часть понятийной картины, складывающейся в процессе предметно-познавательной деятельности человека» [81, с.143]. Ю. Караулов также говорит о незавершенности языковой картины мира по сравнению с понятийной: «Языковая картина мира характеризуется лакунами, «дырами» в силу ее фрагментарности и незавершенности системы» [66, с. 273].

Совершенно иную точку зрения отстаивает С. Тер-Минасова, которая пишет, что «правильнее говорить не об отношении часть - целое, язык - часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии на том основании, что язык есть часть культуры, а культура есть только часть языка.

Таким образом, языковая картина мира не полностью поглощается культурной» [155, с. 47]. И. Голубовская заключает, что «взаимодействуя обе картины существуют в параллельных измерениях разных типов сознания» [37, с. 32]. Результатом этого является утверждение Л. Лисиченко, отмечающего, что картины «сочетаются, но не перекрывают друг друга» [86, с. 70]. Однако указанные лингвисты не отрицают, что ККМ полнее, богаче и глубже языковой картины.

Предмет картины мира, по мнению В. Постоваловой, заключается «в каждой самостоятельной сфере общественного сознания – мифологии, религии, философии – существуют особые способы мировосприятия, свои «призмы», через которые человек видит мир», и «результатом такого мировоззрения являются соответствующие картины мира» [123, с. 33]. Множественность таких картин мира обусловлена уровнем интеллектуального или эстетического развития и образованности личности.

Принимая во внимание этот вводный анализ, можно сказать, что, современная научная теория разделяет все существующие исследования языковой картины мира на два основных направления:

1. Исследования, ориентированные на изучение отдельных уникальных лингвокультурных концептов, народных языковых и культурных стереотипов, а также типичных национальных концептов или специфических коннотаций неспецифичных концептов (к примеру, этнокультурные особенности символики цветообозначений) [24, с. 283].

2. Исследования, предполагающие реконструирование и рассмотрение цельной языковой картины мира. В данном случае предметом изучения выступает составляющая естественный язык коллективная философия, то есть обязательная для всех носителей языка единая система взглядов, отражающая способ восприятия и организации мира. Изучение коллективной философии, именуемой также наивным реализмом, может быть дополнено анализом национально маркированных компонентов языковой картины мира [7, с. 296].

Взгляд на мир, который присущ языку, с одной стороны, универсален, а с другой – национально специфичен, поэтому картины мира носителей разных языков значительно различаются, хотя и содержат некоторые общие архетипичные понятия.

В современной лингвистике подход к изучению национальных наивных картин мира определяется тесным переплетением углубленных семантических и прагматических теорий, концепций логики и поэтики, а также активным развитием идеи систематической и национально своеобразной организации семантического материала в каждом языке. В этой связи для отдельных ответвлений лингвистической науки – например, для семантики и лексикографии – формулируются новые, важные для решения задачи: в частности, реконструкция наивной модели мира путем полного описания лексико-грамматических значений или, наоборот, создание обобщенной стратегии описания языковых значений посредством реконструкции наивной модели мира [126, с. 27].

«Реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как важнейшая задача семантики и лексикографии. С другой стороны, реконструкция наивной модели мира позволяет изменить стратегию описания языковых значений, сделать её более общей» [7, 279].

Языковая картина мира может быть охарактеризована как «наивная», то есть отличающаяся от научной картины мира, но не как примитивная, поскольку отдельные отраженные в языке представления о мире отличаются высокой степенью проработанности. В частности, «практически любая языковая картина мира фиксирует сложное, формулируемое в течение нескольких десятков поколений представление о внутреннем мире человека, используемое этнокультурным сообществом для постижения этого мира» [51, с. 17].

Таким образом несмотря на то, что современные ученые обращаются к проблемам мировосприятия, трудно выделить позиции, которые стали бы

общепринятыми. Подводя итог обзору подходов к пониманию картин мира, подчеркнем, что вопрос их изучения остается открытым, в частности, продолжается детальная разработка общетеоретических положений: номинации и определения основных понятий, их структуры и др. Проблема классификации и существования парциальных картин вообще окончательно не решена, что перспективно в современный период.

1.1.3. Языковое сознание и языковая картина мира: соотношение понятий

Данный параграф посвящен рассмотрению вопроса о соотношении понятий «языковая картина мира» (ЯКМ) и «языковое сознание» (ЯС), что обусловлено, прежде всего, целью нашей работы, в частности определением языкового сознания и выявлением специфики национальных языковых картин мира русского и таджикского народов. Обратимся к существующим в лингвистике определениям терминов «языковое сознание» и «языковая картина мира» и выясним, каким образом соотносятся данные понятия.

Сознание является одним из центральных понятий философии, психологии, социологии. «Сознание – это высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека. [138, с. 350]. Как видим из определения, человеческое сознание характеризуется «способностью направлять внимание на предметы внешнего мира и одновременно сосредоточиваться на тех состояниях внутреннего опыта, которые сопровождают это внимание. Человек не только воспринимает и эмоционально реагирует на окружающий его мир, но еще и регистрирует все это особым образом» [49, с. 155].

И.А. Стернин в своей статье «Коммуникативное и языковое сознание» также отмечает, что «в философской и психологической литературе сознание преимущественно рассматривается как свойство (функция) высокоорганизованной материи – мозга, заключающаяся в способности человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов» [145, с. 4].

Понятие общественного сознания или менталитета часто сближают с понятием так называемой картины мира, описываемой в научной литературе как «сложное, многоуровневое образование, в которое наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, виртуальные построения искусства, идеология, а также глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного» [165, с. 84].

Наиболее адекватным определением термина «картина мира», по мнению Е.В. Емельяновой, представляется его описание как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека». Картина мира как «ядро мировоззрения» обладает определенной антропоморфичностью: «она несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения» [49, с. 155].

В.В. Красных замечает, что «картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека. Современные психолингвисты полагают понятия «сознание» и «картина мира (модель мира, образ мира)» близкими, если не синонимичными (см., например, работы А. А. Леонтьева, Н. В. Уфимцевой и др.). Картина мира обязательно несет на себе национально-культурный отпечаток. Для многих исследователей картина мира предстает как «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» (Т.Г. Утробина) [79, с. 64].

В лингвистической науке различают концептуальную и языковую картины мира. «Концептуальная картина мира представляется богаче

языковой, поскольку в ее формировании, как полагают, функционируют различные типы мышления. Несмотря на различия, обе картины мира между собой связаны: язык исполняет роль средства общения именно благодаря тому, что он объясняет содержание концептуальной картины мира и означает её посредством создания слов и средств связи между словами и предложениями. Вместе с тем язык не отражает действительность, а лишь репрезентирует ее при помощи знаковых средств, отражая особенности ее понятийного освоения» [49, с. 156]. Таким образом, языковая картина мира является вербализованной частью концептуальной картины мира.

Следовательно, при образовании картины мира язык выступает «формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности (теории и практики)» [49, с. 156].

Основываясь на идеях А. А. Леонтьева, В.В.Красных в работе «Основы психолингвистики и теории коммуникации» пишет, что «языковая картина мира обозначает «мир в зеркале языка», а «картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии»...[79, с. 66]. Как видно из определений, картина мира, отражающая окружающий мир, шире языковой картины мира, которая в вербализированной форме отражает представления народа об окружающей его реальности.

По предположению И.А. Бариновой, Н.М. Нестеровой, И.Г. Овчинниковой, «языковая картина мира представляет собой, с одной стороны, результат функционирования языкового сознания, закрепленный в лексиконе и грамматике национального языка, который, напомним, не препятствует возможности вербализовать принципиально любое содержание; с другой стороны – основу для ориентировки в коммуникативной ситуации при порождении и восприятии речи» [11, с. 15].

Понятие «языковое сознание» становится предметом изучения лингвистов, психологов, культурологов, этнографов и др. Рассмотрим некоторые из существующих в современной лингвистике трактовок термина «языковое сознание». Исследованиями национального сознания в его связи с языком, особенностей специфики языкового сознания носителей разных культур и выявления общего и специфического в их образах мира занимались В.Гумбольдт, В.Вундт, А.А.Потебня, Л.Вейсгербер, Т.Н.Ушакова, Ю.Н.Караулов, Ю.С.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова, Е.В.Харченко и многие другие.

Под языковым сознанием, или как его определяет А.Г.Гурочкина, *этнокультурным сознанием* понимается «результат отражения и восприятия образа мира в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих содержательные контуры той или иной национальной культуры» [32, с.117].

В своей статье «Языковая картина мира и языковое сознание» Е.В. Емельянова, рассматривая данный вопрос, отмечает, что «описываемая как этноспецифическая интерпретация мира говорящим коллективом, языковая ментальность составляет основу понятия *языковое сознание* (ЯС), при оперировании которым обычно подразумевается «отражение жизненных и культурных особенностей народа в языке». В категориях ЯС, вербализованных системой лексико-фразеологических средств, фиксируется, интерпретируется и обобщается вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания. В ЯС, формируемом значением слов того или иного языка, содержится «национально-субъективный образ мира» и присущие ему «общенародные, стереотипные представления» [49, с. 157].

Н.В.Уфимцева и Е.Ф. Тарасов в работе «Проблемы изучения языкового сознания» пишут, что «языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А.Н.Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального

мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия. Эти первичные и вторичные образы являются средствами формирования содержания мысли до ее оречевления при помощи языковых знаков, у которых с телами этих знаков ассоциированы общественно отработанные знания, называемые в лингвистике лексическими значениями» [170, с. 20].

И.А. Стернин под *языковым сознанием* понимает «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» [145, с. 7].

В одном из вариантов применения термина "языковое сознание". Т.Н.Ушакова отмечает, что «из совокупного действия языка, речи и сознания в психике субъекта рождаются своего рода новые структурные образования: языковой тезаурус, вербальные сети, семантические поля» [168, с. 15]. Автором анализируются психолингвистические исследования вербальных ассоциаций в работах Ю.Н. Караулова, Ю.С. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой и других, по данным которых, языковой тезаурус носителя языка представляет его языковое сознание.

Рассмотрим подходы описания языкового сознания. По мнению И.А. Стернина, «языковое сознание может изучаться и описываться на трех уровнях – традиционно-лингвистическом, психолингвистическом и нейролингвистическом». Обратим внимание на первые два уровня.

Так, «уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания». Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть*

в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым» [145, с. 7].

«Уровень *психолингвистического* описания языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др.), которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [145, с. 8].

При этом И.А. Стернин резюмирует, что «исследование языкового сознания возможно, как на лингвистическом, так и на психолингвистическом уровнях, оба из которых предполагают свои методы и дополняют друг друга в описании системы языка. Достоверность традиционно-лингвистического описания повысится, если оно будет обобщать результаты психолингвистического описания» [145, с. 8].

Как видим из определений термина «языковое сознание» большинство исследователей определяют языковое сознание как понятие психолингвистическое, при этом термин «языковая картина мира» рассматривается как понятие лингвистическое.

А.А. Яковлев в статье «Языковое сознание» и «языковая картина мира: совместимость понятий» дает следующие определения этим терминам:

- языкового сознания как «психолингвистического понятия, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и смыслов» [183, с. 66];
- языковой картины мира как «лингвистического понятия, которое показывает, какие семантические компоненты элементов языковой

системы, используемых в языковом материале данной группы носителей языка, имеют тенденцию выражать схожие значения вне их зависимости от преобразований, накладываемых индивидуальным сознанием и конкретной ситуацией общения» [183, с. 67].

А.А. Яковлев считает, что «два проанализированных понятия не противопоставлены друг другу уже в силу того обстоятельства, что фиксируемые в них явления не исключают друг друга. Но они не являются и совместимыми, поскольку онтология фиксируемых в них языковых явлений и соответствующая методология различны. Два понятия являются взаимодополняющими, поскольку наиболее полное понимание некоторого образа в языке (скажем, образа, стоящего за словом «учитель») возможно только при изучении особенностей его репрезентации как в языковом материале, так и в сознании пользующегося языком человека» [183, с. 67].

Таким образом, рассмотрев основные термины «языковое сознание» и «языковая картина мира», приходим к выводу о том, что данные понятия дополняют друг друга, т.к. восприятие и понимание образа мира отражается в языке и возможно только при изучении особенностей его репрезентации как в языковом материале, так и в сознании пользующегося языком человека.

Кроме того, эти понятия не противопоставлены друг другу, т.к. фиксируемые в них явления не исключают друг друга, однако они и не совместимы, в связи с тем, что онтология фиксируемых в них языковых явлений и соответствующая методология различны.

1.2 Пословицы и поговорки как отражение национальной специфики картины мира

1.2.1. Проблема дефиниций терминов «пословица» и «поговорка» в научной литературе и их разграничение

Паремии служат объектом исследований в различных лингвистических областях: фразеологии, фольклористике, когнитивной лингвистике,

лингвокультурологии, теории дискурса и т. д. Однако проблема дефиниции и определения статуса фольклорных афоризмов в языкознании до сих пор остается нерешенной. Понятие «паремия» является достаточно разносторонним и многозначным. Среди паремиологов до сих пор нет общепринятой дефиниции. В частности, сам Аристотель указывал на важность паремиологических единиц и попытался их истолковать [3, с.288]. С тех пор ученые предпринимают попытки определения термина паремия, которые продолжаются и по сей день. Поэтому эта языковедческая проблема остаётся открытой. К решению этого вопроса обращались разные лингвисты, в частности В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, Н. М. Семенов, В. М. Телия и другие.

В лингвистике традиционно пословицы и поговорки исследуются из функционального (Л. И. Шагиахметова, О. В. Мерзликина, В. В. Прутчикова), когнитивного (Ю. В. Абрамова, С. В. Евраева, К. Р. Нопеск), структурного (Г. Ю. Садова, К. В. Дворова) и лингвокультурного (Т. В. М. Телия, З. Г. Коцюба) аспектов. Изучение фольклорных афоризмов с позиций лингвоаксиологии находится на стадии зарождения, как, собственно, и новая для лингвистики отрасль.

Отметим, что обзор теоретических изысканий свидетельствует о необходимости разграничения понятий пословицы и поговорка, уточнения содержания парадигмы пословицы и последующего представления собственного толкования вышеупомянутой дефиниции. Приведем наиболее содержательные, на наш взгляд, дефиниции, отражающие ингерентные черты каждой из указанных единиц. Согласно академическому определению, пословица – это устойчивое изречение, преимущественно фольклорного происхождения, в котором зафиксирован практический опыт народа и его оценка разных событий и явлений. Пословицы, в отличие от поговорок, самостоятельные суждения, интонационно и грамматически оформлены как простые или сложные предложения.

В лингвистической терминосистеме фиксируем и другие, разноплановые по содержанию, дефинитивные осмысления пословиц, а именно:

- «это краткое изречение, притча, иносказание, жизненный приговор, ходящий разум народа, переходящий в поговорку или простой оборот речи, сам за себя говорящий» [214, с. 44];

- «афористически краткие изречения с назидательным содержанием в ритмико-организованной форме» [151, с. 93];

- «короткое клишированное воспроизводимое высказывание, а не создаваемое в процессе речи, для которого главной функцией является регулятивная; это актуализация коллективного опыта в конкретной речевой ситуации» [56, с. 441-445];

- «меткое образное народное выражение, часто рифмованное по строению, которое в краткой форме обобщает, синтезирует различные явления жизни и имеет преимущественно поучительный, установочный, философский характер» [46, с. 218].

Обобщая вышеприведенные определения, фиксируем важную закономерность: единство языковедов относительно выделения базовой функции пословиц (дидактической) и завершенной мысли, что и отличает их от поговорок.

Н.В. Гордеева и С.В. Кузнецова, рассматривая системно-функциональные особенности английских пословиц, отмечают, что пословица – открытая парадигматическая группа, в которой специфически отображается языковая картина мира. Характеризуя самые существенные признаки разногласий между пословицами и поговорками, ученые отмечают, что пословицы выражают законченное мнение, в то время как поговорки – незаконченное. «Поговорки реализуют номинативную функцию, а пословицы – коммуникативную. Поговоркам, в отличие от пословиц, не присуща дидактичность и завершенность мысли. Если в формальном аспекте пословицы являются поливариативными предложениями с моно и поличасовой структурой, то поговорки, главным образом, фигурируют как

фрагменты предложения, образные сравнения и фигуральные обороты. Поговорке свойственна стабильность и пониженная вариативность» [38, с. 99].

Идентифицируя границы между пословицами и поговорками, З.Г. Кацюба отмечает, что «пословицы обозначены уплотненностью, образностью, высоким антропоцентризмом, дидактической валоративностью, предикативностью суждений, бытовой топиальностью и разговорным стилем. Исходными источниками пословиц являются ситуации, красноречивое оформление которых генерировало порождение соответствующей парадигмы. Срабатывает круговорот семантического дизайна: от ситуации – к пословице и снова – к пословице с ингерентной ситуацией. Пословицы нуждаются в соответствующем лингвогнитивном осмыслении. Их подвижность прослеживается, в частности, в трансформациях типа поговорка ↔ пословица. Источниками пословиц считают человеческий опыт, зафиксированный в народных песнях, сказках, баснях, анекдотах, малых текстах» [70, с. 65-67].

Согласно взглядам Л.Б. Савенковой, «пословица идентифицируется как определенная семантическая целостность, структурированная в виде обобщенно-образного, национально-культурного назидательного выражения, способного передавать социальный опыт через отражение мировоззренческих представлений и моделирование стереотипов поведения конкретного речевого сообщества. Как и предыдущие исследователи, ученый относит пословицу к парадигме текстов малой формы, выделяя такие их типичные лингвальные признаки, как краткость, синтаксическая замкнутость, эвфоничность и интонационная целостнооформленность» [130, с. 46].

Согласно концепции, Л. И. Тараненко, «пословица – это лапидарное народное изречение поучительного содержания, которое путем обобщения результатов социально-исторического опыта транслирует грядущим поколениям ведущие морально-этические, философские и условно-бытовые идеи относительно окружающей действительности» [147, с. 116]. По результатам проведенных исследований Л. И. Тараненко утверждает, что

«система функциональных признаков пословицы должна охватывать иерархическое соподчинение: общедидактическая функция → культурно-бытовая направленность → ассоциативно-воспитательное функциональное назначение» [147, с. 116]. Говоря о поговорке, автор делает вывод, что «поговорка высказывает мнение неполно, являет вид незамкнутого клише, часть предложения, к которому присоединяется авторский контекст» [147, с. 77].

По мнению А. Н. Рамазановой, «пословица – это устойчивое в речи и воспроизводимое в речи обобщающее высказывание в виде законченного предложения, что часто имеет переносное значение и может быть использовано с дидактической целью» [127, с. 98]. По сравнению с поговорками пословицы имеют значительный уровень обобщенности, то есть в их структуру можно вводить слова-маркеры всегда или никогда.

А. Н. Рамазанова выделяет следующие самые характерные признаки пословицы:

- «по форме: лаконичность (простое или сложное двусложное предложение), ритмическая и/или рифмованная организация, образность, фразеологическая стойкость;

- по содержанию: обобщенность, дидактичность, оценочность, логичность, внушаемость» [127, с. 96].

Выделенные А. Н. Рамазановой признаки пословиц, а также взгляды других ученых, эмпатирующих внимание на модификации малых текстов [4; 70; 76; 77], дают основания сформулировать собственное видение структурной стойкости пословиц. Следовательно, пословицы, в силу своей яркости, экспрессивности, активно используются авторами в различных типах текста в ocasionальном видоизмененном варианте, при этом изменяется их формальное и содержательное наполнение, но, в большинстве случаев, они не теряют ассоциативной связи с узуальной формой и легко идентифицируются среди читателей.

Продолжая вопросы исследования динамичности пословиц, приведем определение А. А. Константиновой: «Пословицы и поговорки не являются устойчивыми семантическими сущностями, чье значение сохраняется в памяти человека, поскольку каждый раз при использовании в коммуникации их значение формируется заново и обуславливается динамикой дискурса» [76].

Обработка теоретических источников, посвященных освещению разногласий между понятиями пословицы и поговорки, позволяет сделать четкое представление общих/отличных признаков указанных единиц, что для наглядности можно представить в сводной таблице 1

Указанные в таблице 1 признаки свидетельствуют, что пословицы находятся на шкале, которая на порядок выше поговорок: если первые являются эквивалентами суждений в форме интонационно и содержательно завершенных предложений и используются для целенаправленных коммуникативных потребностей, то последние приравниваются к значению слова и соответствующих номинативных особенностей.

Таблица 1.

Общие и отличительные признаки пословиц и поговорок

Пословицы	Поговорка
Коммуникативная единица	Номинативная единица
Предложение	Словосочетание, фрагменты предложения, конститутенты пословицы
Синтаксическая завершенность	Синтаксическая незавершенность
Взаимодействие мотивирующей основы или лексического состава и прагматического содержания или вывода (тематическая связь)	Блок-суждение, часть пословицы

Содержательная и интонационная завершенность	Отсутствие смысловой и интонационной завершенности
Суждения	Информативное понятие
Дидактическая, влиятельная функции	Украшение и разнообразие речи

Следовательно, в рамках нашего исследования считаем необходимым дифференцировать понятие пословицы и поговорки. Пословица интегрирует в себе коммуникативно завершенные и целесообразно принятые суждения об опыте определенного народа, что представляется в речи в форме предложений как руководство по определенным действиям.

Учитывая вышеупомянутые трактовки, можем перейти к формулировке определения пословицы. Итак, по нашему мнению, пословицы – это коммуникативные автономные единицы, имеющие форму небольшого тематического текста, не содержащего заголовка, являющегося конденсацией наблюдения и в которых доминирует синкретическая (информативно-влиятельная) функция. Указанные коммуникативные единицы характеризуются давностью происхождения, принадлежностью к разным типам дискурса, спецификой их поверхностной и глубинной структур.

1.2.2. Пословицы и поговорки как источник этнокультурной информации

У каждого народа есть своя уникальная система моральных ценностей и установок, выражающая отношение к миру, к другим народам, которая находит отражение в языке. Определённый слой языка содержит в себе всю информацию о национальной специфике, об образе жизни, истории народа, условиях его быта, общих традициях или обычаях какой-либо социальной группы и многое другое. Именно к такому слою можно отнести пословицы и поговорки.

Паремийную картину мира рассматриваем в неразрывной связи с языковой и концептуальной картинами мира, отражающими знания и представления человека о мире, опыте человеческой деятельности и процессах познания мира.

На особую роль паремий в создании языковой картины мира указывают такие известные языковеды, как Н. Амосова [5], Т. Космеда [77], В. Мокиенко [105], В. Телия [153], И.В. Зыкова [52] и т.д. Новейшие подходы исследования паремий в системе единиц языка и речевой деятельности (когнитивный, семиотический, текстовый, лингвогенологический, дискурсивный и т.д.) способствуют углублению научного знания, определению и обоснованию статуса паремий в современной лингвистике с учетом различных аспектов их изучения.

Уникальность логико-семиотической, структурной и образной организации пословиц и поговорок выделяет их из других жанров фольклора и делает неисчерпаемым источником исследования многих наук. Общность не только объекта исследований, но и их основных задач, направленных на поиски мировоззренческих устоев коллективного создателя паремийных корпусов языков, выявления и анализа зафиксированной в них модели мира объединяет исследователей, представляющих различные области гуманитарных знаний, в частности паремиологов (И. Голубовская Л. Дядечко, Г. Пермяков, Ю. Прадид, О. Селиванова, В. Телия, В. Ужченко и др.), этнопсихологов (С. Жаботинская, В. Жаворонок и др.), культурологов (Г. Богданович, В. Иваненко, В. Маслова, О. Ткаченко и др.), философов (А. Мельникова, Т. Тийттанен и др.). Однако отсутствие четко очерченных критериев исследования паремий, принципов отбора материала, неучтение его специфики и особого статуса в языковой системе, соотношение универсального и национального в разных типах паремий может приводить к неточным результатам, противоречивым выводам при рассмотрении паремий, даже одной тематической группы или блока в трудах разных авторов.

Пословицы и поговорки как коммуникативные единицы относятся к разряду нетипичных текстов малой формы (шутки, анекдоты, эпиграммы, загадки, законы, аксиомы и т.д.). Они принадлежат к единицам, представляющим языковую картину мира. Вместе с тем они являются языковыми элементами, которые готовы к использованию в процессе общения, что мотивировано самой сущностью паремий, их прагматикой.

Некоторые исследователи, в том числе и В. Телия, относят паремии к микротекстам. Исключительность паремий как микротекстов автор видит в том, что «в их номинативную основу, связанную с ситуативным характером обозначаемого, впитываются и концептуализируются все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте» [154, с. 118]. Адресат вовлекает его в речь в свернутом виде как соответствующий текст. С позиций коммуникативно-прагматического аспекта лингвистики текста, микротекстам присущи текстово-дискурсивные категории: категории целостности, дискретности, информативности, связности, континуума, референционности, антропоцентричности, интерактивности. Категорийная система текста спроектирована на паремии как микротексты. Коммуникативно-прагматический аспект лингвистики текста значительно расширяет область исследования паремий как единиц дискурса [154, с. 121-125].

Некоторые языковеды (Г. Богданович, С. Вапиров, И. Голубовская, В. Маслова, О. Ткаченко) относят паремии к речевым явлениям, отражающим специфику ментальности представителей определенной культуры. Пословицы и поговорки как фразеологические единицы являются наиболее специфической и национально-самобытной сферой языка, благодаря изучению которой появляется уникальная информация о народе - носителе языка, его культуре, истории. Они позволяют попасть в глубины национального образа мышления или ментальности. Пословицы и поговорки как аксиологически значимые величины составляют главную часть афористических суждений, содержащих в лаконичной языково-образной форме национально-обусловленные ценностно ориентированные обобщения

объективной действительности, через которые прослеживаются соответствующие константы состава народного мышления.

Размышляя о языковых критериях национальной ментальности на разных уровнях, И.Е. Тимошенко акцентирует внимание на текстологическо-стилистическом уровне, где признаки национальной ментальности лежат на поверхности текстов, по мнению названного ученого, это позволит прийти к выводам об «автопортрете» каждого народа. «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурное сообщество идентифицирует свое национальное сознание» [164, с. 45], своеобразные микромиры, отражающие нравственные законы, здравый смысл, переданный предками в руководство потомкам.

В системе паремиографических проблем важное место занимает вопрос национальной принадлежности образцов, проблема выяснения соотношения между интернациональным и национальным элементами в пределах паремийного фонда. Мы считаем, что в художественном творчестве национальное превалирует над интернациональным, поскольку и заимствования подлежат трансформации на национальной почве. Пополнение национального паремийного фонда иностранными образцами возможно только тогда, когда они «выражают» мысли, согласные с мировоззренческими убеждениями народа-реципиента, когда они отвечают его национальному духу, ментальности. Своеобразным продолжением селекции паремий является их национальная адаптация (собственно национализация), в процессе которой возможны только изменения внешних их оболочек текста, при обязательной константности основного смысла паремии. Современные паремиологи, занимающиеся выделением в паремийном репертуаре интернационального и национального, отмечают труд Е. Кокаре, в котором подробно систематизированы достижения европейской науки по указанному вопросу и этнического в паремийном материале [73].

Актуальными считают исследования пословиц и поговорок как культурных и коммуникативных единиц, в которых фиксируется не только

национальное самосознание, но и ценностные приоритеты современной жизни общества. В конце XX в. в паремиологии встала задача найти неадекватное обозначение для нетрадиционных форм пословиц. Многочисленные попытки обозначить видоизмененные паремии общими терминами, например; «трансформации» (Е. Савина), «кукизм» - для обозначения намеренно искаженных паремий (В. Беликов), «квазипословицы» (Е. Береговская), «новые русские пословицы» (Е. Вельмезова), «антипословицы» (Х. Вальтер, В. Мокиенко), «провербальные трансформанты» (С. Энедаш). Квази-паремиям, то есть тем пословицам и поговоркам, которые утратили связь с традицией и приобрели статус техник влияния, принадлежит обширное поле современной культуры.

В условиях современного общества «потребление» паремий теряет связь с фольклорной традицией и архаическими пластами культуры. Паремии трансформируются в новый вид, что отражает современные языковые вкусы и актуализирует значимые для культуры явления.

Как отмечает О. Островская, паремия – категория коммуникативная, она акцентирует внимание на моделирующей функции паремий в коммуникативном процессе; «регулярно воспроизводимые картины разговора действительно порождают специфические формулы, уже воспринимаемые как сценарий, определенный паремийный текст может ассоциироваться с кругом важных проявлений» [113, с. 16], именно эта функция паремий имеет важное значение в современном мультимедийном пространстве, каждый вариант паремии в каждом отдельном воспроизведении значения, условно принятого по константе, соответственно моделирует коммуникативный процесс и представление о картине мира.

На сегодняшний день очевидно, что каждый человек в своем мышлении, поведении, речи реализует систему стереотипов. Воспитание, образование, обретение жизненного опыта, различные виды и способы повседневного общения (интерперсональное, межкультурное и др.) – это и есть один из способов накопления стереотипных знаний и навыков, аккумулярованных

обществом и выраженных на языке. Но процесс всестороннего изучения, интерпретации указанных языковых стереотипов еще не завершен.

1.2.3. Типология русских и таджикских пословиц и поговорок

В современном языкознании, изучающем пословицы и поговорки, существуют разные классификации паремий. Г.Л. Пермяков выделяет несколько типов классификаций паремий:

1. Алфавитная классификация исходит из способа распределения пословиц и поговорок в алфавитном порядке, где начальной буквой паремиологического высказывания считается первая буква первого слова. Данный классификационный подход реализован как в старинных русских сборниках, так и в современных изданиях паремиологических словарей. В случае использования алфавитной классификации исследователь сталкивается с высокой вероятностью повторного воспроизведения одной пословицы в разных группах, поскольку пословичные и поговорочные фонды национальных языков содержат несколько вариаций, начинающихся с разных букв. «Особенно неудобен этот способ для классификации переводных пословиц, так как пословицу можно перевести так, что она будет начинаться с какой угодно буквы» [115, с.54].

2. Лексическая классификация опирается на метод выделения ключевых лексем, являющихся компонентом пословицы и несущих основную смысловую нагрузку данного изречения, что хорошо подходит для расположения в сборнике уже известных пословиц. Однако пословичные изречения могут быть составлены из одних и тех же лексем, но нести разное семантическое значение, в результате чего они помещаются в одну категорию. В то же время разные по лексическому составу, но сходные по семантике паремии распределяются по нескольким категориям [115, с.54].

3. Монографическая классификация, воспроизведенная в книге «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков»

(АН СССР, 1961), предполагает распределение пословиц по хронотопу собирания и имени собирателя. «Этот способ классификации и публикации пословиц очень удобен для изучения истории вопроса, но, как лексический и алфавитный, он абсолютно не гарантирует отсутствия множества повторов и всевозможной неупорядоченности» [115, с.55].

4. Генетическая классификация учитывает природу происхождения паремий как единицы конкретного языка, принадлежащего породившему его народу [115, с.55]. Данный подход к группированию пословичных и поговорочных изречений необъективен ввиду высокой вероятности воспроизведения одной и той же паремии в разных категориях.

5. Тематическая классификация предусматривает выделение тематического, или содержательного, компонента пословицы или поговорки. Указанный метод идентификации представлен у В.И. Даля, а также у «подавляющего большинства авторов советских работ по изучению пословиц и поговорок» [115, с.55]. Как полагает Г.Л. Пермяков, тематическая классификация концентрируется на определении семантики пословицы и поговорки, не отвлекаясь на менее существенные элементы высказывания [115, с.55]. Вместе с тем указанный способ классификации обладает серьезными недостатками, к которым, в том числе, относится невозможность включения пословицы или поговорки в рамки одной узкой темы ввиду использования высказывания в переносном значении, а также отсутствие четкого разграничения между предметно-тематическими классами изречений. Следует заметить, что «сама разбивка на тематические группы решается каждым исследователем или составителем сборника довольно произвольно, в зависимости от его субъективного взгляда» [115, с.56].

Подводя промежуточный итог, следует заключить, что каждый из представленных способов классификации пословиц и поговорок обладает собственными достоинствами и недостатками, которые в конкретных случаях могут упрощать или затруднять процесс интерпретации высказывания. В то же время все описанные методы оказываются необъективны ввиду их

ориентированности на случайные характеристики паремий, не отражающие природу данных языковых единиц; следовательно, «ни одна из существующих ныне систем классификации пословиц и поговорок не может служить основой для создания объективной теории жанра» [115, с.56].

В основе сборника пословиц В.И. Даля лежит тематическая классификация пословичных высказываний, разделенных на сто семьдесят девять тематических рубрик: пословицы о предметах веры (бог, грех, набожность, раскол и проч.), о судьбе (терпенье, надежды и др.), о счастье (удаче), о богатстве и бедности, скупости, о бережливости и мотовстве и т.п. Тематическое распределение пословиц оказывается таким же масштабным, как и жизнь народа в целом. При этом одна и та же пословица в сборнике В.И. Даля может присутствовать в нескольких тематических рубриках, что обусловлено многозначностью пословичных высказываний [212].

Тематическая классификация пословиц опирается на реальные свойства пословичного высказывания, заключающиеся в наличии у пословицы одного, но чаще нескольких тематических значений. Присущая пословицам многозначность существенно затрудняет не только толкование изречения, но также составление тематико-классификационной системы. В результате формируются сборники пословиц, где отсутствует строгое разграничение пословиц по темам, что усложняет процесс работы со сборником.

В таджикском языке первым фразеологическим словарем таджикского языка является «Чароғи ҳидоят» (Путеводный свет) Сирожиддина Алихона Орзу (1734 г.), который служит надежным источником для дальнейшего развития таджикской фразеологии. Этот словарь был составлен в соответствии с алфавитной классификацией, используемой в самых известных словарях персидского языка [114].

Современный фразеологический словарь таджикского языка гораздо полнее по структуре и содержанию, чем предыдущие словари. Прежде всего, следует упомянуть «Словарь таджико-иранских пословиц, поговорок и афоризмов» М. Фозилова. Этот паремиологический словарь, как

подчеркивается во введении, составлен также в алфавитном порядке [229, с. 7].

В других фразеологических словарях (словарь произведений писателей, диалектный словарь) мало сведений о принципах толкования лексических единиц. Во введении к «Словарю фразеологизмов ходжентского диалекта» составителями словаря А. Захидовым, Б. У. Азимовой, отмечается: «По лексикографическому опыту представляется, что пояснительные единицы обычно ставятся на управляющую часть словосочетания, фразеологического предложения. Однако мы опирались на первоначальный стандарт словарного письма - алфавитный порядок слов в словосочетании и предложении, поскольку такой метод работы позволяет легко найти в словаре нужную единицу» [120, с. 13].

В целом все паремиологические словари, составленные на таджикском языке, используют алфавитную классификацию. Такому подходу следовала и составитель словаря С. Бегматова «Словарь таджикско-русско-английских пословиц, поговорок и афоризмов» [208]. Если, с одной стороны, это свидетельствует о проверенном опыте лексикографии, с другой стороны, это может быть признаком того, что сбор, систематизация и классификация таджикских паремий все еще находится на первичном этапе.

1.2.4. Основные подходы в изучении пословиц и поговорок

В прошлом веке «антропологический поворот» оказал большое влияние на различные научные отрасли, в том числе и на методологическое пространство лингвистики. Это обусловило активизацию лингвистических исследований и выход научных работ, освещавших проблемы методологии. Внимание ученых было сосредоточено как на выявлении новых подходов к изучению феномена языка, так и на статусе языковых единиц в лингвистической парадигме. В настоящее время осуществляется немало исследований языкового материала в области фразеологии и паремиологии.

Как известно, многовековое культурно-языковое наследие составляет паремиологический фонд, в состав которого входят паремиологические единицы – пословицы и поговорки. Паремии являются объектом исследований ряда научных дисциплин (языковедения, литературоведения, фольклористики, антропологии, этнологии, социологии, философии) на протяжении многих веков, за которые было написано немало исследований, посвященных истории возникновения, происхождения и методике их изучения.

Исследования семантических, структурно-семиотических, универсальных, национально-специфических особенностей паремий, их номинативной и коммуникативной природы осуществляются с помощью различных подходов, в частности, комплексного лингвистического (О.А. Дуденко, И.С. Гулидова), идеографического (Н.В. Царегородцева), функционально-синтаксического (О.И. Наконечная), комплексного интердисциплинарного, оппозиционного (З.Г. Кацюба), ономаσιологического (Р. Вижкевич-Максимов), структурно-семиотического (Г.Л. Пермяков), лингвокогнитивного, коммуникативно-дискурсивного (Л.И. Даниленко), лингвокультурологического, концептуально-семиотического и сопоставительно-типологического (В.Л. Пирогов, И.А. Голубовская, Я.О. Сулейманова). Л.Б. Савенкова отмечает, что в XIX в. исследование пословиц и поговорок ученые проводили с помощью фольклорного, литературоведческого, собственно лингвистического (прежде всего синтаксического) подходов [130].

Фундаментальные исследования пословиц и поговорок были осуществлены Г.Л. Пермяковым. Ученый предложил собственную паремиологическую теорию и разработал в соответствии с логически-тематическим критерием классификацию пословиц и поговорок с учетом их специфики (многоплановость, постоянство, логичность, краткость) [115]. Его исследования базируются на структурно-семиотическом подходе, с помощью которого можно выявить семантическое ядро паремий (логическую

составляющую). Г.Л. Пермяков, понимая языковую природу пословиц и поговорок как символов ситуации, своим подходом показал, что основополагающим элементом значения любого высказывания есть инвариантная пара, основу которой составляют два противоположных понятия. Она может быть представлена в нескольких вариантах: инвариантно-тематических парах, формотворческих группах и формотворческих классах. Ученый акцентирует внимание на том, что нет смысла определять тему паремий по содержанию.

Именно инвариантную пару семантических противопоставлений, которая является постоянной и составляет ядро любой пословицы, следует считать основной темой той или иной паремиологической единицы [115, с. 22; с.104]. В качестве примера автор приводит ряд паремий, в частности «Гора породила мышь», в которой противопоставление гора и мышь означает не что иное, как противопоставление большого и малого. Такой универсальный подход, по мнению ученого, позволяет провести детальный анализ глубинной структуры паремий и способствует выявлению уровня их структурно-языковой сложности и способности к внешним и внутренним трансформациям [115, с.103–104].

Идеи Г.Л. Пермякова легли в основу исследований Л.А. Джелаловой и В.Л. Пирогова. Л.А. Джелалова, взяв за основу структурно-семиотический подход Г.Л. Пермякова и семантико-концептуальный подход (концептуальные особенности паремий) Ю.М. Караулова, разработала метод структурно-семантического моделирования и впервые с его помощью описала семантическое ядро русских паремиологических единиц тематической группы «Человек» [66, с.8]. Совокупность лингвокультурологического, концептуально-семиотического и сопоставимо-типологического подходов применена в труде В.Л. Пирогова. Такая методика позволила автору наиболее полно проанализировать структуру и семантику пословиц и поговорок японского, английского, украинского и русского языков; выявить и описать разногласия между паремиями, а также провести параллели знаковой

организации, лексического состава и инвариантности паремийных единиц. Важно, по мнению автора, применить полевые приемы для выявления сходств и различий между паремиями четырех языков в их концептосферах [120, с.7-13].

Модели семантики пословиц и поговорок с помощью структурного подхода описывает А.С. Малкова. Она акцентирует внимание на трех основных звеньях – оппозиции (пара противоположных понятий), отождествлении (семантический маркер связи между оппозициями) и конфигурации (систематическое сочетание как положительных, так и негативных оценок, входящих в звено оппозиций), составляющих семантическую основу моделей паремий [95, с. 409]. В рамках комплексного лингвистического подхода В.М. Мокиенко выделяет такие основные типы межъязыковых паремийных связей, как: 1) сходство мотива при существенном расхождении образности и структуры; 2) тождество образа при тождестве структуры; 3) тождество образа при модификации структуры в пределах установившейся общеязыковой схемы-модели [104, с.366]. Основательный анализ семантики и прагматики русских паремий в когнитивном и прагматичном аспектах провела Н.Н. Семененко. По ее мнению, такой подход позволяет выявить синкретические свойства русских паремий (текстемы, знаки косвенной номинации, прецедентные единицы этнолингвокультуры) и их целостную семантическую структуру (прагматический фактор)) [136, с. 3-7].

Исследование этнокультурной семантики паремий на обозначение элементов рельефа осуществлено О.О. Савченко с помощью интегрированного подхода, сочетающего в себе лингвокогнитивный, лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный подходы. Такое сочетание позволило автору провести анализ паремийной вербализации концептов на обозначение элементов рельефа в коллективном сознании украинского и польского народов [131, с.3].

Паремии участвуют в создании языковых картин мира, в частности, ценностной. Именно в пословицах и поговорках содержится комплекс ценностей, присущих тому или иному народу. По мнению Я.А. Сулеймановой, ценностная картина мира «представляется в паремиях с помощью образов, составляющих основу культурной коннотации». В своих работах лингвист рассматривает особенности аксиологической семантики английских, немецких, русских и украинских паремий с компонентами обозначения природных стихий (огонь, вода, воздух и земля - 391 единица). Основой в ее исследовании является лингвокультурный подход, сочетающий в себе наработки отечественных и зарубежных ученых в области языкознания: паремиологии, прагматики, фразеологии, семантики, лингвокультурологии и т.д. Автором разработана классификация ценностей в славянской и германской картинах мира по функциональному принципу и соответствию потребностям человека в социальной жизни, а также аргументированы теоретические соображения по корреляции между понятиями ценности, оценки, экспрессивности и эмоциональности, которые являются предметом обсуждения среди исследователей [146, с. 2-3; 18-19; 91; 186–187].

В современной лингвистике достаточно актуальна проблематика исследования универсального и национального в паремийных фондах языков. В этом направлении работают такие языковеды, как И.А. Голубовская и З.Г. Кацюба. В частности, И.А. Голубовская применяет новые подходы к изучению языковедческих феноменов. В своих исследованиях автор использует лингвокультурологический подход для выявления универсальных и национально-специфических особенностей паремий [37, с.6]. Учитывая знаковый характер паремиологических единиц, она предложила авторскую межъязыковую классификацию паремий, чтобы показать в их составе как национальный компонент, так и взаимодействие содержательного, формально-образного и экспрессивно-стилистического аспектов: 1) паремии, находящиеся в отношении полной содержательной, образной и экспрессивной стилистической эквивалентности; 2) паремии, состоящие в отношениях

полной содержательной, но частичной образной и экспрессивно-стилистической эквивалентности; 3) паремии, состоящие в отношении частичной содержательной и специфической образно-стилистической эквивалентности; 4) безэквивалентные паремии, которые выражают преимущественно национальные морально-ценностные приоритеты, не имеющие логико-образных соответствий в других языках (среди них выделены паремии, лишенные образной формы и имеющие ее).

Систематизируя паремии изучаемых языков, И. А. Голубовская пользовалась понятиями инварианта содержания и образной формы его воплощения. Это дало возможность представить характерные признаки отличных ассоциативных механизмов коллективных сознаний того или иного народа [37, с.210–228]. Изучением психокультурных универсалий на основе синхронно-диахронного сопоставления паремийных текстов украинского, польского, русского, английского, французского и других языков занимается З.Г. Кацюба. Автор выделяет пословицы и поговорки среди других фразеологических единиц, аргументируя позицию тем, что анализ паремий должен осуществляться на уровне суждений, а не образов или мотивов. Поэтому она выводит свое исследование за пределы, собственно, паремиологии и применяет комплексный интердисциплинарный подход к рассмотрению языковых явлений [70, с.9-10]. По мнению З.Г. Кацюбы, «такой подход к исследованию базируется на понимании паремий как знаков, являющихся носителями нескольких блоков информации, охватывающих объективный (денотацию) и субъективный (оценку, мотивацию, стилистическую маркировку) компоненты сигнификата» [69, с. 301]. Также исследователь свидетельствует о продуктивности оппозиционного подхода к анализу пословиц и поговорок, поскольку именно оппозиционность относится к универсальным признакам паремий. Этот подход, по словам З.Г. Кацюбы является «одним из самых адекватных способов поиска универсального в разноязычном проverbsиальном пространстве» [69, с.9, 115, 411].

О.В. Дуденко рассматривает номинативную, знаково-символическую и коммуникативную природу паремий. Она утверждает, что паремии следует изучать «не только как единицы языка, но, прежде всего, как коммуникативные единицы народной дискурсивной речи». Автор в своем исследовании использует комплексный лингвистический подход к изучению природы паремий в семантическом, структурном и функциональном аспектах [48, с. 2-3; с. 9].

Не менее важным в лингвистической науке является культурно-исторический аспект исследования паремий в диахронии и синхронии. Л.И. Даниленко впервые в лингвостлавистике осуществила анализ чешской паремиологии в рамках современных парадигм языкознания. В монографии автор опирается на новые подходы к изучению чешских паремий – лингвокогнитивный и коммуникативно-дискурсивный, что позволило осуществить историко-этимологическую реконструкцию семантики паремий и представить максимально полное описание пословиц и поговорок, содержащих «генетические и когнитивно-коммуникативные особенности их существования в системе языка» [43, с.10-15].

Как видим, паремии – это часть народной культуры и особые единицы языка. Они являются объектом исследований ученых уже не одно столетие. Аналитический обзор научных работ показал, что языковедами применяются как устоявшиеся, так и новейшие подходы к изучению паремиологических единиц, в частности комплексный лингвистический, структурный, лингвокультурологический, оппозиционный, идеографический, функционально-синтаксический, комплексный интердисциплинарный, когнитивный структурно-семиотический, концептуально-семиотический, лингвокогнитивный, коммуникативно-дискурсивный, сопоставительно-типологический, ономаσιологический, прагматический подходы. Такая многоаспектность свидетельствует о широте методологии исследований пословиц и поговорок.

Проведенный анализ также свидетельствует о том, что применение каждого из подходов обусловлено задачами, которые исследователь ставит перед собой. В следующем разделе рассмотрен один из более поздних подходов – лингвокультурологический, который выступил основным подходом к исследованию вопросов, затронутых в данной диссертации.

1.2.5. Лингвокультурологический подход в изучении паремиологической картины мира

Стремительно растущий интерес к изучению взаимосвязи культуры и языка привел к возникновению особого научного направления, изучающего паремии как особые средства, способные накапливать и передавать культурные знания через века и поколения. В настоящее время культурные и межкультурные аспекты различных типов многословных выражений являются центральными темами паремиологических исследований. Поскольку в настоящее время исследования паремии как культурно-связанного или культурно-специфического явления ведутся лингвистами всего мира, можно говорить о существовании в разных национальных традициях как разнообразных, так и многообразных подходов к исследованию паремий в культурологическом и лингвокультурологическом ракурсе.

В XX веке проблема соотношения паремиологии и культуры выходит на новый этап своего развития, направленный на поиск соответствующих теоретических оснований и адекватного методологического инструментария, позволяющего исследовать соотношение паремиологии и культуры, эксплицировать культурно-национальную специфику пословиц и поговорок как русского, так и других языков.

К этой проблеме в своих работах обращался основоположник русской фразеологической традиции Виктор Владимирович Виноградов. Ученый в русле идей, высказанных ранее А. А. Потебней, подчеркивал, что «в русском языке есть слова с особым культурным значением, т.е. слова, которые

передают различные символические значения и могут даже служить культурными символами» [27, с. 86].

На основе исследований В.В. Виноградова, а также работ его предшественников русская фразеологическая традиция развивалась с конца 1930-х до начала 1990-х годов благодаря существенному вкладу многих видных русских ученых, начавших разрабатывать разноплановые подходы к изучению культурно-национальных и культурно-исторических аспектов фразеологизмов, например: Б. А. Ларин [84], В. Л. Архангельский [9], А. В. Кунин [82], И. И. Чернышева [177], Г. Л. Пермяков [115; 117], Л. И. Ройзензон [129], А. И. Федоров [171], В. П. Жуков [216], В. Г. Гак [33], В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин [26], Е. М. Солодухо [144], Ю. В. П. Солодуб [143] и многие другие. Таким образом, русская историческая фразеологическая традиция объединила представителей различных фразеологических школ, в том числе паремиологов со своими исследовательскими программами по изучению лингвокультурных особенностей фразеологии и паремиологии.

В результате, благодаря объединению научных усилий и большой работе, проделанной в области паремиологии, в начале 1990-х гг. произошло бурное развитие нескольких направлений (или подходов), ориентированных на исследование взаимодействия культуры и паремиологии в различных теоретико-методологических рамках и в рамках русской фразеологической традиции.

Лингвокультурологический подход к изучению паремий – одно из новейших, а также одно из наиболее быстро развивающихся направлений исследований современной русской паремиологии, основанное учёным Вероникой Николаевной Телией (1930–2011).

Лингвокультурологический подход представляет собой, по существу, дальнейшее и весьма продуктивное направление развития паремиологической теории, восходящее к работам видных российских ученых предшествующих столетий, занимавшихся анализом паремии как культурного или культуро-обусловленного явления. С этой точки зрения его возникновение было вполне

логичным и предсказуемым, поскольку оно было фактически обусловлено всем ходом эволюции русской паремиологической мысли и общими тенденциями развития русской фразеологической традиции.

Стоит отметить, что как подход синтетического типа его теоретико-методологические основы формировались под влиянием ряда отдельных областей гуманитарных наук. По мнению В.Н. Телия, лингвокультурологический подход к фразеологии и паремиологии наследует, прежде всего, взгляды И. Г. фон Гердера и В. фон Гумбольдта [150, с. 102]. Он также принимает отдельные идеи, изложенные в культурологических и антропологических, а также философских, психологических и семиотических работах таких российских и европейских ученых, как А. К. Байбурин, Р. Барт, Э. Кассирер, Дж. Г. Фрейзер, Г. Д. Гачев, А. Я. Гуревич, В. В. Иванов, К. Г. Юнг, Л. Леви-Брюль, Д. С. Лихачев, Ю. В. М. Лотман, Б. Малиновский, Э. Сапир, Г. Г. Шпет, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, Э. Б. Тайлор, Б. А. Успенский, Дж. Л. Вейсгербер, Б. Л. Уорф, Л. Витгенштейн и некоторые другие [52, с. 43].

Основные теоретические положения лингвокультурологического подхода к паремиологии были сформулированы и обсуждены в ряде работ В.Н. Телия, опубликованных с середины 1990-х по 2010-е годы [150; 151; 152; 153]. Как утверждается в этих работах, основные теоретические положения, лежащие в основе рассматриваемого подхода, состоят в следующем:

«язык и культура – две отдельные знаковые (или семиотические) системы, между которыми существуют отношения взаимодействия» [152];

«одним из важнейших последствий взаимодействия «культура–язык» является формирование паремиологических единиц» [150];

«создаваемые в результате культурно-языкового взаимодействия пословицы и поговорки являются особыми языковыми единицами, способными хранить и аккумулировать достаточно значительный объем культурных знаний и отражать своеобразные способы национального (или культурно обусловленного) мировоззрения действительности» [153];

«богатое культурное содержание паремий, их экспрессивно-эмоциональная сила, проникновение во все области языка, широкий спектр дискурсивного применения и некоторые другие типичные их свойства превращают пословицу и поговорку в языковые средства, которые могут выполнять функции «культурных знаков» (т.е. культурных прототипов, культурные символы, культурные стереотипы)» [151];

««высшей» категорией и отправной точкой лингвокультурологического исследования является индивидуальная ментальность носителя языка, играющая решающую роль в формировании культурного содержания паремии» [152].

Опираясь на эти теоретические положения, лингвокультурологический подход направлен, главным образом, на синхронное изучение паремий в их современном употреблении в различных типах дискурса. Он предназначен для изучения лингвокультурологической компетентности членов того или иного лингвокультурного общества на основе анализа и описания культурологических знаний, заложенных во пословицах и поговорках и постоянно воспроизводимых, и активизируемых посредством их употребления в реальных коммуникативных практиках [152]. Итак, одной из основных проблем в рамках лингвокультурологии является исследование паремии как важнейшего механизма, способствующего формированию и укреплению коллективной культурной идентичности [153].

Применение разработанных лингвокультурологических методов оказалось весьма плодотворным не только в изучении центральных и специфических лингвокультурологических проблем, но и в предоставлении надежных доказательств, помогающих проверить ее основные теоретические положения. Их использование способствует развитию лексикографической теории и практики словарного дела.

Получив научное обоснование в русской фразеологической традиции с 1990-х годов в работах Телии и ее сторонников, лингвокультурологический подход к фразеологии и паремиологии прочно утвердился в настоящее время

как актуальное направление исследований, посвященное разнообразным проблемам культурогенеза фразеологии и паремии. С одной стороны, он осваивает и дорабатывает, а с другой стороны, вписывается и способствует развитию различных конвенций лингвокультурологических исследований, проводившихся на протяжении последних двух столетий как в России, так и в других странах.

В середине 2010-х гг., вооруженный достаточно эффективным понятийно-терминологическим и методологическим «инструментом», лингвокультурологический анализ паремиологии показал важные результаты как в теоретической, так и в прикладной областях исследования взаимодействия «культура–паремиология». Разработанные специальные методы и лексикографические приемы позволяют констатировать, что культурные данные, заложенные в паремии, весьма неоднородны как с исторической, так и с современной точки зрения. Кроме того, они указывают на особые способы выявления, отбора и лексикографического представления (возможных) способов создания паремий под влиянием культуры.

Таким образом, лингвокультурологический подход открывает пути для гораздо более тонких исследований в области культурологических аспектов паремий. Однако, для ее дальнейшего развития еще предстоит проделать большую работу как в теоретической, так и в прикладной областях.

Выводы по 1 главе

Подводя итог, констатируем, что антропоцентрический подход к интерпретации языковых единиц повлек за собой возникновение новой научной парадигмы. Он стал базовым для таких лингвистических наук, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и т.д. Основы доминантных для антропоцентризма взглядов были сформулированы еще в философии Г. Гумбольдта и получили распространение в учениях

неогумбольдтианцев. По этому принципу в лингвистике речь изучается в связи с сознанием, мышлением, культурой человека, а значит и целого общества.

Хотя анализ теоретического наследия по проблематике определения этого явления свидетельствует о недостаточной разработке понятийной структуры термина, наиболее авторитетным в рамках этого исследования считается понимание культурной коннотации В. Н. Телией. Кроме того, считаем целесообразным различие лексической и культурной коннотации и видим разницу между ними в структурном и семантическом аспектах. Наибольшей способностью к выражению ценностно-культурных смыслов характеризуется лексическая система языка, в частности, паремиологический состав.

Кроме национально-культурной специфики, другими чертами пословиц и поговорок, по мнению многих исследователей, есть обобщенный, дидактический, рекомендательный и целесообразный характер. В исследовании целесообразным усматривается различать пословицы и поговорки по структурно-логическому (синтаксически-семантическому) аспекту, согласно которому пословицы составляют замкнутые клише, иллюстрирующие определенную закономерность, регулярно повторяющееся явление, постоянное правило или обычай, а поговорки, в свою очередь, существуют в форме незамкнутого клише с указанием на конкретный случай.

Отметим, что паремиологические единицы, уточняя и одновременно усложняя картину мира носителей языка, способны фиксировать и передавать большой объем лингвокультурной коннотации на обозначение своеобразного и неповторимого мировоззрения и приобретенного жизненного опыта разных народов, с одной стороны, и отдельных их представителей – с другой.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Особенности происхождения пословиц и поговорок в русском и таджикском языках

Если речь человека содержит какие-то элементы жизненной правды или мудрости или же демонстрирует один или несколько признаков пословицы (параллелизм, рифма, аллитерация, многоточие, метафора и т. д.), то она может «завоевать популярность» и использоваться, в первую очередь, в небольшом семейном кругу, а впоследствии в деревне, городе, регионе, стране, континенте и, наконец, во всем мире. Вот почему распространение паремий в мире не является безосновательной мыслью, и многие универсальные пословицы и поговорки подтверждают этот факт. Особенно в сегодняшнее время, когда средства коммуникации широко распространены, а средства массовой информации играют важную роль в жизни людей, свежая поговорка, или пословица, может относительно быстро распространиться через Интернет, телевидение и др. Безусловно известно, что при распространении новых изречений они претерпевают изменения, теряют свою первоначальную форму или даже полностью противоречат своему первоначальному смыслу, но их формулировка, структура, стиль и метафора в большинстве случаев остаются неизменными [192, с. 9; 193, с. 396–397].

2.1.1. Общие источники пословиц и поговорок в русском и европейских языках

Принимая во внимание вопрос о вариантах по мере того, как исходное утверждение развивается в свою стандартную пословичную форму, и что сама пословица может затем использоваться в различных формах как простая аллюзия, частичный остаток, вопрос, антипословица и т.п. теоретически

полезно понять, что «отдельная пословица является чем-то вроде абстракции, формой, которая существует как основа для ряда возможных вариаций» [183, с. 73; 203, с. 22-27]. Иными словами, вывод, который можно сделать из всего этого, состоит в том, что «тексты всех пословиц самодостаточны, в целом оторваны от своих источников и истоков и постоянно добавляются к канону» [198, с. 464]. Действительно, в репертуар постоянно добавляются новые пословицы, но нельзя забывать, что и традиционные пословицы могут исчезнуть, когда они перестанут соответствовать нравам современного мира.

Не следует забывать, что пословицы продолжают создаваться и что, очевидно, в современности у пословиц есть будущее, как сказано в книге Вольфганга Мидера «Пословицы никогда не бывают вне сезона» [195]. Но, прежде чем понять, как создаются пословицы, необходимо взглянуть на четыре основных исторических периода создания пословиц и поговорок, принадлежащих к общему фонду европейских языков, ставших в свою очередь источником происхождения огромного количества русских паремий.

Хотя для большинства пословиц их создатели никогда не будут известны, вполне реально установить время их возникновения. Подробная диахроническая и сравнительная работа может помочь проследить пословицу до того времени, когда она, скорее всего, была создана. Реалии, выраженные в таких пословицах, несомненно, дадут ключ к приблизительной дате их происхождения [185]. Так, датский паремиолог Бендт Альстер проделал колоссальную работу по расшифровке клинописных табличек древнего Шумера, показав, что пословицы, параллельные пословицам древней литературы мудрости и пословицам классической древности, ставшие общеевропейскими пословицами, должны были быть в устной речи до 2500 г. до н.э. [184]. Эти клинописные таблички даже включают в себя остатки очень ранних басен и народных повествований, которые впоследствии были сведены к пословицам, но опять же без раскрытия того, кто мог быть отдельным человеком, который первым сократил такие тексты до простых пословиц и в какое точное время. Некоторые из весьма метафорических пословиц восходят

к басням Эзопа о животных, а также к сказкам и народным рассказам. На самом деле, некоторые из этих древних и более поздних средневековых повествований были забыты и живут только как пословицы или поговорочные выражения, такие как «Кислый виноград», «Быть собакой на сене», «Не убивай курицу, несущую золотые яйца», «Много плача и мало шерсти», «Солнце выведет на свет» и др. [193, с. 27-32; 203, с. 108-109].

Конечно, уже давно было замечено, что некоторые пословицы, известные в идентичных формулировках на большинстве европейских языков, по крайней мере восходят к греческим и римским источникам, всегда с оговоркой, что на самом деле они могут быть значительно старше, чем их самые ранние письменные записи, найденные до сих пор. Ценное сравнительное исследование «Древность пословиц» (1922 г.) британского ученого Дуайта Эдвардса Марвина включает пятьдесят небольших эссе о таких «международных» европейских пословицах, с самого начала заявляя, что «было бы ошибкой предполагать, что самая ранняя известная запись о поговорке указывает на ее происхождение. Насколько нам известно, многие из тех, с которыми мы знакомы, были впервые использованы римлянами, но латинский язык был средством бесчисленных греческих фраз, предшествовавших их использованию римлянами, и они могли быть высказываниями неизвестных философов, фрагментами утраченных исторических записей, приписываемые ответы древним оракулам или принятые уроки забытых мифов и басен» [203, с. 61].

Следует, однако, отметить, что епископ Ричард Ченевикс Тренч в своем раннем паремиологическом обзоре «Уроки пословиц» (1853 г.) еще семью десятилетиями раньше констатировал, что «нации постоянно заимствуют пословицы друг у друга» [205, с. 32]. Что еще более важно, немецкий паремиолог Фридрих Зайлер, по сей день известный своей всеобъемлющей работой «Deutsche Sprichworterkunde» (1922), ссылаясь на такие заимствованные пословицы как *Lehnsprich-worter* (заимствованные пословицы) и представил научному сообществу свой четырехтомный сборник

и анализ «Das deutsche Lehnwort» (1921-1924) [201], показывающий, что в немецком языке существует множество пословиц, которые были заимствованы из классических, библейских и средневековых латинских пословиц.

Пословицы из таких языков, как преимущественно французский, итальянский, датский, шведский, чешский, русский и др., также были заимствованы позже по мере того, как немецкоязычные люди вступали в контакт со своими соседями. Этот тип заимствования был обычным европейским явлением [203, с. 43-52], и он был задокументирован в двух монументальных сборниках сравнительных пословиц, а именно в трехтомном «Словаре европейских пословиц» Эмануэля Штрауса (1994) [202] и словаре «Европейских пословиц на 55 языках с эквивалентами на арабском, персидском, санскрите, китайском и японском языках» Дьюлы Пацолая (1997) [200]. Все эти заимствования были настолько широко распространены, что то, что может показаться пословицей определенного русского, испанского или венгерского происхождения при ближайшем рассмотрении, оказывается намного старше и попало в эти языки посредством заимствованного перевода.

Действительно, в изучении пословиц, в приписывании их правообладателям, в расположении и цитировании их нет ничего, что создавало бы большее недоумение, чем обстоятельства нахождения одной и той же пословицы в столь многих различных кругах, распространенной среди стольких людей и разных народов. Приводя его как единое целое, часто кажется, что мы поступаем несправедливо по отношению ко многим, между тем как почти, а еще чаще вообще невозможно определить, к какому народу оно первоначально принадлежало, так что другие почерпнули его из вторых рук от этого одного. Даже если допустить, что любая форма, в которой мы теперь обладаем ей, на самом деле является древнейшей из всех. Этот факт не раз доставлял серьезное разочарование ревностному собирателю пословиц его родной страны. Гордясь богатыми сокровищами, которыми она обладала в этом роде, он с большой неохотой обнаружил при более полном исследовании

всего предмета, сколько из тех, что он считал местными, своеобразной фамильной реликвией и славой его собственной земли, должны были сразу же и без колебаний уступить другим, которые, вне всяких сомнений, могут быть доказаны, что они ранее владели ими [205, с. 31].

С этим тревожным явлением сталкивается каждый паремнограф, составляющий национальный или региональный сборник пословиц. Например, «Большой словарь русских пословиц», составленный В. М. Мокиенко, Т. Н. Никитиной и Е. К. Николаевой [210] включает множество пословиц, возникших в чешском, польском, и других языках, и также перечисляет британские пословицы и многие другие пословицы, которые были заимствованы в переводах в течение прошлых столетий. Естественно, это также указывает на опасность попытки определить что-то вроде национального характера или мировоззрения набором пословиц, особенно если этот набор включает пословицы общеевропейского или даже мирового значения.

И еще одно обстоятельство, о котором необходимо упомянуть.

Все эти процессы заимствования предполагают единое происхождение каждой пословицы, т.е. моногенез. И все же, в конце концов, такие минималистические тексты, как пословицы, могут иметь разное происхождение, как указал Алан Дандес: «Если кто-то занят цитированием родственных слов определенной пословицы, следует быть осторожным, чтобы различать фактические однокоренные слова, то есть версии и варианты рассматриваемой пословицы, предположительно исторически / генетически связанные с этой пословицей, из простых структурных параллелей, которые вполне могли возникнуть независимо, то есть посредством полигенеза» [185, с. 298].

Проблема моногенеза и полигенеза обсуждалась в фольклорных кругах со времен братьев Гримм и до сих пор остается сложной научной проблемой [193, с. 409]. В конце концов, почему такие короткие пословицы, как «Любовь слепа» или «У стен есть уши», не были придуманы более одного раза в разных

уголках мира? Они выражают общие идеи или явления, часто в метафорической форме, которые вполне могли иметь более чем одно происхождение. Такие пословицы, какими бы немногочисленными они ни были, можно было бы назвать универсальными пословицами в отличие от пословиц одного происхождения, появляющихся во многих частях мира из-за обычных процессов заимствования, которые усиливаются современными аспектами глобализации [200, с. 74]. Тем не менее, полигенез трудно доказать, но, например, он был показан тщательным историческим анализом, основанным на многих контекстуальных ссылках, что позднесредневековая французская пословица «Laissez faire a Georges» (1498 Г.), относящаяся к кардиналу и государственному деятелю Жоржу д'Амбуазу, и современная американская пословица «Let George do it» (1902 г., но, вероятно, несколько старше) со ссылкой на афроамериканских железнодорожных носильщиков не имеют генетической связи [194, с. 36].

Возьмем классическую пословицу «Рука руку моет» с ее древнейшим упоминанием в древнегреческом языке. Когда это появляется на латыни как «Manus manum lavat», оно имеет вторичное происхождение, и историю этой латинской пословицы можно изучать с самых первых упоминаний. Когда оно переводится на немецкий язык как «Eine Hand wäscht die», оно имеет вторичное происхождение на этом языке, который заслуживает изучения во всех его цитатах и значениях. То же самое относится и к заимствованному русскому переводу «Рука руку моет», французское «Une main lave l'autre» и т.п.

Вторым важным источником общеевропейских пословиц является древняя литература мудрости, которая нашла отражение в Библии и других религиозных текстах. Будучи одной из наиболее переводимых книг, Библия оказала невероятное влияние на распространение пословиц, некоторые из которых старше Библии, во многих культурах и языках. Эти пословицы настолько хорошо интегрировались в различные европейские языки, что носители языка часто вообще не осознают того факта, что, употребляя их, они

цитируют библейскую мудрость. Но как бы то ни было, следующие пословицы из Библии вошли во многие языки (не только европейские) в виде дословных заимствований: «Что посеешь, то и пожнешь» (Галатам, 6:7-8), «Кто роет яму другому, сам в нее упадет» (Притчи, 26:27), «В чужом глазу сучок видишь, а в своем бревна не видишь» (Матфея, 7:3), «Кто не работает, тот не ест» (Второе послание к Фессалоникийцам, 3:10), «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой» (Матфея, 7:12), «Пророк бывает без чести, разве только в своем отечестве» (Матфея, 13:57), «Око за око, зуб за зуб» (Моисей, 21:24), «Кто сеет ветер, тот пожнет бурю» (Осия, 8:7), «Не хлебом единым живет человек» (Второзаконие 8:3, Матфея 4:4) и т. д.

Богатая сокровищница средневековых латинских пословиц составляет третий крупный источник некоторых из самых популярных пословиц, известных во всей Европе, и, в частности, России. Они были отредактированы в массивном девятитомном труде Ганса Вальтера и Пауля Герхарда Шмидта «Pro-verbia sententiaeque latinitatis medii aevi. Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters» (1963–1986). Если добавить к этому тринадцатитомный «Thesaurus proverbiorum medii aevi. Lexikon der Proverbs des Romansch-Germanic Mitealters» Сэмюэля Сингера и Рикарда Ливера (1995–2002), в котором собраны тысячи латинских и народных пословиц из литературных источников всего Средневековья, можно получить представление о том, насколько распространены были пословицы в то время. Как и следовало ожидать, не все эти латинские, а также романские и германские пословицы стали известны по всей Европе, но многие из них достигли такого международного статуса, как, например, такие известные пословицы, как «Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня», «Новые метлы подметают начисто/Новая метла метет по-новому», «Куй железо, пока горячо», «Когда кота нет, мыши будут играть», «Не все то золото, что блестит», «Пустые сосуды сильно шумят», «У лошади четыре ноги, а все равно спотыкается», «Синица в руке стоит двух в кустах/ Птица в руке стоит двух в кустах», «Кувшин так долго идет к колодцу, пока,

наконец, не разобьется/ Кувшин долго идёт к колодцу, пока не разобьётся», «Все кошки в темноте серые/Ночью все кошки серы», «Одежда не красит человека/ Не одежда красит человека, а человек одежду».

Следует указать, прежде чем обратиться к четвертому и более современному источнику широко распространенных пословиц, что, естественно, существуют также тысячи пословиц, датируемых от средневековья до современности, которые являются частью любого национального или регионального языка. Для большинства из них индивидуальный составитель неизвестен, но они были кем-то сформулированы как мудрые высказывания с определенными поговорочными маркерами (метафора, структура, рифма, аллитерация, многоточие, параллелизм и т. д.), воспринимались и повторялись другими так, что в свое время они приобретали поговорочный характер. Путем подробного исторического и контекстуального анализа можно установить их приблизительные даты происхождения, но составитель и точная дата никогда не будут известны.

Это, безусловно, верно и для более поздней четвертой группы пословиц, которая принадлежит к фонду общеевропейских пословиц. Как хорошо известно, латинский язык как лингва-франка Европы давно отодвинут в сторону, но теперь он заменен английским языком, особенно англо-американской разновидностью. Британские и американские пословицы переводились уже довольно давно, но эта тенденция начинает расти более быстрыми темпами после окончания Второй мировой войны, что позволило Соединенным Штатам как крупному политическому, экономическому и культурному игроку установить более тесные контакты с Европой и миром в целом. Фактически, все следующие англо-американские пословицы были переведены на русский язык (а также на другие европейские языки), но особенно короткие из них также иногда цитируются на английском языке, что неудивительно, учитывая общее знание английского языка в Европе и других странах:

Русский: Коней на переправе не меняют.

English: Don't swap horses in mid-stream.

German: Mitten im Strom soll man die Pferde nicht wechseln.

Русский: Для танго нужны двое.

English: It takes two to tango.

German: Zum Tango gehören zwei.

Русский: Кто яблоко в день съедает, у того доктор не бывает.

English: An apple a day keeps the doctor away.

German: Ein Apfel pro Tag halt den Arzt fern.

Если оглянуться назад на создание пословиц на протяжении столетий, то следует помнить, что могли потребоваться годы, десятки лет или даже столетия для того, чтобы данная пословица была принята и достигла определенной распространенности и традиции. Сегодня, в современную эпоху компьютеров и интернета, кто-то может сделать спонтанное высказывание, похожее на пословицу, которое буквально за секунды перелетит через всю страну или даже земной шар. Но, конечно, еще неизвестно, останутся ли они в обращении в течение длительного периода времени. В конце концов, пословицы всегда приходят и со временем уходят. В любом случае, некоторые из этих современных пословиц существуют уже несколько десятилетий и доказали свою стойкость.

В тот момент, когда поднимается вопрос о происхождении пословицы, начинается многослойный и сложный научный проект, результатом которого нередко становятся объемные монографии с множеством лингвистических, фольклорных, литературоведческих, культурологических и исторических ссылок. Современная пословица «Все не так просто, как кажется» безусловно подходит к вопросу о происхождении пословиц, но это не должно мешать паремиологам искать ответы в их стремлении раскрыть процесс создания и распространения пословиц.

2.1.2. Происхождение пословиц и поговорок в таджикском языке

Нужно подчеркнуть тот факт, что все паремиологи сходятся во мнении, что важнейшим источником происхождения и распространения пословиц и поговорок является прежде всего, социально-исторический опыт народа. Отдельные жанры фольклора, классическая персидско-таджикская литература и языковая картина мира соседних народов также играли важную роль в развитии жанра пословиц и поговорок. Паремия развивалась с другими видами народного творчества, особенно притчей, басней, сказками, загадками, народной поэзией, взаимосвязанно.

Таджикские лингвисты придерживаются мнения, что фольклор иранских народов является одним из основных и в то же время древнейших источников таджикских пословиц и поговорок. Таджикский язык и таджикский фольклор на протяжении истории соприкасались с другими языками иранских народов и тюркской нации. Поэтому в таджикском языке мы можем наблюдать персидские, узбекские и турецкие паремии.

А. Мирзоев, рассуждая относительно истории таджикской паремий отмечает, что «до недавнего времени классификация таджикских пословиц и поговорок по времени их возникновения была невозможна, потому что история таджикского народа оставалась недостаточно освещенной. Если не считать отдельных замечаний Хакима Карима, А. Мирзоева, В. Асрори, З. Вохидова, то таджикская фольклористика еще не выдвинула вопрос о классификации таджикских пословиц и поговорок. А между тем, он является главным вопросом изучения данного жанра» [101, 64–65].

Как уже отмечалось, пословицы и поговорки могут иметь различное происхождение. Относительно таджикского языка можно выделить следующие источники пословиц и поговорок.

1. Как правило, старинные пословицы и поговорки появились и связаны с поверьями, традициями, обычаями народов, а также с их бытием и историческими фактами. То, что для таджикского народа в духовном опыте

пословицы и поговорки имели большую значимость, указывают, такие пословицы, как: «Зарбулмасал дар гап – асал» (пословица в речи – мёд), «Ҳикоят аз масал бемисл бошад» (От пословицы речь становится бесподобной), «Дар масал муноқиша нест» (О сказанной пословице не спорят). Исследователи всегда ставят на первое место народное, фольклорное происхождение пословиц и поговорок. Можно убедиться в правильности этой теории на примере таких таджикских пословиц как «Харбуза аз харбуза ранг мегирад» (Дыня воздействует на дыню), «Дӯстро дар мусибат мешиносанд» (Друг познается в беде) «Метавонистам – намедонистам, медонистам – наметавонистам» (Когда мог – не знал, когда знал – не мог) и т.п.

Из содержания таких пословиц следует, что люди на протяжении всей своей жизни извлекали уроки из ее событий и реалий и оформляли свои выводы в формате пословиц и поговорок. Эти итоги, воплощающие реальность жизни, могли быть использованы будущими поколениями и сохранились как исторический опыт.

2. Еще одним источником пословиц и поговорок на таджикском языке является религиозная литература ислама. Следует отметить, что таджикский народ после обращения в Ислам жил в традиционно-религиозных обществах вплоть до начала XX века. Для таких обществ характерны воспитание и руководство простыми или неграмотными людьми посредством проповедей, информирование населения о религиозных принципах, акцент на нравственном воспитании общества. Иными словами, людей постоянно устно информировали о религиозной литературе, даже если они были неграмотны. В этих проповедях использовались религиозные образы, термины, понятия, дополняя тем самым языковую картину мира таджикского народа. Таким образом, некоторые нравственные, духовные и просветительские учения, понятия и принципы Ислама постепенно стали популярными пословицами или поговорками.

В связи с этим следует сказать, что большая часть таджикской классической литературы формировалась на основе исламских учений, в

результате чего некоторые пословицы и поговорки, первоисточником которых была религиозная литература, распространились в народе через письменную литературу. Такие пословицы, как «Зи гахвора то гӯр дониш бичӯй» (Ищи знания от колыбели до могилы), «Қасди Мусо аз Исо» (Месть Моисея Иисусу), «Аз ту ҳаракат – аз Худо баракат» (Труд от тебя – благословение от Бога), «Манманӣ аз Шайтон аст» (Гордость - дело дьявола) черпают свое содержание из исламских источников – Корана, хадисов, религиозных наставлений и трактатов.

Естественно, не только Ислам служил источником таджикских пословиц и поговорок. Скорее, национальная религия зороастризм является одним из самых древних и влиятельных источников возникновения таджикской паремии. Один из основных постулатов этой религии «Пиндори нек, гуфтори нек, кирдори нек» (добрые мысли, добрые слова, добрые дела), сам по себе ставший пословицей, в различных формах сформировал содержание других пословиц: «Ростиро завол нест» (Истина не угасает), «Рост шину рост гуву рост рав» (Сиди правильно, говори правду, иди по правильной пути).

3. Несомненно, одним из основных источников паремии в таджикском языке является персидско-таджикская литература.

У таджикского народа очень богатая литература. По сути, одним из основных столпов таджикской культуры является таджикская литература, поскольку многие культурные и духовные достижения нашего народа связаны с национальной литературой. Одной из особенностей таджикского менталитета является то, что они относятся к поэтическим произведениям с уважением и доверием. Разнообразное содержание, выраженное в виде стихов признанных поэтов, служит логичным аргументом и опорой таджикскому народу в спорах, выводах, выборе поведения. Отсюда многие стихотворные отрывки, стихи великих поэтов стали настолько популярными и употребляемыми в народе, что их принадлежность к поэту теряет свое значение и к этим стихотворениям относятся так же, как к пословицам и поговоркам. Такие отрывки стихотворения, как «Бо бадон бад бош, бо некон

накӯ» (Со злым будь злым, с добрым будь добрым), «Шунидан кай бувад монанди дидан» (Слушанное не равно увиденному), «Аввал андеша, в-он гаҳе гуфтор» (Сначала подумай, потом говори), «То мард сухан нагуфта бошад, айбу хунараш нухуфта бошад» (Пока человек не заговорит, его пороки и таланты сокрыты), «Пароканда лашкар наояд ба кор» (Рассеянная армия бесполезна), «Нобурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад» (Без страданий не получишь сокровищ) у народа употребляется сегодня как пословицы, а не стихотворения.

Но и вопрос о взаимодействии паремии с классической литературой непрост. Вопрос в том, являются ли содержание и смысл стихотворений, употребляемых сегодня в качестве пословиц, творением собственного воображения и мышления поэта, или же поэт превратил народные пословицы и поговорки в стихи? Как можно быть уверенным в том, что, например, значение строки «Мушкиле нест, ки осон нашавад» «Нет проблемы, которую нельзя решить» не существовало в народе, а ее впервые создал поэт?

Конечно, ясно, что некоторые стихотворные произведения, используемые сегодня в качестве пословиц, – дело рук самого поэта. Например, значение и содержание популярного байта:

Пароканда лашкар наояд ба кор,
Дусад марди чангӣ беҳ аз сад ҳазор.
(Рассеянная армия – бесполезна,
Двести воинов лучше, чем сто тысяч),

является собственностью Фирдоуси, и ни в одном из предшествующих ему источников о таком содержании не упоминается. Но, как уже было сказано, известен точный источник происхождения не всех стихотворных произведений, употребляемых сегодня в поговорках. Разработка подхода к изучению данной темы, на наш взгляд, заслуживает серьезного и отдельного внимания.

4. Еще одним источником таджикских пословиц и поговорок является влияние языка, культуры, обычаев и литературы других народов. Исторически

таджикский народ долго жил под властью других народов: арабов, тюрков, монголов и русских. Также таджикский народ, у которого торговля была одной из его национальных характеристик, имел торговые отношения с окружающими его народами и с другими государствами, что также косвенно сказывалось на их культуре. Следовательно, некоторые таджикские пословицы и поговорки либо переведены с других языков, либо испытали влияние иностранных культур.

Например, жители северного района Таджикистана широко используют узбекскую пословицу «Кочмаган номард» (тот, кто не бежит – трус). Или арабская пословица «Аль-ваъдаву дайн» (обещание – долг) широко распространена в оригинальном виде среди всех персоязычных народов.

Как видно, заимствование фразеологических выражений, в том числе и паремий, не является уникальным для таджикского языка, но является закономерным для всех народов мира, и ни один язык не является исключением.

Таким образом, в таджикском языке можно наблюдать четыре основных источника пословиц и поговорок: устное народное творчество, религиозная литература, персидско-таджикская литература, влияние языка, культуры, обычаев и литературы других народов.

Следует отметить, что существуют и другие источники пословиц и поговорок на таджикском языке, такие как перевод иностранной литературы, знакомство с культурой других стран и так далее.

Источники паремий как в русском, так и в таджикском языках очень схожи, и это еще раз доказывает, что пословицы и поговорки народов мира основаны на естественных законах взаимоотношения этносов и духовно-языковых потребностях.

2.2. Тематическая классификация пословиц и поговорок в русской и таджикской языковых картинах мира

Все паремиологи сходятся во мнении относительно условности любой из существующих классификаций паремических единиц, поскольку каждый из указанных принципов группирования обладает собственными преимуществами и недостатками. Так, алфавитный или лексический принципы составления словаря паремических единиц затрудняют поиск изречения в сборнике и не учитывают смысловое значение паремической единицы [140, с. 151]. Тематический принцип классификации, используемый в словарях В.И. Даля, И.М. Снегирева, В.И. Зимина, подвергается обоснованной критике из-за произвольности распределения пословиц и поговорок по рубрикам, не учитывающей многозначность высказывания [128, с. 98]. К примеру, тематические разделы в сборнике В.И. Даля сформированы и озаглавлены по разным признакам: по оппозиции «Свой – Чужой» или «Сущность – Явление»; по синтаксическим отношениям «Си – Си»; по основному значению, выраженному именем существительным, – «Уединение», «Внимание». Классификация пословиц в словаре-тезаурусе В.И. Зимина происходит по тематическим группам, соотносящимся с объемными понятиями «Жизнь», «Общество», «Смерть», «Счастье», «Труд», «Человек» и т.п., и подгруппам, внутри которых пословицы нередко распределяются в хаотичном порядке.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что основной причиной отсутствия единообразного принципа классификации пословиц выступает невозможность создания оптимальной модели распределения пословиц, учитывающей все ключевые признаки.

На современном этапе развития языкознания широкое распространение получил структурно-семиотический подход к классификации пословиц, представленный Г.Л. Пермяковым. Фундаментом данной классификации является ситуативный подход, в контексте которого паремиологические

единицы рассматриваются как способ выражения жизненной или ситуационной психики. Классификация Г.Л. Пермякова опирается на бинарное противопоставление предметно-тематического и формообразующего содержания моделируемых в паремиях ситуаций, в результате чего образуются предметно-тематические группы (Начало – Конец, Содержание – Форма, Целое – Часть, Вещь – Признак и т.д.) и составляющие их формообразующие группы (Обычность – Необычность, Заменяемость – Незаменяемость, Обратимость – Необратимость и т. д.). Позднее в систему Г.Л. Пермякова была интегрирована предметно-образная классификация, опирающаяся на выделение типа вещи, представленной в паремии, что позволяет объективно и наиболее подробно охарактеризовать паремиологический фонд языка в частности [117, с. 247]. В нашем исследовании структурно-семиотический подход Г.Л. Пермякова применялся при отборе конкретных тем для сравнительного анализа русских и таджикских пословиц и поговорок.

Изучение вопросов, стоящих перед специалистами в области гуманитарных дисциплин, неотделимо от понятия диалектики, центральной категорией которого выступает противоречие, возникающее в результате столкновения и взаимодействия противоположностей. В лингвистической науке исследованием противоречий впервые занялся В. Фон Гумбольдт. Ученый полагал, что противоречия и, соответственно, диалектика, функционируют в языке в форме антиномий, причем язык есть «полное единство», состоящее из противоречивых понятий, определяющих характер языка [39, с. 91].

Тематический компонент паремии отражен в ее логической структуре, под которой понимается «инвариантная пара оппозиций, совершенно независимая от реальностей, которыми эта пара репрезентируется, и от отношения между этими реальностями» [87, с. 280]. Способом репрезентации противопоставленных сущностей в паремии выступают антонимы: добро –

зло, друг – враг, любовь – ненависть, большой – маленький, работа – безделье, новый – старый, свой – чужой, верх – низ, целое – часть и т.п.

Не менее значимым принципом организации пословиц и поговорок на разных языках выступает принцип контраста, опирающийся на законы восприятия и познания мира человеком. Принцип контраста является универсальным принципом композиционно-стилистического построения речи, ее художественной организации и даже стилизации тенденций когнитивной деятельности человека. Определения понятия контраста и принципа контраста разнятся: в представлении О.С. Ахмановой контраст – это «фигура речи, состоящая в антонимизации лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художественной действительности» [207, с. 204]. У Т.Г. Бочиной контраст – «один из основных композиционно-стилистических принципов развития речи и универсальный художественный принцип пословичного жанра. Контраст есть динамическое противопоставление двух логических планов изложения содержания» [18, с. 4]. Принцип контраста воспроизводится на всех уровнях языка, в том числе на паремиологическом уровне.

Для целей настоящего исследования паремиологический материал русского и таджикского языков был распределен на семантические группы, сформированные в соответствии с характером антиномических и аксиологических компонентов паремии. Необходимость изучения оценочных категорий, репрезентированных в семантике пословиц и поговорок, обусловлена тем, что паремии в национальной лингвокультуре репрезентируют ценностные установки народа, в том числе обладающие высокой культурной и социальной значимостью.

В ходе исследования нами было проведено разделение паремий на семантические группы, иллюстрирующие конкретную бинарную оппозицию. Для этого мы опирались на выявление внутреннего характера пословиц (включающего имплицитный конфликт, контраст) с учетом специфики

понятия «антиномия», представляющего мир как гармоничное единство противоположностей.

Были проанализированы лингвокультурные антиномии: «добро – зло», «ум – глупость», «труд – безделье», «дружба - вражда». Указанные смысловые категории, широко представленные как в русском, так и в таджикском языке, отличаются одновременно универсальностью и национальной спецификой, а также отражают объективную окружающую действительность и являются одними из базовых категорий человеческого сознания.

2.2.1. Добро – Зло

В паремиологической картине мира фиксируются константы национального сознания и культуры. По словам Вольфганга Мидера, пословицы, как народный фольклорный жанр, «долгое время были частью словесного народного творчества, придающего устойчивость нашему пониманию мира» [192, с. 1]. Как часть более широкого поля фольклора, они сыграли значимую роль в поддержании основных рамок для поколения людей, использовались как общие философские ориентиры.

Пословицы и поговорки, как прецедентные тексты, формируют этническую картину мира, раскрывают его национальное восприятие и мышление. Более того, в пословицах ярко отражены национальные ценности - ядро культуры. Как утверждает известный голландский ученый Герт Хофстеде, «ценности – это чувства с добавленной стрелкой, указывающей плюсовую и минусовую стороны» [186, с. 61].

Сравнительное изучение языков и культур является актуальной задачей для современных ученых. Клэр Крамш – одна из самых известных американских лингвистов, изучающая в основном проблему взаимоотношения языка и культуры, справедливо заключает, что «язык нации... отражает ее культуру, психику и образ мыслей» [189, с. 3]. В этой связи структурно-семантическое сопоставление пословиц играет важную роль, поскольку

многовековая мудрость народа отражается в пословицах подобно тому, как объект в зеркале. Если рассматривать фразеологизмы, особенно пословицы и поговорки, как отражение мышления простого человека, представляющего конкретный этнос, можно заключить, что язык выражает культурную реальность.

На необходимость сопоставительно-семантического анализа пословиц указывает Е.В. Иванова, которая считает, что «применительно к изучению языковой картины мира, в частности в плане сопоставительного анализа концептуализации мира в разных языках, весьма показательным материалом являются фразеологизмы и паремии в особом поговорочном фонде языков» [58, с. 3].

Сравнительное изучение пословиц как базовой единицы паремиологии может осуществляться с позиций традиционной лингвистики, социолингвистики, лингвистических и культурологических исследований, когнитивной лингвистики и других. На наш теоретический подход к рассматриваемой теме существенное влияние оказали работы и семиотические исследования Г.Л. Пермякова, которого считают «одним из крупнейших теоретиков-паремиологов XX века» [115, с. 51].

Для более глубокого и комплексного изучения вышеперечисленных вопросов в нашем исследовании мы попытались использовать различные методологические подходы, прежде всего, традиционный – лингвистический подход. Все пословицы отобраны методом сплошной выборки на основе использования как русских, так и таджикских словарей (см.: [14; 216; 218; 230;]).

Для нашего анализа мы выбрали бинарную оппозицию «добро-зло», так как «добро» считается одной из важнейших общечеловеческих культурных ценностей. Рассмотрим ключевые лексемы в русском и таджикском языках.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема «добро» означает «положительное, хорошее и полезное, противоположное

злу» [222, с. 169]. Бинарная единица «зло» имеет значение «дурное, вредное и противоположное добру» [222, с. 230].

В «Словаре таджикского языка», составленном М.Ш. Шукуровым, В. А. Капрановым, Р. Хашимом и Н. А. Масуми, слово «Некӣ» (добро) определяется как «хорошее, положительное, благое» [225, с. 130]. В то время как антоним «зло» означает «противоположное, то есть плохое, отрицательное» [225, с. 849].

В «Русско-таджикском словаре», составленном М.А. Осими слово «добро» переводится как «...некӣ, хайр, хубӣ, нағзӣ», зарождает обширную периферию значений в разных вариантах употребления: некӣ кардан – делать добро, некхох будан – быть доброжелательным, нек будан – быть добрым, нек иқдом мондан – оставаться доброжелательным. В данном варианте наблюдается схожая дефинитивность в двух языках. Например, Добрый человек – Одами нек. Желать добро – Некӣ орзу намудан [224, с. 220].

Понятие «добро» в русском языке выражается такими словами, как «благо», «удача», «радость», «надежда», «щедрость» и т.п. В таджикском же языке понятие «добро» выражается с помощью слов «некӣ», «накуӣ», «хубӣ» и т.п.

Понятие «Зло» в русском языке выражается такими словами, как «злость», «злодейство», «ненависть», «жестокость», «зависть», «гнев», «ложь», «предательство».

В таджикском же языке понятие «добро» выражается с помощью слов «некӣ», «накуӣ», «хубӣ» и т.п., а понятие «зло» - следующими словами: «бадкирдорӣ», «зарар», «осеб», «зиён», «муқобили хубӣ».

В результате применения метода сплошной выборки с использованием как общих, так и специализированных словарей русского и таджикского языков были выделены следующие значения в семантическом пространстве пословиц:

1. Доброе дело без награды не остается.
2. Зло приносит зло.

3. Быть добрым – приятно.
4. Доброе слово и есть добро.
5. Доброму везде добро.
6. Злой всегда мыслит злое.

Это естественно, что каждый человек хочет быть добрым. Вопросы добра и зла активно обсуждались в древнегреческой философии (Платон, Сенека и др.). Вывод русского народа о понятии добра можно увидеть на примере народных пословиц. Вспомним пословицы: «Далеко шел, а добра не нашел», «Делай добро и жди добра»; «Добра желаешь – добро и делай», «Добра ищи, а худо само придет», «Добро на худо не меняют», «Добра не смыслишь – так худа не делай» и т.п.

В таджикском мышлении, даже если отбросить учение ислама о доброте, понятие «добро» возвращается к национальной религии таджиков – зороастризму, чей девиз «доброе поведение, добрая речь, доброе мышление» считается доктриной её учения. Смысл и содержание этого девиза зороастрийцев отражено во многих народных пословицах и поговорках таджиков и иранцев, примеры которых представлены ниже в ходе сравнительного анализа.

Следует отметить, что в рамках и русского и таджикского менталитета очень важен вопрос о моральном долге – быть добрым. Например, «жизнь дана на добрые дела» или «добро поощряй, а зло порицай»; «Некй куну нек андеш» (Делай добро и думай по-доброму), «Хубй куну миннат магузор» (Делай добро, но не упоминай).

Сравнительный анализ выявил, что концепт «добро-зло» более выражен как в русских, так и в таджикских пословицах через значение «добро». В таджикских пословицах о добре и зле доминирует и встречается часто слово «некй».

Относительно первой группы пословиц, которая широко представлена как в таджикском, так и в русском языках, отражает, на наш взгляд, универсальность человеческого мышления. Эта группа пословиц выражает

следующие значения: «Некй кунй, некй мебинй» (букв.: если делаешь добро, увидишь добро); «Некй бимонад човидон» (букв.: добро живет вечно), «Некон намемиранд» (букв.: добрые не умрут), «Куввати некй надорй, бад макун» (букв.: если нет силы делать добро, не делай зла), «Некй набувад сазои бадкирдорй» (букв.: добро не есть ответ на зло). Этим пословицам соответствуют нижеперечисленные русские пословицы: «Делай добро и жди добра», «Доброе дело два века живет», «Доброму добрая и память», «Добра не смыслишь – так худа не делай», «Добро на худо не меняют».

Близкие значения этих пословиц в таджикском и русском языках обусловлены сходством логических и образно-ассоциативных связей в сознании представителей различных лингвокультурноэтнических групп. Некоторые русские пословицы в этой группе относятся к более раннему периоду своего происхождения, о чем свидетельствует устаревшая форма «худо». Некоторые русские слова, входящие в эту группу пословиц, имеют архаичный народный характер: лихо, худо, горесть, что можно перевести на таджикский язык одним словом «бадй». Но в таджикских пословицах о добре и зле, которые до сих пор употребляются в народе, не встречаются архаичные слова или фразы, которые сегодня не используются в просторечии.

Большая часть таджикских пословиц этой группы носит национальный характер, что отражается в системе их представления, основанной на таких приемах, как ритмика (созвучие концовок стихотворных строк). А в русских пословицах имеет видное место персонификация, то есть придание таким абстрактным явлениям, как понятие «добро» человеческих черт: «Доброе дело и в воде не тонет», «Доброе дело само себя хвалит», и т. д. Таджикская пословица использует экспрессивное осмысленное определение «добро-зло», которое усиливает значение необходимости, желательности добра: «Некй кунй – бад намебинй» (Будешь делать добро - не увидишь зла), «Гар нек хоҳй, бад макун» (Хочешь добро – не делай зла). Сравнивая таджикские и русские пословицы, мы видим сходные приемы образности и оборотов речи в русских пословицах: олицетворение и иносказание.

Следует отметить, что старейшая таджикская пословица полностью идентична русской пословице «Делай добро и жди добра» - «Некй кунй, некй мебинй». Таким образом, и таджикские, и русские пословицы имеют одинаковую внутреннюю форму, переносное значение и даже лексико-грамматический строй.

Рассмотрим следующую группу пословиц, выражающих смысл «зло приносит зло»: «Бо бадон бад бош, бо некон наку» (букв.: Будь злым со злыми, добрым с добрыми), «Бад макуну бад маяндеш, то бадат наояд пеш» (букв.: Не делай зло и не думай зло, чтобы не впасть в зло), «Бад макун, ки бад афтй, чах макан, ки худ афтй» (букв.: Не делай зло, ибо будешь в беде, не рой яму, ибо сам попадаешь в нее), «Чохкан зери чоҳ» (букв.: Тот кто роет яму, попадает в яму), «Бо моҳ шинй, моҳ шавй, бо дег шинй сиёҳ шавй» (букв.: С луной станешь луной, с котлом – черным), «Бад кардй – мунтазири некй мабош» (букв.: Сделал зло – не жди добро). В русском языке в качестве аналогов можно привести следующие пословицы: «По добру – добро, по худу – худо», «Дурная мысль ведет к дурному делу», «Злая мысль на свою же голову падёт», «Зло злом губится», «Кто сам худой, у того и все вокруг худо», «Делая зло, на добро не надейся».

При сравнительном анализе этой группы пословиц, имеющих более древнее происхождение, можно отметить их сходство в структурно-грамматическом оформлении, лексическом содержании и переносном (образном) значении («Бо бадон бад бош, бо некон наку»; «По добру – добро, по худу – худо»). Это происходит из-за того, что данные пословицы содержат назидание, наставление, влияющие на синтаксическую структуру предложений, в которых употребляются глаголы в форме повелительного наклонения («Бад макуну бад маяндеш, то бадат наояд пеш»; «Делая зло, на добро не надейся»). Их сходство проявляется, прежде всего, в том, что и в таджикских, и в русских пословицах сразу же показывается результат злодеяний. Другими словами, люди используют такие пословицы, чтобы подчеркнуть, что каждое действие человека восходит к нему самому, и если

человек не хочет навредить себе, то он не должен причинять вред другим: «Ба худ зарар расондан ба дигарон ёри расондан аст» (Наносить вред себе – значит помогать другим), «Устухон партофти, бади мегири» (Бросаясь костью, получишь зло), «Сангро гирифта, ба пули сангин фиристед» (Возьми камень, отправь его на каменный мост), «Некӣ кунед ва он ба шумо бармегардад» (Делай добро и оно вернется к тебе). В русском языке в качестве аналогов можно привести следующие пословицы: «Добро возвращается с пользой, зло с вредом», «Добро с добром, а зло со злом», «Зло замышляется, а добро делается», «Добро помнится во век, а зло разом забывается», «Зло с добра не берется», «Добро вопивает, а зло молчит». Такая философия, которая находит отражение в сознании всех народов мира, является результатом человеческого жизненного опыта, и именно поэтому нетрудно найти пословицы и поговорки на всех языках мира с таким содержанием.

Рассмотрим следующую группу пословиц, выражающих смысл «Быть добрым – приятно»: «За доброе дело жди похвалы смело», «Доброе дело без награды не останется», «Добро быть в радости и жить в сладости», «Добро творить – себя веселить», «Доброму везде добро». При поиске таджикских аналогов этих пословиц мы не нашли ни одной пословицы, подошедшей к этому содержанию. А вот одна из древнейших таджикских пословиц «Некӣ куну ба об андоз» (буквально: Сделай добро и брось его в воду) говорит об обратном: забудь сделанное добро и не жди ответа. Здесь представления о благих делах уходят корнями в исламское учение. Подразумевается, что делать добро и ожидать аналогичного ответа является своего рода лицемерием. Данный концепт коррелирует с такими смысловыми доминантами, как отзывчивость, щедрость, открытость, духовность. В тоне этих пословиц есть своего рода мотивация. Именно поэтому вышеупомянутые русские пословицы часто используются, когда люди хотят направить кого-то на добрые дела.

Сравнивая картину мира в русском и таджикском языках в этих пословицах, можно отметить, что русские пословицы побуждают человека действовать.

Следует отметить, что русские пословицы довольно выразительны за счет необычного поведения, приписываемого субъекту, которое часто звучит радостно (Добро быть в радости и жить в сладости). Русские пословицы отличаются большим разнообразием за счет своего лексико-синтаксического строя, за счет использования таких стилистических приемов, как повторы, синтаксический параллелизм, употребление бессоюзных предложений, многоточие, противопоставление и сопоставление, рифмирование окончаний, уменьшительно-ласкательные суффиксы и др: «Добро всегда с добрым встречается», «Добро с добром, а зло со злом сходится», «Нет добра без зла», «Зло под ковер не положишь», «Добро сильнее зла», «Эх, добро мое, не заветно мне твое», «Зло всегда легче, чем добро», «Добряк нашелся, добра куча».

Выразительность в русских пословицах создается и за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов, так как языки с развитой аффиксацией позволяют выразить тонкие семантические различия и экспрессивность, чего нельзя сказать о языках с бедным аффиксальным запасом. Выразительность некоторых русских пословиц создается за счет богатого русского словообразования, за счет использования большого количества уменьшительно-ласкательных суффиксов («посошок», «словечко», и др.): «Доброе слово сказать – посошок в руки дать», Доброе словечко — в жемчуге, От добра до худа один шаг.

В следующую группу пословиц входят пословицы со значением «доброе слово и есть доброе дело». В ходе исследования такие пословицы редко встречались в таджикском языке. Надо отметить, что красноречие и умение подобрать уместные слова в культуре таджиков считались важными признаками человеческой этики и знаний. Именно такую точку зрения выражают таджикские пословицы: «Ё сухани нек бигӯ, ё хомӯш бош» (букв.: Или говори добрые слова, или молчи), «Сухани хуб садақа аст» (букв.: Доброе

слово есть милостыня), «Сухани хуш морро аз хонааш берун мекашад» (букв.: Доброе слово выманит змею из норы), «Бад мағӯ харгиз, ки неку нашнавӣ» (букв.: Никогда не говори плохое, иначе не услышишь доброе).

Но в русском языке пословиц о доброй речи так много, что их можно классифицировать по нескольким признакам. Например, пословицы со значением «доброе слово ведет к доброму делу»: «Где доброе слово скажется, там и добро окажется», «Доброе слово сказать – посошок в руки дать», «Доброе слово гнев побеждает», «Доброе слово дом построит», пословицы со значением «доброе слово лечит»: «Доброе слово лечит, а злое калечит», «Доброе слово человеку – что дождь в засуху», «Доброе слово окрыляет», «Доброе слово дороже золота».

Как видно, и русский и таджикский народ придавали большое значение добрым словам. Следует также отметить, что большинство этих русских и таджикских пословиц являются древними, так как многие русские пословицы содержат архаичные слова такие как «худо», «посошок» и т.п., а таджикские встречаются в литературных и исторических источниках XII-XVIII вв. Действительно, существование множества пословиц на этот счет у обоих народов свидетельствует о благожелательном мышлении, которое поощряет хорошее поведение и жизнь в атмосфере любви и единства. Приведенные пословицы подчеркивают важность и своеобразную «полезность» доброго слова. Эта «полезность» рассматривается двояко: во-первых, доброе слово пойдет говорящему на пользу, а во-вторых, доброе слово обрадует и осчастливит адресата.

Сравнительный структурно-семантический анализ пословиц на таджикском и русском языках, связанных с бинарным концептом «добро-зло», позволил выявить разностороннее отношение народов к этому концепту. С одной стороны, есть некоторые таджикские и русские пословицы, идентичные в своей основе и выражающие один и тот же смысл, что можно объяснить особенностью общечеловеческой природы, и одними и теми же источниками происхождения (древняя литература), оказавшими влияние как на иранские,

так и на славянские языки. С другой стороны, есть пословицы, в которых выражена культурная и национальная специфика.

Таджикским пословицам свойственны определенный дидактический характер, особое понимание добра как нравственной категории, большая строгость в подборе лексических средств и однообразии синтаксических структур. Это менталитет философствующего народа, живущего в других исторических условиях.

Следует отметить, что в русских пословицах мы встречаем широкое использование различных народных средств и, в частности, звуковых (рифмовка, ритм, аллитерация), смысловых и стилистических приемов (эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворение, ирония, метафора), синтаксических средств (параллелизм синтаксических структур, повторов, градаций) и лексических средств (историзм, архаизм, народные словосочетания, эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика и др.). Использование фольклорных методов предполагает, что русский человек – это человек из крестьянской среды, которому присущи такие черты, как поэтичность, юмор, наблюдательность и даже суеверие. Таким образом, структурно-семантический анализ таджикских и русских пословиц выявил их образно-языковую специфику и национально-культурное своеобразие.

Национальная самобытность таджикских и русских пословиц отражается в силу особых условий природно-климатических, материальных, социально-экономических и культурных условий жизни народов.

Сравнительный структурно-семантический анализ таджикских и русских пословиц показал, что среди них можно выделить равнозначные по смыслу пословицы, а также аналоги, в которых ярко проявляются черты национального характера. Однако таджикские пословицы более самобытны по своему дидактическому, назидательному характеру, они более конкретны, в них часто используются соотносительные, противительные и побудительные предложения. В них не встречаются эмотивность и образность, создавших за

счет включения необычных лексических компонентов (антонимов, соматизмов и др.).

Русские пословицы, хотя и поучительны, но более выразительны. Они включают в себя народно-разговорную, часто архаичную лексику, используют уменьшительно-ласкательные суффиксы, чаще используют звуковые повторы и рифмовки, служащие актуализации их значения и способствующие их запоминанию. В них также широко используются сравнительные конструкции, а также синтаксический параллелизм. Это показывает, что в таджикских пословицах отражена ментальность философствующего человека, тогда как в русских пословицах – образ мысли человека из народной, крестьянской среды, которая несет в себе не высокую культуру, а гуманность и доброту, при этом не избегает некоторой хитрости, «сообразительности».

Таким образом, анализ таджикских и русских пословиц понятийной парадигмы «добро-зло» позволил выявить основные жизненные ценности русского человека – доброту, милосердие, глубокое человеколюбие, взаимопомощь, природную наивность и даже некоторую простоту. В этом плане таджикские пословицы отражают совсем другие черты: строгость и в то же время некоторое увлечение философией, сочетающееся с закрытостью и отсутствием мечтательности.

2.2.2. Ум – Глупость

Паремии, иллюстрирующие бинарную оппозицию «ум – глупость», репрезентируют заложенные в национальном самосознании представления об интеллектуальных способностях человеках и связанных с ними поведенческих и когнитивных стереотипах, а также о понятиях «ум» и «глупость». Рассмотрим ключевые слова в русском и таджикском словарях.

В «Словаре русского языка» И.С. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема "ум" имеет следующие значения: 1) «способность человека мыслить, основа сознательной и разумной жизни»; 2) «высокий уровень развития интеллекта»;

3) «описание человека в качестве носителя интеллекта» [222, с. 832]. Лексическая единица «глупость» определяется как: 1. «Глупый»; 2. «Глупый поступок, глупые слова»; 3. «О чем-нибудь явно неразумном, неверном» [222, с. 133]. При этом прилагательное «глупый» также является многозначным: 1. «С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый»; 2. «Не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности».

Следует отметить, что в «Словаре таджикского языка», составленном М.Ш. Шукуровым, В. А. Капрановым, Р. Хашимом и Н. А. Масуми, слово "ум" (хирад) объясняется через синонимический ряд: «ақл" (разум), "хуш"(Ррассудок) и "зеҳн" (интеллект) [225, с. 480], а антонимическая единица "глупость" (аблахӣ) определяется как "содадилӣ" (простодушие), "нодонӣ" (незнание), "бетамизӣ" (нерассудительность), "бехирадӣ" (неразумность) и "аҳмақӣ" (глупость) [225, с. 28].

Смысловое значение паремий данной категории базово выражается через ключевые лексемы: в русском языке – ум, умный, разум, глупость, глупый, дурак; в таджикском языке – ақл (ум), оқил (благоразумный), доно (умный), нодон (невежественный), аблах (дурак), аҳмақ (глупый). Данные лексические единицы так или иначе репрезентируют семантику «обладающий высокой / ограниченной способностью думать и понимать».

Специфика пословиц, иллюстрирующих оппозицию «ум – глупость» заключается в вербализации понятий как в одной общей, так и в нескольких отдельных паремичных единицах. И для русской, и для таджикской языковой традиции характерно наличие пословиц, построенных по принципу контрастности – противопоставления в рамках одной паремии ключевых лексем: «Где умному горе, там глупому веселье»; «Глупый осудит, а умный рассудит»; «Умная голова сто голов кормит, а глупая и своей не прокормит»; «Аҳмақ риш орояд, доно сухан» (Дурак украсит свою бороду, умный - свою речь); «Душмани доно аз дӯсти нодон беҳтар аст» (Мудрый враг лучше

глупого друга); «Ба доно ишорат, ба нодон калтак» (Умному нужна только подсказка, дураку нужна палка).

Смысловые значения, репрезентируемые пословицами анализируемой категории, вербализируются лексемами, связанными с понятиями «ум» и «глупость». В ходе исследования было выявлено, что наиболее многочисленной оказывается та группа пословиц, в которых через лексическую структуру конкретизируются ключевые понятия, например:

- пословицы, выражающие значение «важность, значимость» наличия ума: «В учении не мног, да в разуме тверд»; «На всякую дурость ум найдется»; «Голова без ума, что фонарь без свечи»; «Разум - душе во спасенье, богу на славу»; «Акли солим беҳ аз пули бисёр» (Здравый ум лучше, чем богатство); «Гап дар салла не, дар калла» (Дело не в чалме, а в уме); «Акл бошад, кувват зарур нест» (Когда есть ум, не понадобится сила). Опираясь на представленный фактический материал, следует установить, что в русском национальном сознании ум приоритетнее образованности, а в таджикском – важнее, чем сила и внешняя привлекательность;

- пословицы, подчеркивающие «практическую пользу» разума, в том числе через описание бытовых трудностей, связанных с неразумными действиями: «Мужик умен - пить волен; мужик глуп - пропьет и тулуп»; «Слушай людей, а делай свое!»; «Умный товарищ – половина дороги»; «Ум найдет, да пора уйдет (пройдет)»; «Аклҳоро аклҳо ёрӣ диҳанд» (Умы помогают уму); «Каллаи холӣ – чабри пой» (Пустая голова – боль в ногах); «Олими беамал - занбӯри беасал» (Бездействующий ученый подобен пчеле без меда); «Бо акл бояд тадбир кард» (Надо работать умом); «Ба маслиҳати мардум гӯш куну аз донистагиат намон» (Прислушайся к советам людей, но делай что знаешь);

- пословицы, выражающие значимость и полезность изворотливого, хитрого ума, лукавства: «Лиса семерых волков проведёт»; «Где ум не осилит, там и хитрость не возьмёт»; «На иную хитрость станет и простоты!»; «Кто прост – тому бобровый хвост, а кто хитёр – тому весь бобёр». Примечательно,

что в таджикском языке, по крайней мере в доступных нам словарях, не обнаружены пословицы и поговорки, имеющие четкий смысл и содержание данной категории;

- пословицы, репрезентирующие взаимосвязь с возрастом человека и наличием или отсутствием ума: «Умную голову, почитают смолоду»; «Борода уму не замена»; «Молоденький умок, что весенний ледок»; «Бузургӣ ба ақл аст, на ба сол» (Величие зависит от ума, а не от возраста); «Одами пир ақли кӯдакро дорад» (У старого человека ум как у ребенка).

В таджикском пословичном фонде также обнаруживаются паремии, отражающие культурно-языковые представления о «недостатке ума». Для иллюстрации данного смыслового значения в пословицах «незрелый ум» сравнивается либо с незрелым существом, либо с объектом природного мира – растением или животным: Ақлаш ақли кӯдак (Столько ума, сколько у ребенка); Мисли гови бефаросат (Глупый как корова).

Далее стоит рассмотреть выделенные нами группы пословиц, которые репрезентируют понятие «глупость». Как в русском, так и таджикском паремиологических фондах семантика пословиц данной категории чаще всего носит экзистенциальный характер, то есть подчеркивает наличие определенного состояния глупости:

- «природная глупость», то есть отсутствие ума от рождения: «Глупого бранят, а он говорит: «К обеду звонят»; «С твоим умом только в горохе сидеть» (т. е. пугалом); «Ҷони нодон дар азоб» (Душа глупца мучится); «Аблаҳ ба аблаҳ хуш аст» (Глупый радуется глупому); «Аблаҳ гуфту аҳмақе бовар кард» (Глупый сказал, а дурак поверил).

Национальная специфика таджикской культурной традиции в отношении пословиц данной категории проявляется в том, что паремии выражают представление о глупом человеке как о человеке немыслящем, лишенном разума через лексемы аҳмақ (глупец), аблаҳ (дурак), беақл (безумец): «Аблаҳ он кас к-ӯ ба хорӣ ҷанг бо хоро кунад» (Глуп тот, кто борется с колючим камнем, несмотря на свою слабость), «То аблаҳе дар ҷаҳон аст, муфлис дар

намеонад» (Пока есть на свете дурак, банкротом не останешься). Также в таджикском пословичном фонде присутствует поговорка, где глупец и дурак иронично сведены вместе: «Аблахе гуфту ахмаке бовар кард» (Глупый сказал, а дурак поверил).

Бинарную оппозицию «ум – глупость» также иллюстрируют поведенческие поговорки, конкретизирующие особенности поведения «умного» и «глупого» субъекта:

- «неразумное поведение» – поговорки, описывающие отрицательные с точки зрения социума действия глупого человека: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет» (расшибет); «Дал дураку яичко: что покотил, то и разбил»; «Неразумного учить - в бездонную кадку воду лить»; «Дома пан, а в людях болван»; «Нодон сухан кунад, доно киёс» (Глупец говорит, мудрый сравнивает); «Айби худ аблаҳ набинад дар чаҳон, бошад андар чӯстани айби касон» (Глупец не видит в мире своих недостатков, а ищет недостатки других); «Ахмақ риш орояд, доно сухан» (Дурак украшает бороду, мудрец – свои слова); «Чаро оқил кунад коре, ки боз орад пушаймонӣ?» (Зачем мудрому делать то, что в итоге заставит его сожалеть?); «Доно бо ишораи абру кор кунад, нодон ба захми чавгон» (Мудрому достаточно намек, дураку нужен удар палки).

Интересно, что и в русском, и в таджикском национальном самосознании глупость не является возрастной характеристикой; несмотря на прожитые годы, человек может быть неразумен: «Вырасти вырос, а ума не вынес»; «Малый что глупый: что видит, то и бредит»; «Во всех годах, да не во всех умах»; «На голове густо, а в голове пусто»; «Гап дар салла не, дар калла» (Дело не в чалме, а в уме), «Бузургӣ ба ақл аст, на ба сол» (Величие зависит от ума, а не от возраста).

Для русской языковой традиции характерны национально маркированные результирующие поговорки, выражающие значение «оправдание глупости» или, наоборот, «опасность глупости»: ср. «Много думать - голову кружить»; «Глупому не страшно и с ума сойти»; «Для счету и

у нас голова на плечах»; «От черта крестом, от медведя пестом, а от дурака – ничем»; «Нет в голове, нет и в мошне»; «Не дай бог с дураком связаться».

Русское культурно-языковое сознание активно оперирует национально-специфичным понятием «дурак», что обуславливает возникновение соответствующих аксиологических паремий. Дурак как феномен русского фольклора считается «нездешним человеком», которого нельзя оценивать исходя из общепринятых представлений о поведенческой норме: «Дурак времени не знает»; «Дурак божьих дней не разбирает»; «Над дураками нет старосты»; «С дурака взятки гладки»; «Дураку закон не писан»; «Дураки только в сказках удачливы»; «На дураке и бог не ищет»; «Дураками свет стоит»; «Дураку, что большому чину, везде простор (везде дорога)». Аксиологический компонент паремий о русском дураке может выражать и доброжелательное отношение: «Дураку везде счастье»; «Умный сам по себе, а дураку Бог в помощь»; «На дурака у бога милости много»; «Дурак – божий человек»; «Много ума – много греха, а на дурне не взыщут». Иногда практическая польза от действий дурака оказывается больше, чем от действий разумного человека: «Дурак завяжет – и умный не развяжет»; «Один дурак, а умных пятерых ссорит»; «Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат»; «И глупый умного одурачит»; «Не будь дураков на свете, не стало б и разума».

В свою очередь, национально-культурная специфика таджикских пословиц заключается в репрезентации через паремии особого, философского взгляда на мир и, в том числе, на поступки умных и глупых людей. Быт таджикского народа завязан на исламской традиции (таджики приняли ислам в VII веке), однако в народной культуре таджики больше других соседних народов интересовались философией. Отсюда во многих таджикских пословицах и поговорках, попадающих в эту категорию, серьезно рассматривается вопрос о том, как говорят мудрые и глупые люди: «Аблахро дар сухан тавон донист» (Дурака можно отличить по тому, что он говорит), «Каси доно бувад пайваста хомӯш» (Мудрец постоянно молчит), «Чавоби

ахмақ – сукут» (Ответ дурака - молчание), «Ту маҷмуъ бош, ӯ пароканда гуфт» (Говори ясно, если он говорит рассеянно).

Представленная антиномия находит также свое отражение в семантике языковых средств. Многие русские и таджикские пословицы, указанные в качестве примеров паремиологических категорий, построены по принципу контраста, репрезентируемого посредством использования лексических, грамматических и лексико-грамматических средств. Мы полагаем верным разделение всех средств выражения контраста по полювому принципу на ядерные и периферийные. Ядро поля контраста составляют абсолютные, производные и непроизводные, языковые (узуальные) антонимы, вступающие в отношения антонимии в любом контексте. Отличительными признаками данных языковых средств являются: высокая степень репрезентативности, принадлежность к одной лексико-семантической группе и к одной части речи. Все прочие, в том числе контекстуальные, антонимы относятся к периферийным средствам: «Ум – зеркало, а безумие – стекло», «Глупость гораздо скорее узнает мудрость, чем мудрость глупость», «Глупости нет пределу, а разуму границы», «Лучше быть немудрым, но счастливым, чем умным, но несчастным»; таджикские пословицы: Ақл тӯҳфа аст, беақлӣ таҳдид аст (Ум – дар, а глупость – угроза), Оқил фикр мекунад, аммо беақл танҳо масхара мекунад (Умный думает, а глупый просто издевается), Одами беақл бисер гап мезанад (Кто глуп, тот много разговаривает), Беақлӣ бори сангин аст ва ақл маҳоратест, ки одам онро мебардорад (Глупость - тяжелая ноша, а ум – навык, который несет человек), Ҳатто донотаринҳо баъзан корҳои аблаҳӣ мекунанд (Даже самый умный иногда делает глупость).

Бинарная оппозиция «ум – глупость» в паремичных единицах русского и таджикского языков репрезентируется через противопоставленные друг другу качественные и субстантивные прилагательные, образующие ядро поля контраста. Прилагательные как ядерные средства выражения контраста могут обозначать различные свойства (физические и психологические качества

человека, положительные и отрицательные признаки предмета, метрические характеристики и т.п.) и образовывать контрастирующие пары:

- хороший – плохой: в русских пословицах «Хорош домами (город), да плох головами», «Промеж дурных и хорошему плохо»; в таджикских пословицах «Сари кӯчаку риши дароз нишони аҳмақист» (Маленькая голова и длинная борода – признаки глупости);

- умный – глупый: в русских пословицах «Глупый киснет, а умный все промыслит», «Умный суму наживает, глупый и ту проживает», «На других умен, на себя глуп», «У глупого умный, как бельмо на глазу»; в таджикских пословицах «Душмани доно аз дӯсти нодон беҳтар аст» (Мудрый враг лучше глупого друга); «Нодон сухан кунад, доно киёс» (Глупец говорит, мудрый сравнивает); «Аҳмақ риш орояд, доно сухан» (Дурак украшает бороду, мудрец – свои слова) «Доно бо ишораи абрӯ кор кунад, нодон ба захми чавгон» (Мудрому достаточно намека, дураку нужен удар палки);

- молодой – старый: в русских пословицах «Молод, глуп с придурью; стар да глуп - насквозь пророс», «Старые умники вымерли, а молодые не нарождаются»; в таджикских пословицах «Ба ақл пиру ба дил чавон» (Старый умом - молодой душой); «Вақте гов меояд, гусола мехезад» (Когда корова приходит, теленок встает);

Морфологический состав ядра поля контраста русских и таджикских паремий также включает: существительные (конкретные и абстрактные): «Дурак дом построил, а умница купил»; «Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю»; «На аз душмани доно, ки аз дӯсти нодон битарс» (Не бойся врага умного - бойся друга глупого); наречия времени, пространства, качества и количества: «Много видит, да мало смыслит»; «Спереди дурак, да и сзади так»; «Всяк умен: кто сперва, кто опосля»; «И так дурак, и сяк дурак, и этак не так, и всячески дурак»; «Ақли солим беҳ аз пули бисёр» (Здравый смысл лучше больших денег); «Пургӯйй аз нодонист» (Слишком много болтовни – признак невежества); глаголы, обозначающие противоположные действия: «Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять»; «Не говорит - ум копит; а

скажет - нечего слушать»; «Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил»; «Родился мал, вырос пьян, помер глуп»; «Аблаҳ гуфту аҳмаке бовар кард» (Глупый сказал, а дурак поверил), «Аҳмақ риш орояд, доно сухан» (Дурак украшает бороду, мудрец – свои слова), «Ба доно ишорат, ба нодон калтак» (Мудрому достаточно намека, дураку нужен удар палки), «Доно бо ишораи абрӯ кор кунад, нодон ба захми чавгон» (Мудрому достаточно намека, дураку нужен удар палки), «Нодон сухан кунад, доно киёс» (Глупец говорит, мудрый сравнивает).

Таким образом, для выражения контраста в русских и таджикских пословицах используются антонимичные пары, однородные в отношении используемых частей речи, но вариативные по смысловому значению, которые составляют ядро поля контраста.

Для периферийных средств выражения контраста в русских и таджикских пословицах характера меньшая степень однородности и большее разнообразие типов контрастирующих компонентов. Вся совокупность периферийных средств разделяется на ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию.

Категорию ближних периферийных средств образуют гипонимы, то есть частные понятия по отношению к общему понятию, являющиеся согипонимами друг для друга. Противопоставление свойств умного и глупого человека предполагает использование следующих гипонимов:

- названия животных, метафорически обозначающих ум и глупость: «Поехал за море теленком, воротился бычком»;

- имена собственные лиц мужского/женского пола, названия населенных пунктов: «Ростом с Ивана, а умом с болвана»; «Ехал к Фоме, а заехал к куме»; «Ехал в Казань, а заехал в Рязань»;

- названия органов и частей тела, связанные с ними материальные объекты: «Ум сам по себе, голова сама по себе»; «Голова не колышек: не шапку на нее вешать»; «Диплом – олій, калла -холӣ» (диплом - высшее, голова - пустая.), «Каллаи холӣ чиву каду чӣ» (что пустая голова, что тыква?); «Сари

кӯчаку риши дароз нишони аҳмақист» (Маленькая голова, но большая борода – признак невежества);

- числительные и лексемы, обозначающие числа: в русских пословицах «Трое осудят, десятеро рассудят»; «Ум хорошо, а два лучше»; «Премудрость одна, а мудростей много»; в таджикских пословицах – «Ба оқил як ишорат бас аст» (Мудрому одного намека хватит), «Як гови чиркин подаро вайрон мекунад» (Одна грязная корова загрязняет стадо).

Наравне с согипонимами ближнюю периферию русских и таджикских пословиц также могут составлять оппозиции, состоящие из двух лексем, обозначающих смежные понятия без привязки к определенной сфере: «Плут на закваске (испечен), а дурак на пресной водичке»; «Ленивого дошлюсь, сонливого добужусь, а с дураком ничем не развяжусь»; «Где умному горе, там глупому веселье»; «Умный смиряется, глупый надувается»; «Умный молчит, когда дурак ворчит»; «Қади дарозу ақли кӯтоҳ» (Ростом велик - умом мал); «Калаи холӣ -каду» (Пустая голова – тыква); «Зӯри бозу ҳасту ақлу фаҳм нест» (Сила есть, а ума и разума нет); ср. «Сила есть - ума не надо»).

Дальнюю периферию в значительной степени составляют синтаксические средства – контрастирующие словосочетания: «Ума палата, да разума маловато»; «У людей и дураки - вишь ты каки, а наши дураки - невесть каки»; «Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на дело туп»; «Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки»; «Две бараньи головы в один котел не лезут»; «С умом суму кроить, а без ума - только кожу травить»; «Тавоно бувад ҳар кӣ доно бувад» (Силен том, кто имеет знание); «Нодон ба кори худ ҳайрон» (Дурак поражен своей работой); «Душмани доно беҳ аз нодони дӯст» (Умный враг лучше глупого друга).

Таким образом, бинарная оппозиция «ум – глупость» в русской и таджикской языковых традициях репрезентируется по принципу контраста, средствами выражения которого выступают узуальные антонимы (в ядре) и контекстуальные антонимы (на периферии).

Таким образом, бинарная оппозиция «ум – глупость» в русском и таджикском языках иллюстрируется через различные по семантике паремии, ступенчато «развертывающие» антиномическую проблему. Как в русской, так и в таджикской картине мира понятия «ум» и «глупость» соотносятся не только с интеллектуальными, но также с поведенческими, возрастными и психофизическими характеристиками человека. При этом русские и таджикские пословицы обладают и семантическим сходством, и национально-культурной маркированностью: в частности, для таджикских паремий свойственно выражение серьезных философских представлений об образе мудрого и невежественного человека, а для русских паремий – выражение противопоставления умного и глупого человека через внедрение антиномии имен собственных.

Принцип контраста, выступающий базовым способом иллюстрации оппозиции «ум – глупость» в русских и таджикских пословицах», репрезентируется посредством использования антонимов. Антиномия в проанализированных паремичных единицах русской и таджикской лингвокультуры проявляется на грамматическом уровне (грамматические оппозиции), лексическом уровне (узусальные и контекстуальные антонимы) и синтаксическом уровне (контрастирующие словосочетания).

2.2.3. Труд – Безделье

В данном разделе в качестве фактического материала для сопоставительного анализа были отобраны паремические единицы, иллюстрирующие бинарную оппозицию «труд – безделье». Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению конкретных примеров, необходимо отметить, что в русском национальном самосознании труд оценивается по преимуществу положительно; русский человек всегда готов к качественной и продуктивной работе, а к безделью и лени проявляет пренебрежительное отношение. Схожий подход репрезентирует и таджикская лингвокультура, где

труд рассматривается в качестве средства достижения изобилия, а лень – как прямой путь к нищете и лишениям. Таджики, как и русские, выказывают уважение к трудолюбивым работникам, высококлассным мастерам, профессионалам своего дела. Подобные национально-культурные представления находят свое отражение в пословичном фонде обоих языков. Рассмотрим ключевые слова в русском и таджикском языках.

В русском языке лексема "труд" в «Словаре русского языка» И.С. Ожегова и Н.Ю. Шведовой обозначает "целесообразную деятельность человека, направленную на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей" [222, с. 814]. Бинарная единица "безделье" имеет противоположное значение "пребывание без дела, в праздности" [222, с. 40].

В соответствии с определением в «Словаре таджикского языка» М.Ш. Шукурова, и др. составителей лексическая единица "труд" (мехнат) многозначна и имеет следующие значения: 1. «Мусибат (беда), бало (несчастье), бадбахтӣ (злополучие), идбор (неудача)»; 2. «Ранҷ (боль, страдания), азобу укубат (мучение и страдание), машаққат (затруднение), захмат (трудность)» [225, с. 684]. Таким образом, в семантике данной лексемы в таджикском языке отражены такие негативные аспекты, как неудачи и страдания, а также физическая и психологическая трудность при выполнении задач. Слово "безделье" в этом же словаре определяется как «состояние, при котором лицо не погружено в активность, не приносящую полезных результатов: “Касе, ки бо кор ва амали фоиданок машғул нест” (Тот, кто не занимается никакой полезной деятельностью)» [225, с. 171].

Лексический анализ паремиологического фонда русского и таджикского языков показывает, что для иллюстрации контрастирующей пары понятий «труд – безделье» в русском языке используются лексемы «труд», «трудиться», «труженик», «работник», «лень», «безделье»; в таджикском языке – лексемы «кор» (работа), «мехнат» (труд), «мехнат кардан»

(трудиться), «кор кардан» (работать), «коргар» (трудолюбивый), «танбалй» (лень), «бекорй» (праздность).

Все паремии представленной категории можно разделить на две группы: пословицы, конкретизирующие концепт труда, и пословицы, конкретизирующие концепт безделья. Они тесно переплетены друг с другом, поскольку концепт «труд» интерпретируется как «физическая или умственная деятельность, нацеленная на получение вознаграждения», а концепт «безделье» – как отсутствие такой деятельности или ее отдельных признаков.

Специфика смыслового компонента пословиц, иллюстрирующих представление народа о труде, обусловлена необходимостью выражения различных значений – например, характеристики образа идеального работника или свойств труда как вида деятельности:

- «тяжесть, длительность, монотонность» труда, предполагающего полезный или малоэффективный результат: «Двое пашут, а семеро руками машут»; «Девушка Гагула села прясть, да и заснула»; «Жнет, не сеяв, молотит по чужим токам»; «Ковки час, а ладки день»; «Семеро одну соломинку поднимают»; Илм хоҳй такрор кун, хосил хоҳй шудгор кун (Хочешь знаний - повторяй, хочешь урожая - паши); Як задани оҳангару сад задани сӯзангар (Один удар кузнеца равен ста ударам портного); Дар тобистон мехнат – дар зимистон роҳат (Летом - тяжелая работа, зимой - отдых); Ба як зарба дарахт намеафтад (Глубже вспашешь - вкуснее хлеб поешь); Кори саросемагй боиси ханда аст (Дерево не падает с одного маха);

- труд как «приложение усилий», то есть упорная деятельность, выполняемая либо умело и старательно, либо безалаберно: «Герпение и труд - все перетрут»; «Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут»; «Дело не медведь, в лес не уйдет»; «Работа не волк, в лес не убежит»; «Ему дай яичко, да еще и облупленное»; «От работы кони дохнут»; Кор вақтро метезонад (Работа ускоряет время); Аз ту ҳаракат, аз ман баракат (От тебя - усердие, от Бога - благословение); Усто чй гуна – кораш намуна (Работа мастера показывает, какой он); Танбал ҳамеша серкор аст (Ленивый всегда занят); Одами ҳамакора,

хама кораш нимкора (За все берущийся, но ничего не умеющий); Ба гуфтан осону ба кардан душвор (Легко сказать, но трудно сделать);

- труд в значении «подневольная деятельность», основными признаками которой выступают принудительный характер, высокая физическая нагрузка, протяженность во времени, безрадостность. Дополнительно в русской языковой картине мира пословицы, репрезентирующие данное смысловое значение, ссылаются на представления о тяжелом подневольном труде крепостных крестьян: «Нужда учит, а барщина мучит»; «Будет досуг, когда вон понесут»; «Господской (Барской) работы не переработает». В таджикском языке тоже есть паремии, говорящие о тяжести труда: Одам корро не, кор одамро тамом мекунад (Человек не закончит работу, работа прикончит человека); Кори дунё тамом шудан надорад (Мирская работа не заканчивается); Кор бо кардан тамом намешавад (Работа не заканчивается никогда).

- паремии со значением «результативности» труда, куда входят пословицы, иллюстрирующие эффективный, необходимый или, наоборот, напрасный, ненужный труд: «В пашне огрехи, а на кафтане прорехи»; «Где бабы гладки, там нет и воды в кадке»; «Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее»; «И готово - да бестолково»; Мукофоти меҳнат серӣ аст (Сытость есть награда за труд); Нобурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад (Без страдания невозможно получить богатство); То меҳнат накунӣ, роҳат намебинӣ (Без труда не получишь отраду), Дар тобистон меҳнат – дар зимистон роҳат (Летом - тяжелая работа, зимой - отдых); Гапи бисёр фоида надорад (Из больших разговоров мало пользы).

- «отсутствие труда», то есть лень, безделье, или медлительная, пассивная, безответственная деятельность: «Была игла, да спать легла»; «Здоров в еде, да хил в труде»; «Складно баёт, да дела не знает»; «Словами туда и сюда, а делом никуда»; «День к вечеру, а работа к завтраму»; «Голова удатна, да лень перекатна»; «Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется»; «Проглотить-то хочется, да прожевать лень»; «Швея Софья - на печи

засохла»; «Работать лень – мигрень»; «От меня работа не заплачет»; «Белые ручки чужие труды любят»; «Бегают от работы, как собака от мух»; Аз бекор – Худо безор (Богу противен праздный человек); Танбал хамеша серкор аст (Лентяй всегда занят); Танбалро нафаскашй душвор аст (Лентяю и дышать трудно).

Также паремии, репрезентирующие понятие безделья в русском и таджикском языках, могут выражать смысловое значение «пребывание в праздности» и его более тонкие семантические оттенки – «достаток за чужой счет», «отдых вместо труда», «ничего неделание» и др.: «Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа»; «Добро за готовым хлебом на печи лежать»; «Замерзла тетка, на печи лежа»; «Отчего кот гладок? - Поел - да и на бок»; «Коли б не еда да не одежда, так мы б и опузырились лежа»; «Спать долго - жить с долгом»; «За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать против нас не сыскать»; Аз кор безору ба хӯрдан тайёр (Избегает из работы, но есть всегда готов); Дар хӯрдан наҳанг, дар кор хари ланг (Когда кушать – он как акула, когда работать – то он хромым осел); Беморй беҳ аз бекорй (Болезнь лучше безработицы); «Аз бекорй кори бепул хубтар» (Работа задаром лучше безделья).

Представленные выше примеры пословиц, иллюстрирующих бинарную оппозицию «труд – безделье» в русской и таджикской лингвокультуре, также содержат оценочный компонент, обозначающий положительное отношение русского и таджикского народов к труду, полезной деятельности и негативное отношение к лени, праздности, безделью. Соответственно, паремии русского и таджикского пословичных фондов выступают наглядными воплощениями русской и таджикской ментальности.

Как и в случае с оппозицией «ум – глупость», оппозиция «труд – безделье» репрезентируется путем воспроизведения в семантике пословиц принципа контраста. Языковыми средствами выражения контраста выступают организованные в повторяющиеся пары антонимы (существительные, глаголы, качественные прилагательные).

В ходе сопоставительного анализа русских и таджикских пословиц было установлено, что наиболее высокую частность обнаруживают антонимичные компоненты «труд» (дело, работа) и «безделье» (лень, леность), встречающиеся как в русских пословицах: «Работа с зубами, а лень с языком»; «Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем», так и в таджикских пословицах: «Ба кор будан дар роҳат бекор будан дар ғурбат» (У кого есть работа, у того все хорошо, у кого нет работы, тот в изгнании); «То меҳнат накунӣ, роҳат намебинӣ» (Без труда не получишь отраду).

Также для обоих языков характерно выражение противопоставления качественных признаков труда, безделья, их результатов. Морфологический состав подобных контрастирующих конструкций в таджикском языке выражен существительными: То меҳнат накунӣ, роҳат намебинӣ (Без труда не получишь отраду), Дар тобистон меҳнат – дар зимистон роҳат (Летом – тяжелая работа, зимой – отдых); «Аз одами бекор – Худо безор» (От бездельника Бог отворачивается); Дар хӯрдан наҳанг, дар кор хари ланг (Когда кушать – он как акула, когда работать – то он хромым осел); Беморӣ беҳ аз бекорӣ (Болезнь лучше безработицы). Для русского языка той же цели служат прилагательные и наречия: «Горька работа, да хлеб сладок»; «Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает»; «Думай медленно, а работай быстро».

В русской лингвокультуре поле контраста формируется и за счет введения ключевых символов, вступающих в антонимические отношения. К таким символам, в частности, относится оппозиция «Бог – черт», где божественное связано с трудом, а дьявольское – с ленью: «Послал бог работу, да отнял черт охоту»; «Работа не черт, в воду не уйдет»; «Бог дал здоровье в дань, а деньги сам достань»; «Боже, поможи, а ты на боку не лежи».

Проиллюстрированный в паремиях контраст носит ментально-дискурсивный характер, поскольку он выражает противоположность стереотипных представлений, поведенческих и когнитивных моделей. Языковыми средствами выражения подобного противопоставления в

таджикской лингвокультуре становятся сочетание мехнат – роҳат/труд – удовольствие и антонимичное ему сочетание бекорӣ – азоб/ безделье – страдание: Мукофоти мехнат серӣ аст (Сытость есть награда за труд); То мехнат накунӣ, роҳат намебинӣ (Без труда не получишь отраду), Дар тобистон мехнат – дар зимистон роҳат (Летом - тяжелая работа, зимой - отдых).

Русский пословичный фонд содержит паремии, где понятие о трудолюбивом человеке трансформировано в метафорический образ – образ пчелы или муравья, противопоставленный другому живому существу, символизирующему образ ленивого человека: «Пчела трудится - для бога свеча пригодится»; «Не на себя пчела работает»; «Кляча воду возит, а козел бородкой потряхивает»; «Дела не голуби, не разлетятся»; «Работа не волк - в лес не убежит»; «Червяк и тот землю роет». Однако в таджикском языке метафора используется только один раз, когда речь идет об образе безработного и ленивого человека, а не о рабочем и трудящемся: «Дар хӯрдан наҳанг, дар кор хари ланг» (Когда кушать – он как акула, когда работать – то он хромой осел).

Средством выражения контраста и в русской, и в таджикской языковой традиции также могут выступать языковые единицы со значением времени суток или годового сезона: «Летом пролежишь, а зимой с сумой побежишь»; «Лето собирает, а зима поедает»; «Лето работал, зиму хлопотал; пришла весна - счелся, так жолвь сшелся» (т.е. вничью работал); Кори имрӯзаро ба фардо нагузор (Сегодняшней работы на завтра не оставляй); Дар тобистон мехнат – дар зимистон роҳат (Летом - тяжелая работа, зимой - отдых); Мехнати баҳору роҳати зимистон (Весенний труд и зимнее утешение). Возникновение пословиц, включающих подобные контрастирующие компоненты, обусловлено существованием в национальном самосознании русского и таджикского народов представлений о сезонности крестьянского труда.

Подводя итог, следует заключить, что русские и таджикские пословицы широко репрезентируют положительное отношение человека к труду, который в культуре обоих народов считается первоосновой жизни, значимым

показателем степени развития национального характера в человеке. Через поговорки русского и таджикского языка, в том числе через пословицы-эквиваленты транслируется представление о труде как о способе обогащения: «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи»; «Хлеб даром не даётся»; «Доход не бывает без хлопот»; Мукофоти мехнат серй аст (Сытость есть награда за труд); То мехнат накунӣ, рохат намебинӣ (Без труда не получишь отраду); «Кто трудиться рад, тот будет хлебом богат» и «Мехнат кунӣ, ҳалол кун, ҳосилоша ҷавол кун» (Если хорошо потрудишься, урожай мешком соберешь); «Без дела жить – небо коптить» и «Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст» (Лучше покойник, чем живой бездельник).

Интересно в таких поговорках то, что смысловое значение необходимости и пользы труда выражается через отражение ненавистного отношения к праздности и лени: «Лениться да гулять – добра не видать»; «Маленькое дело лучше большого безделья»; «От труда здоровеют, а от лени болеют»; Аз одами бекор Худо безор (От бездельника Бог отворачивается); аз бекорӣ – кадуکورӣ (от безделья - рукоделье).

Репрезентация положительного отношения к труду и негативного отношения к безделью в русском и таджикском языках осуществляется за счет использования лексических средств (у таджиков – за счет общенародных слов), широкого спектра воспроизводимых смысловых значений, краткости и ритмической организованности.

Русская и таджикская лингвокультуры активно культивируют в сознание народа представления об образе идеального работника – выносливого, ответственного, трудолюбивого: «Металл в огне, а человек в труде познается», «Сил не жалей, работай и не плачь, для нас, людей, работа - лучший врач»; «Кто надеется на ужин соседа, останется голодным». Лениность и тунеядство, наоборот, всяким способом порицаются, признаются худшим из зол: «Аз одами бекор – Худо безор» (От бездельника Бог отворачивается). Интересно, что в русской и таджикской языковой картине мира труд считается ценностью независимо от итогового результата («Аз бекорӣ кори бепул хубтар» – Работа

задаром лучше безделья), что отличает национальное сознание русских и таджиков от, к примеру, национального сознания англичан, где прибыль – главный признак эффективного труда («Great pains and little gains makes men soon weary» – Работа без вознаграждения убивает).

Национально-специфичной характеристикой таджикского пословичного фонда выступает наличие паремий, где концепт труда соотносится с изнуряющей работой, требующей немало терпения: Сабр талх аст, вале меваи ширин дорад» (Терпение горько, но приносит сладкие плоды); Аз пояи аввали нардбон ба бом намепаранд (С первой ступеньки нельзя вспрыгнуть на крышу). Формулирование подобного семантического значения связано с укоренившимися в народном сознании убеждениями о сложности, утомительности крестьянской работы.

Таким образом, культурно-языковая традиция русского и таджикского народа неразрывно связана с представлениями о труде как о главной общенациональной ценности. Подобное отношение к трудовой деятельности находит свое отражение в паремиях русского и таджикского языков, характеризующихся наличием как универсальных, так и национально маркированных семантических компонентов. Для репрезентации концепта значимости труда в русских и таджикских пословицах используются различные языковые средства, в том числе антиномические пары, конкретизирующие понятие «труд» и противоположное ему понятие «безделье», а также их метафорические обозначения и ассоциативные конструкции.

Вместе с тем существующие в менталитете указанных народов различия в отношении к труду определяют уникальность отдельных смысловых компонентов, обнаруженных в семантике паремий. Для русской языковой картины мира характерно порицание лени и безделья, уважение к трудолюбивому работнику, высокая социальная значимость упорной работы; вместе с тем русские стараются избегать тяжелого изнурительного труда. В свою очередь, национальному сознанию таджикского народа свойственно

представление о важности любого труда вне зависимости от его сложности, а также умеренность в работе, стремление к получению достатка путем многолетнего, добросовестного, прилежного труда.

2.2.4. Дружба – Вражда

Русский и таджикский паремиологические фонды содержат значительное количество пословиц, иллюстрирующих бинарную оппозицию «дружба – вражда»: в частности, сборник пословиц В.И. Даля включает 215 пословиц, относящихся к тематической рубрике «Друг – недруг». Для выражения смысловых значений паремий данной категории в русском языке используются лексемы «дружба», «дружить», «друг», «приятель», «вражда», «враг», «ненависть», а в таджикском языке – лексемы «дӯст», «дӯстӣ», «ҳамнишин», «душманӣ», «душман», «бадбинӣ».

В русском языке по данным «Словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема "Дружба" имеет следующее определение: "Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов" [222, с. 181]. Антоним "вражда" определяется как "отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью" [222, с. 103].

Согласно дефиниции, в «Словаре таджикского языка» М.Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима и Н. А. Масуми лексическая единица «дружба» имеет следующие значения: 1. «Рафоқати самимӣ, меҳрубонӣ, муқобили душманӣ» (Искренняя дружба, доброта, против вражды); 2. «Ишқу муҳаббат (Любовь и привязанность)» [225, с. 407]. В свою очередь, антоним "вражда" (душманӣ) определяется как «хусумат (вражда), адоват неприязнь), бадҳохи (недоброжелательство), муқобили дӯстӣ (против дружбы)» [225, с. 408].

В «Словаре таджикского языка», изданном под редакцией С. Назарзодода, А. Сангинова, С. Каримова и М. Султана «дружба» разъясняется так: «против вражды; искреннее товарищество, доброта; любовь и привязанность». То есть, в отличие от русского языка, слово «дружба» в

таджикском языке означает еще и любовь, а русское «дружба» этого значения выразить не может.

Понятие «дружбы» в русском национальном сознании стереотипично и универсально, чего нельзя сказать о понятии «вражды». С точки зрения семантики понятие «вражда» сходно с понятием «ненависть» (ср. «ненависть – это чувство сильной вражды и отвращения» и «вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [234]); однако их разделяет тончайшее смысловое различие: ненависть пассивна, а вражда, наоборот активна. Следовательно, в русском национальном характере интенсивное проявление ненависти с целью нанесения ущерба считается признаком вражды. Указанные трактовки понятий «дружба» и «вражда» использовались нами при характеристике представленной антонимии.

Сопоставительный анализ пословиц, иллюстрирующих оппозицию «дружба – вражда» в русском и таджикском языках, показал, что в обеих языковых традициях присутствуют пословицы, одинаковые по смыслу и синтаксической организации. Объясняя природу паремий-эквивалентов, Ю.П. Солодуб поясняет, что «многие тождественные или близкие факторы материальной и духовной жизни народов получают в разных языках независимо друг от друга одинаковое осмысление» [143, с. 92]. Данный тезис находит свое подтверждение при сравнении следующих пословиц-эквивалентов: русской «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», таджикской «Бо ман бигӯ, ки дӯсти ту кист, то бар ту гӯям кистӣ» («Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»), а также русской пословицей «С кем познаешься, у того и нахватаешься» и таджикской пословицей «Бо моҳ шинӣ, моҳ шавӣ, бо дег шинӣ, сиёҳ шавӣ» (С луной станешь луной, с котлом – черным).

Следует отметить, что представленные пословицы характеризуются сходством не только семантической, но и синтаксической структуры.

К той же группе примеров можно отнести русскую пословицу «Не бойся врага умного, бойся друга глупого», её эквивалент в таджикском языке –

пословица «Аз дӯсти нодон тарс» (Бойся глупого друга), или русскую поговорку «От умного врага можно получить пользу, а от глупого друга можно получить вред» и сходную с ней таджикскую поговорку «Душмани доно аз дӯсти нодон беҳтар» (Умный враг лучше глупого друга).

В ходе сопоставительного анализа нами была сформирована и другая категория пословиц, которые не являются полными эквивалентами, но обладают семантическим сходством. К данной группе паремий относятся поговорки: в русском языке – «Добрый друг лучше ста родственников», в таджикском языке – «Дӯсти ҳақиқӣ аз бародар беҳ» (Искренний друг лучше брата); или же в русском языке «С кем познаешься, у того и нахватываешься», в таджикском языке – «Бо моҳ шинӣ, моҳ шавӣ, бо дег шинӣ, сиёҳ шавӣ» (С дурным поведёшься – станешь дурным; с добрым поведёшься – станешь цветком).

Русский и таджикский паремиологические фонды включают множество поговорок, в которых понятие дружбы раскрывается через составляющие ее признаки – взаимопомощь и поддержку: «Для дружбы нет расстояний»; «С добрым другом и прожиток не в убыток»; «Для друга - все не туго»; «Для друга и семь верст не околица»; «Аз дӯст як ишорат, аз мо ба сар давидан» (От друга только намёк, и мы готовы услужить ему).

Отдельную категорию паремий составляют русские поговорки, не находящиеся в таджикском языке сходных или аналогичных по смыслу поговорочных изречений. К данной группе относятся русские поговорки, утверждающие святость человеческой дружбы, за которую друзья готовы отдать жизнь: «Больше той любви не бывает, когда друг за друга умирает». Также в указанную категорию поговорок входят паремиологические единицы русского языка, репрезентирующие отношение к близкому родственнику как к лучшему другу: «Нет такого дружка, как родимая матушка да родимый батюшка», «Три друга: отец, да мать, да верная жена».

Синтаксическая организация паремий, иллюстрирующих антонимию «дружба – вражда» в русском и таджикском языках, в большинстве случаев

опирается на принцип противопоставления ключевых лексем: «Бедный знает и друга, и недруга»; «Недруг поддакивает, а друг спорит»; «Дӯст гӯяд табарвор, душман гӯяд шакарвор» (Друг скажет жестко, враг скажет мягко); «Аз дӯсти нодон душмани доно беҳтар» (Умный враг лучше глупого друга).

Для более глубокого понимания специфики представленной в паремиях оппозиции необходимо подробнее рассмотреть смысловые значения, которые в пословицах репрезентирует понятие «дружба»:

- «значимость» дружбы – как в русском, так и в таджикском языковом сознании дружба является неотъемлемой частью человеческого бытия, обозначает крепкий союз между двумя людьми, приносящий успокоение и защиту, избавляющий от одиночества: «Одному и пьяно, да не мило; с другом и хмельно, да умно»; «Доброе братство милее богатства»; «Не дорога гостьба, дорога дружба»; «Старый друг лучше новых двух»; Дӯсти бисёр аз моли (пули) бисёр беҳтар аст (Иметь много друзей лучше чем иметь много богатства (денег)); Завке чаҳон надорад бе дӯст зиндагонӣ (Без друга жизнь не имеет радости); Бародар беҳтар ё дӯст? Бародари дӯст (Лучше иметь брата или друга? Брата, если он - друг);

- «мнимость» дружбы – в противоположность предыдущим примерам паремии данной группы в обеих языковых традициях иллюстрируют неискренность побуждений, ненастоящую дружбу: «Встретил с жалостию, а проводил с радостию»; «Его милее нет, когда он уйдет»; Дӯст он бошад, ки гирад дасти дӯст, дар парешонҳолию дармондагӣ (Друг тот, кто протянет руку другу в затруднении и беде); Дӯст дар рӯзи бад шинохта мешавад (Друга в черный день узнаешь) Ба дӯсти носанчида бовар набояд кард (Неиспытанному другу не следует верить);

- «трудность, непрочность» дружбы – в этом случае и русские, и таджикские паремии репрезентируют представление народа о сложности построения и поддержания приятельских отношений: «Что того любить, кто хочет сгубить?»; «Не житьё и собаке с волком, а телёнку так и продуху нет»; «Стоячему с сидячим трудно говорить»; «Овце с волками худо жить»;

«Черный день придет - приятели откинутся»; Сирратро ба дӯстат нагӯ, зеро дӯстат низ дӯст дорад (О своем секрете не говори даже другу, так как и у него есть друг); Бо дӯстат душманӣ хоҳӣ, қарз бидеҳ (Если хочешь вражды с другом, дай ему в долг); Ҳамсоя аз дӯст беҳтар (Сосед лучше друга); Дӯст дӯст аст хисоб роҳи рост (Друг есть друг, но расчетливость правильнее); Дӯстро дар мусибат мешиносанд (Друг познается в беде).

- дружба как «результат опыта», где истинность намерений проверяется посредством совместного прохождения длительных испытаний: «Не спожив (не поживши), друга не узнаешь»; «Изведен друг, коль соли вместе съевши»; «Друга узнать - вместе пуд (куль) соли съесть»; «Коня в рати узнаешь, а друга в беде»; «Друг познаётся на рати да при беде»; Дӯстро кухнааш нағзу либосро - наваш (В дружбе лучше старый друг, в одежде – новая/ Одежда хороша новая, а друг — старый); Дӯстон се навъанд: нонӣ, забонӣ, чонӣ (Друзья бывают трех типов: друзья в еде, друзья на словах и душевные); Одамро шинохта намешавад (Человека невозможно узнать полностью); Дӯсти ба хисоб чудонашавнада (Друг тот, кто не отвергнется после расчета).

Понятие «Вражда» в таджикских и русских пословицах и поговорках в зависимости от цели паремии выражается в нескольких значениях.

В русском пословичном фонде широко представлены реляционные паремии со смысловым значением «неприяженные отношения»: «Не видишь - душа мрёт; увидишь - с души прёт»; «Мы с тобой, что рыба с водой: я на лёд, а ты под лёд»; «Шуту в дружбе не верят»; «Скотина чешется бок о бок, а люди врозь»; «Пеший конному не товарищ»; «Гусь свинье не товарищ»; «Глупый умного, а пьяница трезвого не любят»; «Сапог лаптю не брат»; «Две кошки в мешке дружбы не заведут». В таджикском языке подобное смысловое значение в пословицах отображается крайне редко: Гадо – душмани гадо (Нищий – враг нищего); Соя ба соя рост намеояд (Тень не ладит с тенью).

Вместе с тем в паремиях обоих языков распространены пословицы, репрезентирующие «враждебное поведение»: «Друг другу терем ставит, а

недруг недругу гроб ладит»; «Другу не дружи (не потворствуй), недругу не груби»; «Раздружится друг - хуже недруга»; Душманро ба ҳила мағлуб кардаанд (Побеждают врага хитростью); Душманӣ орад ба мардум рӯзи сахт (Вражда приносит людям тяжелую жизнь); Гург дар пӯстии гӯсфанд (Волк в овечьей шкуре).

Представления о сущности вражды могут быть представлены через результирующее понятие «опасность», используемое в обеих языковых традициях в качестве предостережения враждующим сторонам: «Враг силен, валяет и в синем» (синий кафтан – символ богача); «Грозен враг за горами, а грозней за плечами»; «Не ставь недруга овцою, а ставь его волком»; Душман агар пашша аст, фил бишмораш (Если враг муха, считай его слоном); Душмани хурд аст балои бузург (Маленький враг - большое зло); Душман натавон ҳакиру бечора шумурд (Врага нельзя считать слабым и беспомощным); Душман хурдӣ надорад, бало – бузургӣ (У врага нет малости, у беды – величия).

Отличительной особенностью русского языкового сознания выступает наличие в пословичном фонде паремий в значении межэтнического сопоставления, где качества русского человека субъективно оценены выше качеств человека другой национальности: «Русский вор лучше еврейского судьи»; «Русские с сошкой, а жида с ложкой»; «Что русскому здорово, то немцу смерть»; «Русский немцу задал перцу»; «Прусский гут (хорош), а русский гутее».

Подобное противопоставление обнаруживается и в пословичном фонде таджикского языка, однако для таджикских паремий характерно, наоборот, принижение и осуждение таджика при его сравнении с представителями других этносов или же выражение таджикского сочувствия, задавленного другими народностями – чаще всего тюрками: Чустӣ куну туркӣ кун, на нармию тоҷикӣ (Стань проворным и тюрком, а не слабым и таджиком); Турке ҳама туркӣ кунад, тоҷик тоҷикӣ кунад (Тюрк занимается коварством, таджик проявляет наивность). Включение отрицательного образа тюрка в большой пласт

таджикских пословиц обусловлено тесным, продолжительным, но не всегда благоприятным для таджиков взаимодействием таджикского и тюркского народов.

Представленная выше категория паремий выступает наглядным примером репрезентации национально-культурных особенностей в семантической структуре пословиц.

Паремии, иллюстрирующие анализируемую бинарную оппозицию, опираются на принцип контрастности, выражаемый в русском и таджикском языках через повторяющиеся пары различных по семантике узуальных антонимов, чаще всего являющихся ключевыми лексемами: «Дружба от недружбы близко живет»; «Недруг поддакивает, а друг спорит»; Дӯст гӯяд табарвор, душман гӯяд шакарвор (Друг скажет жестко, враг скажет мягко); Аз дӯсти нодон душмани доно беҳтар (Умный враг лучше глупого друга).

Таким образом, сопоставительный анализ пословичного фонда русского и таджикского языка показал, что в обеих национальных языковых картинах мира сходным образом через паремии воспроизводится бинарная оппозиция «дружба – вражда».

Репрезентация указанной бинарной оппозиции осуществляется через понятия «дружба» и «вражда», иллюстрирующих вариативные смысловые значения, характерные как для таджикского, так и для русского языкового сознания. Национальная специфика языковых картин мира чаще проявляется в паремиях со значением «этническая вражда», где находят отражение стереотипные представления о других этносах. Русским пословицам свойственны семантические структуры, обозначающие положительное отношение к русскому и принижение других народов, а таджикским пословицам – семантика осуждения таджика или сочувствия ему.

Также в ходе исследования паремиологического фонда русского и таджикского языков было выявлено сходство между ядерными средствами контраста, которыми выступают оппозиции ключевых лексем и узуальных антонимов, выраженных различными частями речи. При этом для русского и

таджикского языкового сознания характерна репрезентация в паремиях оппозиции «хороший – плохой».

На основании полученных результатов сравнительного анализа русских и таджикских пословичных изречений следует заключить, что понятие «дружбы» является универсальным для носителей обеих языковых традиций, поскольку и для русских, и для таджиков дружба представляет высокую ценность. На уровне языка данный факт подтверждается наличием широкого спектра семантических понятий, связанных с понятием «дружбы»: друг, родство, помощь, поддержка, искренность в отношениях, доверие, бескорыстие, надёжность; а также присутствием пословиц-эквивалентов. Репрезентация национальной специфики понятия «дружбы» осуществляется за счет включения в паремиологический фонд уникальных пословичных выражений.

2.3. Образ человека в пословицах и поговорках русского и таджикского языков

Данный раздел нашей диссертации посвящен изучению образа человека как носителя национального характера, закреплённый в паремиологической традиции русского и таджикского народов.

В любой национальной культуре устное народное творчество становится отражением специфики национального мировидения, которая воспринимается человеком и формирует его национальный характер. Следовательно, в широком смысле национальный характер – это совокупность обобщённых личностных характеристик каждого отдельного человека. Как полагает К. Юнг, национальные характеры необходимо классифицировать исходя из представлений о психологических типах людей: эмоционального, мыслительного, интуитивного и сенсорного (опирающегося на ощущения) [181, с. 217]. Идеи К. Юнга оказываются сопоставимы с определенными народностями, поскольку национальная психика есть сумма психик

отдельных представителей этнокультурного сообщества. Дополнительно следует отметить, что национальный характер может изменяться под влиянием внутренних (государственных) и внешних (межэтнических) условий.

Следует отметить один важный момент, что образ человека в языковой картине мира отдельных народов напрямую зависит от мировоззрения и менталитета этого же народа, который берет начало в их культуре, обычаях и традициях. С другой стороны, когда мы хотим отобразить образ человека в языковой картине мира отдельного народа, мы в первую очередь сталкиваемся с национальным характером людей. Именно поэтому образ человека в таджикских и русских пословицах и поговорках будет уточнен по результатам анализа отражения национального характера русских и таджиков в народных паремиях.

На формирование национального характера непосредственное влияние оказывают следующие ключевые параметры: особенности географического расположения; отношение к любви, семье, дружбе; отношение к деньгам, труду, образованию; приоритетные личностные качества; отношение к родине, патриотизм; образ мужчины и женщины.

В наше исследование были включены пословицы и поговорки, отображающие эти параметры в таджикском и русском языках.

Одной из самых отличительных черт таджикского народа, которая отражена во многих пословицах и поговорках, является особенное отношение к родителям – уважение к родителям и к взрослым в целом. На протяжении веков таджики воспитывали своих детей в духе уважения к родителям. Для таджиков неуважение к родителям, старшим членам семьи является большим грехом и виной. Недовольство родителя ребенком считается для него большим несчастьем. Человек, не уважающий своих родителей, не уважается в таджикском обществе. Среди таджиков часто употребляется словосочетание «сыновний долг», означающее, что сыновья несут ответственность перед родителями. Все эти мысли и мировоззрения вошли во многие пословицы и

поговорки: Падар ризо – Худо ризо (Воля отца - воля Бога); Чаннат зери кудуми модарон аст (Рай лежит под ногами матерей); Охи модар мегирад (Вопль матери вредит ребенку); Дуои падар мустачоб аст (Молитва отца принята).

В русских паремиях отражено представление о том, что никто в мире не сможет заменить родителей: в поле – ни отца, ни матери: заступиться некому; в Москве все найдешь, кроме родного отца да матери; на свете все найдешь, кроме отца и матери; все купишь, а отца-матери не купишь.

В то же время в русском языке встречаются такие пословицы и поговорки, в которых мать считается дороже и ближе детям, чем отец: без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; отцов много, а мать одна; что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет. Данное положение можно аргументировать тем, что мать является важнейшей составляющей социального пространства ребенка, а ее образ остается одним из самых значимых на протяжении всей жизни человека.

Русские паремии представляют такую картину, согласно которой главную роль в жизни ребенка играет мать, которая является источником любви и заботы. В ее образе, в отличие от образа отца, не зафиксированы отрицательные черты: родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет; мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет; своя матка бия не пробьет, а чужая глядя прогладит. Отец, с одной стороны, незаменим, как и мать, с другой – является более строгим. Превосходство матери над отцом более отчетливо выражено в русской пословичной картине мира.

Особенностью национального характера русского народа является его двойственность, где, с одной стороны, поощряется свободолюбие, а с другой – терпение и смирение. Выделение «любви к воле» в разряд основополагающих качеств русского человека связано с многолетней борьбой русского народа за свою независимость: как против сторонних захватчиков (например, монголо-татарского ига), так и внутри страны (за освобождение

крестьян). Стремление русского народа к независимости и свободному волеизъявлению проиллюстрировано в следующих пословицах:

«Хоть тяжела доля, да все своя воля»; «Своя воля дороже всего»; «Вольность всего дороже»; «Воля птичке дороже золотой клетки»; «Своя рука владыка».

Одной из самых известных таджикских пословиц, которая в наше время вызвала множество споров, является пословица «Сари хамро шамшер намебурад» (Склоненную голову меч не разрубит). Но важно понимать тот факт, что эта пословица отражает характер и историческое мировоззрение таджиков. История свидетельствует о том, что простые таджики, в отличие от русских, меньше думали о свободе и воле. История таджикского народа, жившего большую часть времени под властью правительств других рас, наглядно показывает, насколько они живут согласно этой пословице.

Культурно-историческое развитие и русского, и таджикского народа обуславливает формирование в национальном характере обоих этносов таких качеств, как терпение, смирение, способность переживать многочисленные трудности. При этом проявление терпеливости во многом становится возможным благодаря надежде на светлое будущее, что отражено в русских и таджикских пословицах:

«Терпение – лучшее спасение»; «Терпение даст умение»; «На хотенье есть терпение»; «Век живи, век надейся»; «Смирение – девичье (или молодцу) ожерелье»; «Конь (вол) налогом берет, человек смирением»; «Терпенье исподволь свое возьмет»; Сабр кунӣ, аз ғӯра ҳалво мепазад (Если проявить терпение, из незрелых фруктов халву приготовишь). Сабр калиди ҳамаи мушкилиҳост (Терпение – ключ ко всем проблемам). Сабр ганчат диҳад, бесабрӣ ранчат (Терпение приносит богатство, нетерпение причиняет боль), Сабр талх аст, аммо меваи ширин дорад (Терпение горько, но приносит сладкие плоды).

Не менее значимой характеристикой и русского, и таджикского человека выступает обостренное чувство патриотизма, любви к стране, Родине, что подтверждается наличием в обоих языках следующих паремий:

«Родина – мать, умей за нее постоять»; «Родная сторона – мать, чужая – мачеха»; «За морем теплее, а у нас светлее»; «Рыбам – море, птицам – воздух, и человеку – отчизна»; «Человек без Родины, что соловей без песни»; «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило»; «Своя земля и в горсти мила»; «Незачем далеко, и здесь хорошо»; «В гостях хорошо, а дома лучше»; «Хоки Ватан аз тахти Сулаймон хуштар» (Земля родины лучше трона Соломона); «Шахси беватан – булбули бечаман» (Человек без родины, что соловей без сада) Ҳифзи чон вочиб аст, ҳифзи Ватан аз он вочибтар (Защита жизни необходима, еще более необходима защита Родины).

Высокая духовность носителей русской и таджикской культурных традиций определяет выраженное на паремиологическом уровне предпочтение духовного богатства материальному. Как у русских, так и у таджиков стремление к духовному развитию обуславливает культивацию таких черт национального характера, как доброта, сердечность, гуманность. Эти черты выражены во многих русских и таджикских пословицах, и поговорках, которые мы проанализировали в предыдущих разделах диссертации.

Несмотря на то, что русские и таджики исповедуют разные религии, их религиозность признана глубинной чертой национального характера, обусловившей национальную специфику их культурно-исторического развития. Есть немало русских пословиц, осуждающих фарисейство некоторых священнослужителей, и таджикских пословиц, осуждающих аморальное и неподобающее поведение некоторых представителей религиозного сословия, например:

«Жить – Богу служить»; «Велико имя Господне на земле»; «Сильна Божья рука»; «Божья рука – владыка»; «Даст Бог день, даст Бог и пищу»; «Смелого ищи в тюрьме, глупого в полах»; Аввал Худо, охир Худо (Начало

принадлежит Богу, конец принадлежит Богу); Ёри танҳо – Парвардигор (Бог – друг одиноких); Ризки фарзандро Худо медихад (Бог обеспечивает пропитание ребенка); Гуфтаи муллоро куну кардаашро не (Делай то, что сказал мулла, и не делай того, что он сделал); Тавбафармоён чаро худ тавба камтар мекунанд? (Призывающие к покаянию, почему сами меньше каются?)

Из таджикских и русских пословиц и поговорок следует, что хороший человек в глазах русского и таджикского народа тот, кто воздерживается от греха. Образ грешного человека в таких пословицах не воспевается, напротив, восхваляется образ чистого человека, например:

«Без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь»; «Невольный грех живет на всех»; «В чем грех, в том и покаяние»; Гуноҳи як тан вайронии як шаҳр бувад (Грех одного человека разрушает целый город); Гунахро узр шӯяд, чомаро об (Покаяние очищает грех, вода очищает одежду).

Типичной чертой русского и таджикского национальных характеров выступает радушное отношение к гостям. И русский, и таджик всегда готовы встретить гостей щедрым подношением, даже если сами ведут скудный образ жизни. Радушие как черта национального характера иллюстрируется следующими русскими и таджикскими пословицами:

«Хоть не богат, а гостям рад»; «Коли есть что в печи, всё на стол мечи!»; «Гостю шей не жалеи, а погуще налей»; Мехмон атои Худост (Гость – дар Божий); «Мехмон бо ризки худаш меояд» (Гость приходит со своей пищей).

Исследуя особенности национального характера русского народа, нельзя не обратить внимание на территориально-климатические условия проживания данного этноса. С древних времен русский человек боролся с суровой родной природой, пытаясь взрастить большой урожай за ограниченный период пахотного сезона – всего пять месяцев в год. Сложность осуществления земледельческой работы в российских широтах определяет возникновение в национальном характере русского человека таких черт характера, как выносливость, нетерпимость к долгому и размерному труду. Подобную особенность русского национального характера иллюстрируют пословицы:

«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; «Кто рано встает, тому Бог подает»; «Глаза боятся, а руки делают»; «Кто не работает, тот не ест»; «Хочешь есть калачи – не сиди на печи»; «Русский медленно запрягает, но быстро едет».

Периодам активного, безостановочного труда противопоставлены периоды тотального безделья, наступающие после сбора урожая и продолжающиеся в зимние и первые весенние месяцы, что формируют типичную черту – пресловутую русскую лень: «Сидеть на печке, плевать в потолок», «Летний день за зимнюю неделю»; «Летом день год кормит».

Работа таджиков с древних времен также связана с земледелием (дехканством). Даже национальная зороастрийская религия таджиков считала земледелие священным делом, перед этой религией земля, пшеница и вода имели особый статус. Эти черты жизни таджиков запечатлены в их народных пословицах и поговорках: Чаҳонро хурраи аз деҳқон аст (Процветание мира – дело рук дехканина).

Одной из важнейших ценностей для русского и таджикского народов является хлеб, который в национальном самосознании этих народов неразрывно связан с жизнью. Подобная ассоциация возникла у русского и таджикского народов потому, что периоды тяготы и лишений чаще всего наступали после неурожайного сезона. Соответственно, в пословичном фонде русских и таджиков появляются следующие изречения:

«Хлеб всему голова»; «Горькая работа, зато сладок хлеб»; «Если хлеба ни куска, то и в тереме тоска»; «Покуда есть хлеб и вода, всё не беда»; «Пот на спине, так и хлеб на столе»; «У кого хлебушко, у того и счастье»; «Хлеб – кормилец»; «Хлеб на стол, и стол – престол»; «Хлебом люди не шутят»; Нонро хор макун, ки кӯр мешавӣ (Не пренебрегай хлебом – ослепнешь); Нон ҳам нон, нонреза ҳам нон (И хлеб есть хлеб, и хлебные крошки тоже хлеб).

Образ русского человека невозможно представить без такого важного свойства, как «безмерность душевного порыва», под которым понимается способность русских добиваться целей вопреки любым неблагоприятным

обстоятельствам и высокому риску. Эту особенность русского национального характера выражают поговорки «Всё или ничего!»; «авось» – «а – во – се», то есть «а вот так!»; «небось» – «не – бо – се», то есть «нет, не так!» или «как бы не так!».

Вопреки этому, в таджикских паремиях мы находим значения, призывающие людей к довольствию: «Бо дода каноат куну бо дод бизй» (Будь доволен тем, что у тебя есть, и следуй справедливости) – хорошее тому доказательство.

Основополагающими чертами русского национального характера также выступают этническая терпимость, отзывчивость, умение понимать другого человека. Появление подобной модели поведения связано с многонациональным составом России, где свое место нашли представители подчас противоположных по ментальности народов. Чтобы все прочие этносы смогли проживать в мире и согласии, русскому человеку, представителю государствообразующего народа, следует проявлять чуткость, толерантность по отношению к другому. Концепт русского человека как терпеливого и помнящего добро хозяина отражен в таких пословицах:

«Кто нас помнит, того и мы помянем»; «За добро добром платят»; «Худое дело обидеть соседа»; «Жить в соседях – быть в беседах»; «Близкий сосед лучше дальней родни»; «Межи да грани – ссоры да брани».

Отличительный характер таджикского народа, зафиксированный в пословицах и поговорках, заключается, прежде всего, в наблюдательности, вежливости, вдумчивости, благоразумии и мягкосердечности:

«Сухани нағз морро аз лонааш бурун орад» (Доброе слово выведет змею из гнезда); «Бузургон хӯрда бар хурдон нагиранд» (Благородные не придираются к простым); «Агарчи сухан зар аст, сукут гавҳар аст» (Хоть слово и есть золото, но молчание – жемчуг); «Дар авф лаззатест, ки дар интиқом нест» (В прощении есть удовольствие, которого нет в мести); «Дарахте, ки ҳаргиз нарӯяд, накор» (Не сажай дерево, которое никогда не вырастет).

Носители как русской, так и таджикской культурной традиции проявляют глубокую религиозность, что обусловлено сильным влиянием христианства и мусульманства на процесс становления личности. Концепт веры активно воспроизводится в паремиологическом фонде обоих языков, но это часто сопровождается указанием на необходимость проявления индивидуальной инициативы: С верой нигде не пропадешь; Что нам разумно, то Богу приятно; С Богом пойдешь — до блага дойдешь; Человек предполагает, а Бог располагает; Что Богу угодно, то и пригодно; Бог дал путь, а черт кинул крюк; Тот не унывает, кто на Бога уповает: Он чй Худо хост, хамон мешавад (Чего хочет Бог, то и произойдет); Ҳар он кас ки дандон дихад, нон дихад (Кто дает зуб, тот дает и хлеб); Чӯби Худо садо надорад, баъди задан даво надорад (Божья палка не звучит и после того, как бьёт, не лечится); Мусалмонӣ покизагист (Мусульманство и есть чистота).

Таким образом, следует заключить, что пословицы и поговорки русского и таджикского народов воссоздают обобщенный образ представителей русской и таджикской национальности с присущими им достоинствами и недостатками. При этом образ человека в обоих случаях оценивается через призму универсальных параметров, составляющих первооснову понятия национального характера.

Сопоставление русского и таджикского национальных характеров позволило выявить как сходные, так и различные черты. Русские и таджики выказывают одинаковое отношение к религиозной догме как к основополагающей, но не единственной модели мировосприятия: не менее значимыми для обеих народностей выступают представления, усвоенные через жизненную мудрость и практический опыт. Таким образом, коллективное сознание носителей национальной культуры интегрирует в себе не только опору на веру в Бога, но также благоприятное отношение к проявлению личной инициативы.

Национальные характеры русских и таджиков аналогичны друг другу по параметру отношения к деньгам. Противопоставляя в поговорках богатство и

бедность, носители русского и таджикского национального самосознания приходят к выводу о превосходстве духовного богатства над материальным.

Для более глубокого понимания сущности заявленной проблемы нами были проанализированы исследования, в которых изучалось отражение менталитета русских и таджиков в паремиях и фразеологиях. В данном контексте особого внимания заслуживает наиболее многочисленная группа паремий, отражающих личностные качества, составляющие образ человека как представителя конкретной национальности. Сформулированные в ходе многовекового развития идеалы образа человека репрезентируются и усваиваются народом через пословицы и поговорки.

В ходе исследования мы провели сравнительный анализ русских и таджикских пословиц, в результате чего был сделан вывод о сходстве в понимании жизни русских и таджиков, которую следует вести праведно, разумно, добросовестно. Вместе с тем универсальные понятия о мире в русских и таджикских пословицах и поговорках приобретают национально маркированную окраску. На уровне языка данная закономерность проявляется в виде наличия пословиц-эквивалентов, которые, однако, разнятся в деталях при попытке проведения дословного перевода.

Анализ таджикских пословиц показывает, что люди всегда восхваляют хорошие человеческие качества и критикуют плохие поступки. Таджики – гостеприимный, науколюбивый народ, верный национальным обычаям и обрядам, трудолюбивый. Уважение к родителям и взрослым очень важно. Они любят чистоту и искренность. При этом в русских пословицах иллюстрируется образ русского человека как радушного и щедрого хозяина, свободолубивой, вольной и одновременно терпеливой, смиренной личности, стремящейся скорее к духовному, нежели к материальному богатству.

2.4. Средства актуализации экспрессивной лексики в пословицах и поговорках русского и таджикского языков

Пословицы, часто считающиеся «традиционными элементами фольклора» в языке, обладают собственными родовыми, смысловыми и лингвистическими свойствами.

Существует общее мнение, что пословицы – это самый малочисленный фольклорный жанр, который опосредуется словесно. Однако их можно анализировать и как языковые единицы. Пословицы используются многопланово - в повседневной речи, лозунгах, литературе, публицистике и других формах общения. Используя пословицы в общении, мы стремимся укрепить наши аргументы, выразить общие идеи, постулировать обобщения относительно определенной идеи и передать сообщение. Таким образом, определение Дж. Обелковича о том, что «пословицы – это стратегии действий в повторяющихся ситуациях» [183, 235], подразумевает, что некоторые ситуации могут оказаться похожими или идентичными, и, следовательно, мы предполагаем, что они могут иметь сходные или идентичные языковые, смысловые и стилевые структуры. Тем не менее задача анализа пословиц разных языков, возникших в разное время, в разных регионах и культурах, иногда может показаться сложной. По этой причине мы основываем этот раздел диссертации на предположении, что в языках могут иметься пословицы со сходной структурой. Для достижения нашей цели и обоснования предложенной гипотезы проследим закономерности сходства и различия в таджикских и русских пословицах на основе грамматики, семантики и фонетики.

Языковой рамкой, в которой оперирует пословица, является предложение. Структура предложения фиксирована, и самая маленькая пословица состоит из двух элементов, как русская «Время летит» таджикский аналог «Вақт ғанимат» (Время дорого). Одним из наиболее заметных грамматических маркеров в пословицах является то, что они демонстрируют временную категорию, относящуюся к действию, которое может произойти в любое время. Настоящее время является наиболее часто употребляемым грамматическим временем. Это иллюстрируется следующими примерами

таджикских пословиц: «Бори кач ба манзил намерасад» «Умри дурӯғ - кутоҳ» (Жизнь лжи коротка); «Харбуза аз харбуза ранг мегирад» (Дыня получает свой цвет от дыни); «Офтобро ба доман пӯшида намешавад» (Юбкой не закроешь солнце); «Мард дар зери забонаш пинҳон аст» (Мужчина скрывается под своим языком); «Қадри озодиро асир медонад» (Пленник знает цену свободе); «Кам диҳаду ғам надиҳад» (Дай Бог поменьше и не дай печали). Это также можно заметить в русских пословицах: «Вода камень точит»; «На воре шапка горит»; «Плохая молва на крыльях летит» и. т.п.

Еще одной особенностью пословиц являются их традиционные корни. А именно, в некоторых пословицах встречаются архаизмы или архаичные конструкции. Также стоит отметить, что в таджикских пословицах редко встречаются архаичные слова, чего нельзя сказать о русском языке. В русском языке есть пословица, где архаичной формой слова является млат, что означает «молоток»: «Тяжёлый млат дробит стекло, куёт булат». Эта пословица о суровых обстоятельствах, в которых формируется характер человека, его лучшие качества. Вспомнив эту пословицу, говорящие дистанцируются от ответственности за такое утверждение и трансцендируют его к мудрости прошлого.

Огромное количество пословиц как в таджикском, так и в русском языке имеют безличный и нейтральный характер, что выражается обычно в форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола, как в «Как аукнется, так и откликнется», «Обжегшись на молоке, дует на воду»; «Танга барин яраро табақ барин мекунад» (Монетовидную рану представит, как рану размером с тарелкой).

В значительном количестве пословиц часто используется абстрактное подлежащее, что можно наблюдать, например, в пословице «Ҳақиқат кӯҳна намешавад» (Правда никогда не стареет) и в ее русской версии «Правда в огне не горит и в воде не тонет».

Пословицы в их наиболее обычной форме представляют собой утверждение, состоящее из двух или более компонентов, или элементов:

«Қадри неъмат, баъди неъмат» (Ценить блага после потери благ); «Номи баланд, беҳ аз боми баланд» (Высокое имя лучше высокой крыши); «Нонат бошад, хама дӯст» (Есть у тебя хлеб – все друзья); «Олими беамал, занбӯри беасал» (Бездействующий ученый – пчела без меда). Точно также об этом свидетельствуют и русские пословицы: «То густо, то пусто», «Век живи, век учись», «Говори меньше, умнее будешь», «Каков поп, таков и приход». Во всех этих пословицах делается вывод о том, что определенные ценности или действия являются более важными или полезными, чем другие. Кроме того, эти пословицы показывают, что часто мы осознаем ценность или важность чего-то только после того, как лишаемся этого или находимся в неблагоприятной ситуации.

Исходя из вышеуказанных пословиц можно сделать вывод, что семантическая структура данных пословиц состоит из описания ситуации и обобщения или вывода о ценностях или действиях.

Таким образом, семантические маркеры, которые мы хотим проанализировать, еще больше подчеркнут существование полисемии в пословицах, поскольку они являются приемами, которые часто встречаются в пословицах и используются для того, чтобы сделать их более яркими и запоминающимися.

Семантические маркеры пословиц состоят из стилистических приемов, таких как метафора, метонимия и персонификация, которые способствуют их риторической эффективности.

Учитывая это, одной из наиболее частых семантических особенностей пословиц является использование метафорических приемов. А.А.Тараненко определяет метафору как «семантический процесс, при котором форма языковой единицы или оформление языковой категории переносится с одного референта на другой на основе того или иного сходства последних в сознании говорящего» [139, с. 108]. Его цель – смещение значения предложения или пословицы с буквального на переносное.

Существует множество как таджикских, так и русских пословиц, носящих переносное значение: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь» и таджикский вариант пословицы с той же коннотацией: «Чӯчаро дар тирамоҳ мешуморанд» (Цыплят считают осенью). Очевидно, это относится не к фактическому подсчету цыплят до того, как наступает осень, а к тому, чтобы не строить никаких планов до тех пор, пока не будешь уверен, что они произойдут. Или если кто-то утверждает, что «Хлеб всему голова» в русском языке означает не то, что хлеб – это на самом деле посох жизни, а то, что он необходим для выживания. Сообщение, которое передают эти пословицы, следует интерпретировать образно. «Тилло ба хок наомезад» (Золото не смешивается с грязью) и русский аналог «Не всё то золото, что блестит» – одни из множества метафор.

На наш взгляд, правильный ответ на вопрос «почему многие пословицы метафоричны» таков: метафора делает пословицы более краткими, более конкретными и более косвенными. Важность этих особенностей пословиц объясняется В. Мидером: «Конкретность обеспечивает образность и краткость, которые облегчают запоминание пословиц, в то время как косвенность загадывает загадку, которая доставляет удовольствие тому, кто ее разгадывает» [181, с. 69].

Роман Якобсон утверждает, что метафора и метонимия – это два фундаментальных противоположных полюса передачи смысла. Соответственно, Лакофф и Джонсон утверждают, что они составляют основу нашего понимания в повседневном общении [83, с. 34]. По словам Т.В.Матвеевой, «метонимия – это использование одного слова вместо другого, а метафора – это использование слова в переносном значении. Метафорическое слово обычно используется вместо того, которое регулярно несет значение» [219, с. 157]. Далее она предполагает, что эти две фигуры речи изобилуют в литературе, но они также регулярно появляются в языке в рамках темы семантических изменений в лингвистике. «Аз касофатии як шум сӯзад

шахри Рум» (От подлости одного негодяя Рим сгорел) и русский вариант «От копеечной свечи Москва сгорела» являются иллюстрациями метонимии.

Другой частой особенностью пословиц является олицетворение. Эта фигура речи наделяет абстракции или неодушевленные предметы человеческими характеристиками и качествами. Этот оборот речи, в отличие от более сложной и изысканной метафоры, более подходящей для поэзии, чаще используется и в разговорной речи и фольклоре. Олицетворение можно встретить в большом проценте как таджикских, так и русских пословиц. Если учесть таджикскую пословицу «Мушк он аст, ки худ бибӯяд, на он, ки аттор бигӯяд» (Мускус должен пахнуть сам по себе, а не по словам парфюмера) и русскую «Дела говорят громче слов», то мы наблюдаем, что «Мускусу» и «действию» придается способность издавать запах и говорить, что являются человеческими качествами. «Аз қошу қавоқаш барфу борон меборад» (Снег и дождь падают с его бровей и век), анализируя данную пословицу можно сделать вывод, что она подчеркивает внутренний мир человека и его способность переживать и выражать свои эмоции. В то же время, эта пословица может указывать на то, что сильные эмоции и переживания могут быть как положительными, так и отрицательными. В целом пословица «Аз қошу қавоқаш барфу борон меборад» (Снег и дождь падают с его бровей и век) отражает глубокие эмоции и переживания человека, подчеркивая его способность проявлять и выражать свое внутреннее состояние. Пословица «У страха глаза велики» также является примером олицетворения страха. Этот литературный прием позволяет нам связать действия неодушевленных предметов с нашими чувствами

Еще одна важная характеристика, преобладающая в пословицах, - это использование звуковых приемов или ритмических особенностей. К ним относятся: рифма, аллитерация, ассонанс, повтор и т.д. С их помощью пословица становится более запоминающейся и понятной. В связи с тем, что фонические устройства вносят большой вклад в пословичное высказывание,

можно предположить, что они ответственны за всеобщую популярность пословиц во всем мире, независимо от времени, места, языка или культуры.

Повторение похожего или одного и того же звука не менее чем в двух словах можно найти в следующих пословицах: «Зоге бе доге нест» (Не бывает вороны без пятен); «Аз пеш чар, аз пас – табар» (Утес спереди, топор сзади); «Ба кӯх овози хуш дех, то хуш ояд» (Кричи приятным голосом на гору, чтобы и с горы раздался приятный голос), «Кихо кашанд чабру чафо, кихо кунанд кайфу сафо» (Кто страдал, а кто довольствовался), «На дузди бозору на шайхи мазор» (Ни базарный вор, ни шейх мазара). Эти примеры показывают, что рифма чаще встречается в последних слогах. Приведем примеры русских пословиц: «Велик телом, да мал делом»; «Дай с ноготок -- попросит с локоток»; «Знай толк, не бери в долг»; «Как нажито, так и прожито». В последнем случае рифма возникает в результате двух подчеркнутых слов, имеющих один и тот же аффикс. Точно так же повторение придает пословицам поэтический оттенок. Это в основном риторический прием, но он делает пословицы структурно лаконичными, выразительными в устной форме и выразительными в толковании: «Дорого да мило, дешево да гнило»; «И на старуху бывает проруха»; «Шаф-шаф нагуфта шафтолу гӯ» (Не ходи вокруг да около); «Бикун коре, ки кор аз кор хезад» (Работайте, потому что работа появляется из работы). Из последней пословицы видно, что она содержит и повтор, и рифму, так как повторение в пословицах иногда используется для создания рифмы. Повторение появляется в русских пословицах одинаково: «Век живи – век учись». Здесь также очевиден повтор однокоренных слов: «Никто не может, так бог поможет».

Согласно А.И. Николаеву, аллитерация – это «повторение определенного звука в первых слогах ряда слов или фраз в предложении» [110, с. 152]. Это видно из пословицы «Рука руку моет, вор вора кроет», где в одной пословице присутствует двойная аллитерация. В таджикских пословицах аллитерация тоже довольно часто встречается: «Сар раваду сир наравад» (Пусть голова потеряется, но не тайна); «Зӯрӣ макун, зорӣ макуну зар бифирист» (Не

заставляйте, не просите, а отправляйте деньги) и «Панч панча баробар нест» (Пять лап не равны).

Проявление сильного несходства между двумя сравниваемыми в пословице сущностями можно подчеркнуть, используя «контраст» или «антитезис». Это сопоставление противоположных идей или слов. Делая пословицу симметричной по структуре, этот прием можно также использовать для передачи сатиры и иронии. Вместе с тем это делает пословицу легко понятной. Например: «Охири ханда – гирия» (Конец смеха - плачь); «Шунидан кай бувад монанди дидан» (Слышать не то же самое, что видеть); «Кори шабу хандаи рӯз» (Ночная работа - дневной смех). Аналогично по-русски: «Говорить правду – потерять дружбу»; «На языке мёд, а на сердце - лёд».

Следует подчеркнуть, что большинство таджикских и русских пословиц и поговорок полисемантичны, поскольку наблюдается тенденция наличия не только буквального, но и переносного значения. Это делает их очень трудными для интерпретации, объяснения и сравнения. При выборе наилучшего русского эквивалента таджикской пословицы или поговорки следует руководствоваться таким критерием, как соответствие хотя бы в основном значении единицы. Существует большое количество пословиц и поговорок, которые легко переводятся на русский язык и могут рассматриваться как их полные эквиваленты. К ним относятся: «Харчи мумсик - дучанд» (Скупой расходует в два раза больше) или русский аналог «Скупой платит дважды». Другие пословицы нуждаются в пояснении, так как не имеют ничего общего с русскими вариантами. Например, таджикская пословица «Таваккал нар бувад андеша мода» обозначает «Риск – благородное дело». Однако буквальный перевод звучал бы иначе: Риск – дело мужское, а обдумывать - женское. Естественно, это предложение нелогично в русском языке, и русский человек из него не может извлечь никакого смысла.

Кроме того, даже если человек, не являющийся носителем языка, полностью понимает семантическое и грамматическое значение каждого слова в пословице, коннотация этой пословицы или поговорки может

показаться ему неясной и странной, как поясняет В.Н. Телия: «пословицы используют особенности конкретного языка и демонстрируют их таким образом, который может быть менее убедительным» [153, с. 23]. Это демонстрирует, что пословицы являются отражением культурных особенностей человека и не обязательно могут быть понятны другими.

Попытки перевести эти выражения слово в слово часто могут привести к очень странным значениям. Например, таджикская фраза «Тарбузи касеро аз бағал афтонидан» (дословно «Свалить чей-то арбуз из его объятия») соответствует русскому эквиваленту: «Подрезать кому-либо крылья». При подборе эквивалента к таджикским пословицам и поговоркам следует попытаться найти грамматическое и семантическое соответствие в обоих выражениях, например, соотнести знакомые части речи (существительные, глаголы, прилагательные): аз шарм сурх шудан - «краснеть от стыда» или искать похожие синтаксические конструкции: «Ҳар чӣ корӣ, ҳамон бидаравӣ» - «Что посеешь, то и пожнешь»; «Ҳар кас кунад, бо худ кунад» – «Кто разбил, тот и платит».

С учетом вышеизложенного можно прийти к выводу, что при сравнении русских и таджикских пословиц и поговорок можно разделить их на несколько групп. Первую группу составляют полные эквиваленты, т. е. когда таджикские пословицы и поговорки полностью соответствуют своим русским вариантам (например, «Мисли рӯз равшан» – «Ясно как день»; «Саломатӣ беҳ аз мол» - «Здоровье дороже денег»; «Тани солим – рӯҳи солим» - «В здоровом теле здоровый дух»);.

Вторую группу составляют частичные эквиваленты: когда таджикские пословицы и поговорки несколько отличаются по своему значению от русских (например, «Чароғ пеши офтоб бурдан» (Приведение лампы к солнцу) - «В лес дрова возить»; «Шакарро камаш хуб» (Сахар хорош в малой дозе) – «Хорошего понемножку»; «Ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранчад» (И разбогатеть и не обидеть друга) – «И волки сыты, и овцы целы»).

Третью группу составляют таджикские пословицы и поговорки, не имеющие соответствующих вариантов в русском языке и нуждающиеся в специальном поиске и объяснении (например, «Чӯби Худо садо надорад» (Божья палка не имеет звука) - «Бог долго ждет, да больно бьёт»; «Пеш аз пода чанг андохтан» (Поднять пыль перед стадом) - «Это бабушка надвое сказала»; «Барраи ду моморо гург хӯрдааст» (Волк съел ягненка двух бабушек) - «У одной овечки да семь пастухов»). Общей чертой в пословицах и поговорках обоих языков является использование ритмических (аллитерация и рифма), синтаксических (контраст и повтор) и семантических признаков (метафора, метонимия, олицетворение) пословиц.

Это сравнение особенностей пословиц в двух языках выявило сходства в значении и синтаксических особенностях. И это не случайно, таджикский и русский языки относятся к разным языковым группам, соответственно иранской и славянской, но при этом являются родственными, так как входят в индоевропейскую семью языков, поэтому их культурное наследие породило сходные и эквивалентные способы построения пословиц. Это подтверждает предположение о существовании аналогичных пословиц в таджикском и русском языках как результат общечеловеческого опыта и производных процессов коллективного культурно-исторического пути.

Как на уровне языковой структуры, так и на уровне семантической и смысловой структуры встречаются пословицы и поговорки, либо частично, либо полностью сходные, либо одинаковые в обоих языках. Эти сходства настолько очевидны, что в некоторых пословицах совпадают не только смысл и содержание, но и образность или использование метафор.

Выводы по второй главе

В этой главе мы пришли к выводу о том, что пословицы, как загадки, анекдоты или сказки, всегда придумываются человеком, намеренно или непреднамеренно. Наибольшее распространение получают те

паремиологические единицы, которые содержат элемент истины или мудрости, а также демонстрируют один или несколько маркеров поговорки (параллелизм, ритмизацию, рифму, аллитерацию, образность, многоточие и т.п.).

Также в этой главе мы уделили внимание истории и источникам происхождения пословиц и поговорок в русском и таджикском языках, а также подробно рассмотрели четыре основных источника происхождения пословиц в русском языке (пословицы и поговорки, пришедшие с греческого и латинского языков; Библия и другие религиозные тексты; 3) средневековые латинские паремии; 4) новые современные пословицы и поговорки). Относительно происхождения паремий в таджикском языке было отмечено, что фольклор иранских народов, религиозная литература Ислама, персидско-таджикская литература и влияние языка, культуры, обычаев и литературы других народов являются основным источником их происхождения.

Также в этой главе мы выделили ряд таджикских и русских пословиц и поговорок на основе их тематической антинимии и проанализировали, и выявили национальные и общие особенности языковой картины мира в рассматриваемых языках, применив метод лингвокультурологического анализа.

Наконец, сравнительный анализ таджикских и русских пословиц и поговорок на основе грамматических и семантических маркеров позволил разделить их на три группы.

Первую группу составляют паремии, которые имеют полноценные эквиваленты в сопоставительном языке, т.е., когда таджикские пословицы и поговорки полностью соответствуют своим русским вариантам;

вторую группу составляют пословицы, имеющие частичный аналог в другом языке: сюда относятся пословицы и поговорки, частично отличающиеся от своих аналогов в другом языке по структуре, стилю и содержанию;

третью группу составляют пословицы и поговорки, не имеющие соответствующих вариантов в сопоставляемом языке и нуждающиеся в специальном поиске и объяснении.

Эта ситуация позволяет вывести следующую гипотезу: если структура, стиль и выражение паремии одного языка аналогичны или идентичны структуре, стилю и выражению паремий другого языка, то существует вероятность того, что носители обоих языков могут правильно воспринимать и интерпретировать пословицы и поговорки друг друга.

В следующей главе диссертации эта гипотеза проверяется на основе лингвистического эксперимента с привлечением носителей таджикского и русского языков.

ГЛАВА III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК РЕСПОНДЕНТАМИ

В главе анализируются данные лингвистического эксперимента, проведенного в феврале-марте 2022 года среди русскоязычных и таджикоязычных студентов вузов Республики Таджикистан. Полученные результаты характеризуют уровень понимания и восприятия таджикских пословиц русскоязычными респондентами и русских пословиц таджикоязычными респондентами. Цель эксперимента - определить, понятны ли пословицы одного языка, отражающие национальную языковую картину мира, тем, кто имеет другую национальную языковую картину мира. Толкуют ли они значение пословиц так же, как и носители этих пословиц? В связи с этим задачей исследования является определение восприятия и понимания таджикской паремийной картины мира русскоязычными респондентами и русской паремийной картины мира таджикоязычными респондентами.

3.1. Анкетирование как метод изучения паремиологического фонда языка

Языковая модель в лингвистике – это «всякое достаточно правильное, т.е. удовлетворяющее определенным требованиям к адекватности описание языка» [178, с. 44]. Верификация построенных языковых моделей осуществляется посредством проведения лингвистического эксперимента, основными задачами которого выступают определение эвристической ценности модели и, впоследствии, гносеологической ценности всей теории. Для осуществления лингвистического эксперимента исследователь воссоздает управляемые и контролируемые условия, позволяющие объективно и адекватно описать специфику изучаемых языковых явлений. Экспериментальные методы исследования языка, являясь компонентами эмпирического уровня познания, расширяют и дополняют теоретические лингвистические методы.

Особенностью лингвистики как области научного знания выступает работа с письменными и устными текстами. Однако взаимодействие с текстологической базой относится к методу лингвистического наблюдения, а не лингвистического эксперимента. Соответственно, текст не может рассматриваться в качестве объекта экспериментального метода. Здесь необходимо отметить, что объектом лингвистического эксперимента всегда является человек – носитель языка, порождающий и воспринимающий тексты. В зависимости от характера изучаемого языкового явления исследователь может проводить интроспективные и объективные лингвистические эксперименты, где объектом выступает либо сам лингвист, либо другой носитель языка соответственно.

Проблема внедрения экспериментальных методов в лингвистику впервые была рассмотрена Л.В. Щербой в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». «Исследователь, - писал Л. В. Щерба, - тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но,

построив из фактов этого материала некоторую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует попробовать, можно ли связать ряд разнообразных форм, применяя это правило» [180, с. 30].

Лингвистический эксперимент может быть охарактеризован через те же параметры, что и экспериментальный метод вообще. Главной целью эксперимента является подтверждение или опровержение гипотезы, для чего исследователь воспроизводит последовательность взаимозависимых этапов: постановка общей задачи; выдвижение рабочей гипотезы; формулирование предварительных выводов; внесение изменений; выдвижение новых гипотез. Если эксперимент предполагает участие сторонних лиц, то объективность полученного результата устанавливается исходя из степени ознакомления респондентов с целевой установкой экспериментатора.

В ходе лингвистического исследования применяются различные вариации экспериментального метода: моделирующий эксперимент (социолингвистический метод, где выдвигается несколько гипотез и отбираются варьируемые социальные параметры); натурный эксперимент (для изучения характеристик, проявляющихся в естественной среде); имитационный эксперимент (воспроизводятся усеченные условия реальности). В зависимости от количества испытуемых эксперименты разделяются на индивидуальные, групповые и многоуровневые.

В современной лингвистике широкое распространение получил ассоциативный эксперимент, нацеленный на психолингвистический анализ семантики, а также иные методы изучения языковых явлений – методика дополнения, методика прямого толкования слов, методика определения грамматической направленности, метод семантического дифференциала и др.

Для решения теоретических и практических задач лингвистического

исследования нередко используется сопоставительный эксперимент. Несмотря на отсутствие четкого единообразного определения термина «сопоставление», указанный экспериментальный метод получил определенное признание и развитие в языкознании. Вместе с тем вопросы установления значимости сопоставительного метода для лингвистики, область и полезность его применения остаются не до конца изученными, что обуславливает интерес к данной теме.

Формирование сопоставительного метода как способа изучения языков начиналось в контексте сравнительно-исторического языкознания. В современной лингвистике сопоставительный эксперимент представляет собой эмпирический метод, где главным объектом изучения выступают живые языки с учетом особенностей динамики и статики их функционирования. Метод сопоставления базируется на синхронии, ориентирован на выявление как отличительных, так и общих черт.

Одним из действенных и эффективных методов сопоставительного языкознания, особенно в области исследования языкового сознания народов, является лингвистический эксперимент в виде анкетирования. Анкетирование важно тем, что оно может фактически поддержать исследование, проведенное на теоретическом уровне, с результатами, полученными с её помощью.

В первых двух главах диссертации, после анализа и рассмотрения национальной языковой картины мира как отражения менталитета и культуры народов, а также сравнительного изучения русских и таджикских пословиц и поговорок по отдельным темам, мы пришли к следующим результатам:

1. Несмотря на то, что все представители одного народа не смотрят на мир одними глазами, они не смотрят на мир с одной позиции, но каждая культура и, как следствие, национальный менталитет и мировоззрение находят свое отражение в национальном языке в уникальной и узнаваемой форме.

2. Определённый слой языка содержит в себе всю информацию о национальной специфике, об образе жизни, истории народа, условиях его

быта, общих традициях или обычаях какой-либо социальной группы и многом другом. Именно к такому слою можно отнести пословицы и поговорки.

3. Исходя из того, что некоторые жизненные ситуации могут оказаться похожими или идентичными, мы предполагаем, что паремии двух или группы народов могут иметь сходные или идентичные языковые, семантические и стилистические структуры.

Такой взгляд на пословицы и поговорки автоматически наводит на другую гипотезу: если языковая структура, значение и стиль пословиц и поговорок двух языков в какой-то степени сходны или идентичны, то не исключено, что носители этих языков могут правильно понимать и истолковывать пословицы и поговорки другого языка.

Для проверки этой гипотезы в качестве эксперимента можно использовать метод анкетирования. С помощью этого эксперимента мы определим, насколько русский и таджикский народы понимают пословицы друг друга и насколько они могут правильно их объяснить.

3.2. Методика проведения анкетирования

Методика проведения лингвистического эксперимента требует определенную процедуру проведения лингвистического эксперимента, состоящую из нескольких этапов. На первом этапе при заполнении анкет (Приложение I. Анкета 1., Саволномаи 2.) предлагается указать личные данные: учитываются критерии, согласно которым можно получить дополнительную информацию об участниках, количестве испытуемых, их возрасте, социальном положении и т.д. Данная информация об участниках эксперимента необходима с целью получения дополнительной информации, позволяющей рассмотреть восприятие паремий в социальном, возрастном и других аспектах.

В эксперименте принимают участие испытуемые или респонденты, которые не являются носителями языка, они помогают экспериментатору

сделать срез языкового сознания участников эксперимента с целью научного анализа и интерпретации полученного материала.

В эксперименте участвуют испытуемые или респонденты, не являющиеся носителями языка, с которого пословицы переводились на родной язык опрашиваемых. Иными словами, для русскоязычных были предложены русские переводы таджикских пословиц, а для таджикоязычных – таджикские переводы русских пословиц. Такой подход позволяет понять, насколько пословица одного языка понятна носителям другого языка и насколько они правильно ее понимают и как воспринимают ее содержание для себя.

В феврале-марте 2022 года проводился лингвистический эксперимент среди представителей русскоязычной и таджикоязычной студенческой молодежи Республики Таджикистан, в котором приняли участие около 230 человек в возрасте от 17 до 26 лет. Выбор данной возрастной категории можно обосновать тем, что человек в этом возрасте считается полностью сформированной языковой личностью, владеющей ресурсами национального языка в полной мере. Местом проведения лингвистического эксперимента были выбраны следующие вузы в столице страны – городе Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет (далее РТСУ); Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе (далее Филиал МГУ в г. Душанбе), Таджикский Национальный университет (далее ТНУ).

Участниками эксперимента стали студенты 1-4 курсов, а также магистранты 1 и 2 года обучения факультета истории и международных отношений по специальности «Международные отношения», факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий по специальности «Филология» (русский язык и литература) РТСУ; гуманитарного факультета по специальности «Государственное и муниципальное управление» и «Лингвистика» Филиала МГУ в г. Душанбе; факультета языков Азии и Европы по специальности «Востоковедение» (Лингвистическое обеспечение

межкультурных отношений), филологического факультета по специальности «Филология», «Журналистика» ТНУ.

Испытуемые из числа студентов в возрасте от 17 до 26 лет трех вузов республики условно составили 2 группы:

- носители таджикской культуры, владеющие родным таджикским языком; для данной группы испытуемых русские пословицы были переведены на таджикский язык.

- носители русской культуры, для которых русский язык является родным;

Анкетирование проводилось в три этапа. На первом этапе работы были подготовлены и составлены анкеты, определены характеристики участников эксперимента, которые могли оказать влияние на рассмотрение его результатов. На втором этапе работы был проведен лингвистический эксперимент. Третий этап работы – обработка и анализ полученных данных и их когнитивная интерпретация.

Анкетирование проводилось на русском и таджикском языках в группах с русским и таджикским языком обучения, в связи с этим были составлены анкеты на обоих языках.

В первой части анкеты помещается «паспорт» анкеты, содержащий данные о национальности, родном языке, возрасте и специальности реципиентов, которую участники должны заполнить. Во втором разделе анкеты представлены пять пословиц, и участников просят прочитать их и написать свои ответы на вопросы анкеты. В третьем разделе анкеты участников просят кратко указать значение приведенных пословиц. Этот раздел анкеты позволяет найти ответ на главный вопрос - понятны ли пословицы реципиентам или нет. В четвертой части анкеты участникам предлагается написать пословицы или поговорки своего народа, которые могут быть аналогами данных пословиц (Приложения №1; 2).

Нами были выбраны пять пословиц из числа русских и таджикских паремий и перевели их дословно на сопоставляемый язык. Следует отметить, что при выборе пословицы мы обращали внимание на три момента:

1. Пословица должна иметь не только прямое значение, но и переносное значение наряду с прямым значением, или иметь только переносное значение.

2. Пословица должна быть полностью похожа на пословицы изучаемого языка по языковой структуре, выражению и стилю.

3. Пословица на другом языке имеет по крайней мере один аналог, который используется в живом языке.

В результате из фонда русских пословиц были отобраны следующие пословицы:

1. Около речки колодец не копают.
2. Без мороза воды не замерзнет.
3. Волк коню не товарищ.
4. Рыбак рыбака видит издалека.
5. Не все то золото, что блестит.

Эти пословицы были переведены на таджикский язык следующим образом:

1. Дар назди дарё чоҳи об намеқананд.
2. Сармо набошад, об ях намекунад.
3. Гург ёри асп нест.
4. Моҳидор моҳидорро аз дур мебинад.
5. Ҳар чизи чилодор тилло нест.

Из фонда таджикских пословиц были отобраны следующие пословицы:

1. Як гап 365 паҳлу дорад.
2. Оби рафта ба чӯй барнамегардад.
3. Наққош нақши сонӣ беҳтар кашад аз аввал.
4. То шамол нашавад, шохи дарахт намечунбанд.
5. Кори ҳар буз нест хирман кӯфтан.

Эти пословицы были переведены на русский язык следующим образом:

1. Каждое слово имеет триста шестьдесят пять граней.
2. Утекшая вода не возвращается в ручей.
3. Художник второй рисунок рисует лучше первого.
4. Листья не шевелятся без ветров.
5. Молотьба – дело не каждой козы.

Мы включили эти пословицы в анкету и попросили носителей русского и таджикского языков:

1. В коротком предложении объяснить значение пословиц;
2. Написать пословицы и поговорки их родного языка, выражающие содержание этих пословиц.

Таким образом, результаты свободного лингвистического эксперимента могут рассматриваться как отражение национально, социально и культурно значимых представлений, стоящих за данными паремиями в сознании современных носителей языка.

3.3. Результаты анкетирования

По первому вопросу участникам эксперимента было разъяснено, что, если одна из пословиц им непонятна, следует оставить соответствующий номер пустым. И по второму вопросу, если они не нашли аналога пословицы на родном языке, соответствующий номер следует оставить незаполненным.

Естественно, что на первый вопрос, т.е. поясняющий смысл пословицы, ответы участников эксперимента сильно отличаются друг от друга многими характеристиками. Однако эти различия можно классифицировать по содержанию. Например, многие участники второй анкеты (62 реципиента) при ответе на первый вопрос, связанный с пословицей «Около речки колодец не копают», трактовали ее содержание следующим образом (в дословном переводе): «ввязываться в бесполезную работу» (7); «бесполезная работа» (7); «заниматься бесполезной работой» (5); «делать ненужную работу» (5); «делать бессмысленную работу» (5); «не занимайся бесполезной работой» (4); «делать

то, что не приносит прибыли» (4); «делать то, что не нужно» (3); «заниматься ненужной работой» (3); «заниматься бессмысленную работу» (3); «делать то, что не имеет смысла» (2); «пустая трата времени» (2); «не делай ничего бесполезного» (2); «Содержание пословицы объясняет работу растраты» (1); «не делай лишней работы» (1); «не трать зря время» (1); «не делай того, что не надо» (1) и тому подобное. Понятно, что все эти объяснения участников можно объединить в одну фразу – «напрасная работа». Одиночные и безаналоговые толкования, которые все без исключения отошли от смысла пословицы, группировались в группу «Другой смысл».

В случае с пословицами, которые участники должны были представить, как аналоги заданных пословиц, представленных в анкете, наблюдалась следующая закономерность: часто одна и та же пословица представлялась отдельными участниками в разных вариантах. Например, таджикская пословица «Ҷар дурахшанда зар нест», которую 8 участников второго опроса назвали аналогом русской пословицы «Не все то, что блестит - золото», следующим образом: «Все, что блестит, не золото» (2); «Не все то золото, что блестит» (5); «Не все то золото, что блестит» (1). В данном случае исследователь выбрал общеупотребительную форму пословицы и представил в результате эксперимента, что не умаляет достоверности эксперимента.

3.3.1. Уровень понимания и восприятия русских пословиц таджикоязычными участниками

В эксперименте на понимание и восприятие русских пословиц носителями таджикского языка приняли участие 127 реципиентов. Следует сказать, что среди таджикоязычных участников были и те, кто хорошо знает русский язык. Поэтому такие участники, наряду с чтением перевода русских пословиц, сразу находили его первоначальную форму, в результате чего становился эффективным уровень понимания и восприятия и правильного

толкования. Теперь перейдем непосредственно к анализу анкет, чтобы посмотреть на результаты эксперимента.

На вопрос о толковании пословицы «Около речки колодец не копают», которую перевели на таджикский язык как «Дар назди дарё чохи об намекананд», ответы участников были следующими: заниматься бесполезным трудом (62); мучить себя в пустую (26); бесполезно тратить время (15); другие значения (13); респонденту непонятно (11).

Как видно, большинство участников (62 реципиента) совершенно правильно поняли смысл пословицы. 26 реципиентов истолковали эту пословицу как «мучить себя в пустую», что может в определенной степени объяснить смысл приведенной выше пословицы, потому что делать что-то напрасно – это то же самое, что мучить себя в пустую.

Что касается этой пословицы, то нас удивило, что 15 участников истолковали ее как «трату времени впустую». Хотя эта пословица не имеет отношения ко времени, но на самом деле, с одной стороны, заниматься бесполезным делом – это тоже трата времени впустую. По этой причине мы включили эти два последних ответа респондентов в категорию «частично правильная трактовка».

13 опрошенных дали другие значения, не относящиеся к пословице, то есть неправильно ее поняли. Для 11 из них эта пословица была непонятна.

Результаты ответов таджикоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия этой пословицы представлены в Приложении I (Рисунок № 1. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Около речки колодец не копают» таджикоязычными респондентами).

Таджикскими аналогами этой русской пословицы, по мнению опрошенных, были следующие пословицы:

«Чашма пеши дарё овардан» (Принести источник к реке) (20); «Ба гӯши хар азон гуфтан» (Говорить азан ослу) (17); «Чароғ пеши офтоб бурдан» (Нести светильник к солнцу) (14); «Ба чойи салла калла овардан» (Вместо

чалмы принести голову) (13); «Об бо ресмон бастан» («Связать воду веревкой») (11); «Зӯри беҳуда миён мешиканад» (Напрасные усилия поясницу сломают) (8); «Фил ба Ҳиндустон бурдан» (Перевезти слона в Индию) (6); «Вақт ғанимат аст» (Время - дорого) (3); «Ҷони нодон дар азоб» (Душа невежды в муках) (3); другие пословицы (12); не имеет аналога (20).

Среди всех пословиц, которые были представлены как русскоязычным, так и таджикоязычным, эта русская пословица вызвала наибольшую реакцию при написании их аналога. Как видно, всего в качестве аналогов была представлена 21 пословица, из которых 12 были представлены только один раз. Таджикские пословицы, специфический смысл которых - заниматься бесполезной или праздной работой «Чашма пеши дарё овардан»; «Ба гӯши хар азон гуфтан»; «Чароғ пеши офтоб бурдан»; «Об бо ресмон бастан»; «Фил ба Ҳиндустон бурдан»), представлено в общей сложности 68 респондентами. Интересно, что очень близки к этому смыслу и другие пословицы, каждую из которых рассказали не менее двух респондентов. То есть в целом большинство респондентов не только правильно поняли смысл русской пословицы, но и правильно нашли ее таджикский аналог.

Второй русской пословицей в анкете для носителей таджикского языка является пословица «Без мороза вода не замерзнет», что переводится как «Сармо набошад, об ях намекунад». Среди всех приведенных пословиц рекордное количество респондентов (109 реципиентов) полностью правильно объяснили ее значение. Только 8 реципиентов истолковали ее совершенно неправильно, еще 10 реципиентам смысл этой пословицы был совершенно не ясен.

Результаты ответов таджикоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №2. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Без мороза воды не замерзнет» таджикоязычными респондентами).

Что касается таджикских аналогов этой пословицы, то 97 респондентов привели таджикскую пословицу «То шамол нашавад, шохи дарахт намечунбад» (Листья не шевелятся без ветра). Четыре других реципиента написали предложение «Ничего не происходит без причины» в качестве аналогии. Однако ни в одном из таджикских словарей пословиц и поговорок — это предложение не указано как пословица. Но, с другой стороны, это предложение полностью объясняет смысл русской пословицы. 36 опрошенных не смогли найти таджикский аналог данной русской пословицы.

Третья пословица анкеты № 2 – русская пословица «Волк коню не товарищ», что переводится на таджикском как «Гург ёри асп нест». 90 опрошенных указали что, эта пословица о подходящем друге, 8 о том, что у каждого реципиента свое место в обществе, 24 реципиента истолковали ее по-разному. Для 5 опрошенных эта пословица осталась непонятной.

Результаты ответов таджикоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №3. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Волк коню не товарищ» таджикоязычными респондентами).

Что касается таджикского аналога этой пословицы, то были получены следующие результаты: 48 реципиентов указали «Кунад ҳамчинс бо ҳамчинс парвоз» (Птицы летают со своей мастью) как аналог, 31 реципиентов «Кабӯтар бо кабӯтар, боз бо боз» (Голуби с голубями летят, гуси с гусями). Интересно то, что оба предложения, которые и в правду употребляются по отдельности как пословицы, на самом деле части одного бейта, и их полная форма звучит так:

Кунад ҳамчинс бо ҳамчинс парвоз,

Кабӯтар бо кабӯтар, боз бо боз.

(Птицы летают со своей мастью,

Голуби с голубями, гуси с гусями.)

По этой причине 10 респондентов привели полную форму этого стиха как пословицу. Эта ситуация интересна с той точки зрения, что данная таджикская

пословица употребляется в народе по-разному. Однако ясно, что идея у всех, кто цитировал эту поговорку целиком или частично, одна и та же. Итак, в итоге 89 реципиентов указали эту поговорку и еще 14 реципиентов указали поговорку «В конце концов, волк останется волком» как аналог русской поговорки. Хотя эта поговорка совершенно отличается от русской поговорки по содержанию и смыслу, по нашему мнению, использование образа волка в обоих случаях привело респондентов к выводу, что эти две поговорки должны быть аналогичны друг другу.

7 реципиентов назвали другие поговорки в качестве аналогов. 17 реципиентов считают, что эта русская поговорка не имеет таджикского аналога.

Четвертая поговорка анкеты №2 – «Рыбак рыбака видит издали», которую перевели на таджикский язык как «Моҳидор моҳидорро аз дур мешиносад». 52 респондента считают, что эта поговорка говорит о том, что каждый быстро узнает себе подобное; 43 реципиента считают, что плохой человек знает плохого человека; 7 реципиентов неправильно истолковали поговорку, для 25 реципиентов эта поговорка была непонятна.

Необычная ситуация сложилась с пониманием этой русской поговорки таджиками. Хотя в русском языке эта поговорка иногда иронически употребляется о сотрудничестве двух людей в плохих намерениях, но в целом эта поговорка о «родственной душе»: то есть два похожих человека быстро находят друг друга. Однако 43 таджикских респондента трактовали эту поговорку негативно, имея в виду, что два плохих человека быстро узнают друг друга. Мы полагаем, что эта поговорка не имеет 100% аналога в таджикском языке, однако есть таджикская поговорка «Дуздр дуздур дар шаби торик мешиносад» (Вор в темную ночь узнает вора), которая по языковой структуре, стилю и выражению близка к русской поговорке. И эту поговорку в качестве аналога русской указали 79 респондентов. Может быть, поэтому часть респондентов восприняла ее негативно.

Результаты ответов таджикоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №4. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Рыбак рыбака видит издалека» таджикоязычными респондентами).

Наряду с пословицей «Вор узнает вора в темную ночь», которую 79 реципиентов назвали ее аналогом, пословица «Бадкарда бадгумон» (Кто зло творить, тот и подозревает других в злодеянии) указана 20 реципиентам. 3 реципиента привели не имеющие ничего общего с данной пословицей аналогии, для 25 реципиентов эта пословица была непонятна.

Пятая пословица анкеты №2 – «Не все то, что блестит – золото», что переводится на таджикский язык следующим образом: *Ҳар чизи ҷилодор тилло нест*.

78 респондентов считают, что эта пословица о том, что внешность человека не имеет значения. 33 реципиента высказали мнение, что эта пословица учит нас тому, что мы узнаем человека только по его поведению. 5 других интерпретировали ее по-другому. 9 реципиентов не поняли пословицу.

Результаты ответов таджикоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №5. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Не все то золото, что блестит» таджикоязычными респондентами).

Замечательно и то, что 85 реципиентов процитировали строку из стиха Мавлана Руми «Не каждый мужчина с верблюдом – Увайс Карани», ставшую в последнее время популярной среди таджикского народа как пословица, как аналог приведённой русской пословицы. Еще 8 реципиентов упомянули пословицу «*Ҳар дурахшанда зар нест*» (Все, что блестит, не золото). Два других показали неуместные пословицы. 32 реципиентов не смогли найти таджикский аналог этой пословицы.

Результаты этого эксперимента обобщены в разделе «Выводы III главы».

3.3.2. Уровень понимания и восприятия таджикских пословиц русскоязычными участниками

В эксперименте о понимании и восприятии таджикских пословиц русскоязычными респондентами приняли участие 103 респондента. Надо сказать, что при отборе участников мы старались не допускать к участию тех, кто хорошо понимает таджикский язык. Все 103 человека, заполнившие анкету № 1, указали свою национальность как русский и родной язык как русский.

Первой представленной участникам таджикской пословицей была «Каждое слово имеет 32 стороны» («Як гап 32 паҳлу дорад»).

Участники объяснили и интерпретировали эту пословицу следующим образом: сказанное слово имеет несколько значений (70); слово может одновременно быть и хорошим, и плохим (16); другие значения (11); непонятно респондентам (6).

Как видно, только 6 опрошенных не поняли смысла пословицы, что, если подсчитать в процентах, охватывает менее 6 процентов участников эксперимента.

Результаты ответов русскоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №6. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Як гап 365 паҳлу дорад» русскоязычными респондентами).

В качестве аналогов приведенной выше таджикской пословицы русскоязычные приводят следующие русские пословицы: «Думай дважды, говори раз» (17); «Сперва подумай, а там и нам скажи» (22); «Слово пуще стрелы разит» (25); «От слова спасение, от слова и погибель» (19); Другая (8); Не имеет аналога (12).

Вторая пословица этой анкеты – «Утекшая вода не возвращается в ручей» (Оби рафта ба чӯй барнамегардад). Участники объяснили эту пословицу

следующим образом: прошлое не изменить (58); время не возвращается (25); надо думать, прежде чем что-то делать (12); другое значение (2); непонятно (6).

Результаты ответов русскоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №7. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Оби рафта ба чӯй барнамегардад» русскоязычными респондентами).

Опрошенные русскоязычные респонденты считают, что в качестве аналогов приведенной выше таджикской пословицы можно привести следующие русские пословицы: «Вчерашнего дня не воротись» (29); «Передумкой прошлого не воротись» (29); «Десять раз отмерь, один раз отрежь» (13); «Сначала задумай, потом сделай» (17); Другая (2); Не имеет аналога (13).

Что касается третьей таджикской пословицы «Художник второй рисунок рисует лучше первого» (Наққош нақши сонӣ беҳтар кашад аз аввал), респонденты считают, что эта пословица говорит о важности повторения, чтобы чему-то научиться (35); всему можно научиться (39); и тяжелый труд гарантирует успех (24). Так как данная пословица носителями таджикского языка тоже интерпретируется, как и в первой, так и во второй трактовке, приведёнными респондентами, то в данном случае 74 респондента правильно истолковали пословицу. 5 респондентов объяснили пословицу совершенно неправильно. Интересно, что эта пословица не была не понятна ни одному из респондентов.

Результаты ответов русскоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №8. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Наққош нақши сонӣ беҳтар кашад аз аввал» русскоязычными респондентами).

Что касается русских аналогов этой таджикской пословицы, то респонденты привели следующие примеры: “Век живи – век учись” (24); “Повторенье – мать ученья” (61); “Какие труды, такие и плоды” (8); “Терпенье дает уменье” (2); не имеет аналога (8).

Четвертая пословица этой анкеты – «Листья не шевелятся без ветра» (То шамол нашавад, барги дарахт намечунбад). Интересно, что все 103 респондента объяснили и истолковали эту пословицу совершенно правильно, то есть все респонденты думают, что эта пословица о том, что ничего не происходит без причины. Интересно и то, что 75 респондентов написали известную русскую пословицу «Всею своя причина» при трактовке таджикской пословицы.

Результаты ответов русскоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №9. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «То шамол нашавад, барги дарахт намечунбад» русскоязычными респондентами).

По второму вопросу анкеты, то есть указать русский аналог таджикской пословицы, все 103 респондента написали пословицу «Всею свое время».

Пятой пословицей анкеты №1 была «Молотьба – дело не каждой козы» («Кори ҳар буз нест хирман кӯфтан»). Толкование этой пословицы респондентами таково: у каждого своего предназначения (41); не все могут выполнять некоторые работы (24); каждый должен знать свое место (20); другие значения (9); непонятна респонденту (9).

Относительно этой пословицы следует сказать, что она фактически используется в нескольких контекстах. Вот почему мы считаем, как первое, так и второе и третье объяснения совершенно правильными.

Результаты ответов русскоязычных респондентов относительно уровня понимания и восприятия данной пословицы представлены в Приложении I (Рисунок №10. Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода

таджикской пословицы «Кори ҳар буз нест хирман кӯфтан» русскоязычными респондентами).

Что касается аналогов этой пословицы, то респонденты придерживаются следующего мнения: “У всякого свое умение” (38); “Не за своё дело не берись” (37); “Не в свои сани не садись” (13); “Знай сверчок свой шесток” (6); не имеет аналога (9).

В целом результат этого эксперимента вполне ясен, но его выводы мы представим в конце этой главы данной диссертации.

3.4. Сравнительный анализ результатов эксперимента

Полученные результаты эксперимента позволяют сделать вывод, что в целом большинство носителей как русского, так и таджикского языков понимали пословицы друг друга, правильно их интерпретировали и приводили соответствующие аналогии из паремиологического фонда своего языка.

Общие количественные данные правильных и частично правильных трактовок таджикских пословиц русскоязычными респондентами представлены в Приложении II (Таблица № 1. Статистический анализ результатов лингвистического эксперимента понятия и восприятия таджикских пословиц русскоязычными респондентами).

Как следует из данных таблицы, ни в одном случае процент правильных ответов не был меньше 80 процентов, а более 90 процентов русскоязычных респондентов частично или полностью правильно поняли и истолковали перевод таджикских пословиц. Только около 10 процентов русскоязычных респондентов не понимали таджикских пословиц.

Общие количественные данные правильных и частично правильных аналогов таджикских пословиц, приведённых русскоязычными респондентами представлены в Приложении II (Таблица № 2. Количество

правильных и частично правильных аналогов таджикских пословиц, приведённых русскоязычными респондентами).

Из данных вышеупомянутой таблицы следует, что для каждой из четырех таджикских пословиц русскоязычные респонденты нашли по 4 русских аналога, и только в одном случае все 103 участника указали одну и ту же русскую пословицу в качестве таджикского аналога. Также интересно, что в трех случаях некорректных аналогов вообще нет. Общее количество русских пословиц, приведенных русскоязычными в качестве аналогов таджикских пословиц, составляет 31, из них 17 пословиц составляют правильные аналоги и 14 неправильные.

Общие количественные данные правильных и частично правильных трактовок русских пословиц таджикоязычными респондентами представлены в Приложении II (Таблица № 3. Статистический анализ результатов лингвистического эксперимента понятия и восприятия русских пословиц таджикоязычными респондентами).

Данные таблицы показывают, что, хотя процент правильного или частично правильного понимания таджикоязычными респондентами из перевода русских пословиц составляет более 80 процентов, он на 10 процентов меньше, чем результат русскоязычных респондентов.

А теперь посмотрим, сколько таджикских аналогов русским пословицам удалось привести таджикоязычным респондентам. Общие количественные данные правильных и частично правильных аналогов русских пословиц, приведённых таджикоязычными респондентами представлены в Приложении II (Таблица № 4. Количество правильных и частично правильных аналогов русских пословиц, приведённых таджикоязычными респондентами).

Исходя из содержания таблицы, можно констатировать, что таджикоязычные респонденты, в отличие от русскоязычных, только в одном случае привели больше аналогов и, наоборот, в других случаях у них меньше аналогов. Общее количество таджикских пословиц, цитируемых носителями

таджикского языка в качестве аналогов русских пословиц, составляет 33, из них 11 пословиц являются правильными аналогами, а 22 неправильными.

Если сравнить эти два результата, наблюдается следующая картина:

1. 90 процентов русскоязычных правильно поняли русский перевод таджикских пословиц и смогли дать им частично или полностью правильную трактовку. Из количества таджикоязычных респондентов правильно поняли и объяснили русские пословицы лишь 81% (чуть меньше русскоязычной группы реципиентов).

2. Количество пословиц, приведенных таджиками в качестве аналогов, составляет 33, по сравнению с аналогами, приведенными русскоязычными, которых 31. Однако из этого числа только 11 пословиц, данных носителями таджикского языка, можно считать правильными или частично правильными аналогами. С другой стороны, только около 30 процентов носителей таджикского языка смогли дать правильные таджикские аналоги русским пословицам. В то время как 17 из 31 пословицы, приведенных русскоязычными, являются правильными аналогами, только 14 из них являются неправильными. То есть русскоязычные респонденты смогли правильно определить аналоги более чем в 54 процентах случаев.

3. Из этого можно сделать вывод, что русскоязычные имеют хорошие результаты как в понимании и правильном объяснении таджикских пословиц, так и в приведении правильных аналогий к таджикским пословицам.

Выводы по третьей главе

В целом наша гипотеза дала положительный результат. То есть в большинстве случаев носители одного языка могут правильно понимать пословицы и поговорки носителей других языков, а также приводить их аналоги из паремиологического фонда родного языка. То есть, если языковая структура, значение и стиль пословиц и поговорок двух языков в какой-то

степени сходны или идентичны, то носители этих языков могут правильно понимать и истолковать пословицы и поговорки другого языка.

Мы увидели, что более 80 процентов таджикоязычных и более 90 процентов русскоязычных правильно поняли и истолковали пословицы друг друга. Мы не хотим обсуждать здесь причины такой разницы в результатах, поскольку, во-первых, эти результаты и так подтверждают правильность нашей гипотезы, а во-вторых, этот момент должен стать предметом отдельного исследования.

При рассмотрении результатов эксперимента было замечено, что если пословица имеет известный и распространенный и живой аналог, оба из которых имеют одинаковую языковую, стилистическую и экспрессивную структуру, то количество правильных ответов участников увеличивается, и наоборот, количество ошибочных ответов уменьшается. Это утверждение можно подтвердить на примерах «Не все то, что блестит - золото» в анкете №2 и «Листья не шевелятся без ветра» в анкете №1. Так как живые аналоги этих пословиц есть в таджикском и русском языках и люди ежедневно используют их в своей речи, то ответы респондентов относительно этих двух пословиц были максимально правильными.

Результаты нашего эксперимента показывают, что, несмотря на то, что паремии максимально отражают и своеобразно истолковывают установки национальной картины мира, некоторые общие языковые, культурные и бытовые условия позволяют носителям одного языка правильно понимать и воспринять пословицы и поговорки другого языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению вопроса отражения языкового сознания таджикского и русского народа в пословицах и поговорках.

Анализ теоретического наследия по проблематике исследования привел к выяснению сущности взаимосвязи языка и культуры, определения понятия оценки и ценности, выявления разницы между пословицами и поговорками, а также определения их статуса в области фразеологии. В результате исследования установлено, что в лингвокультурологии проблема взаимосвязи языка и культуры исследуется в связи с понятием картины мира (КМ), считающейся совокупностью знаний об окружающей среде, зафиксированных в языке. Данная диссертационная работа, основанная на лингвокультурологических методах и семантическом анализе, может быть резюмирована в следующих пунктах:

1. Охватывая как вербальные, так и невербальные средства выражения, фоновые знания и культурные концепты, фиксируемые в ментальном и языковом поле этноса, национальная картина мира обязательно включает специфические стереотипы и наставления, представления и ассоциации о себе и других языковых сообществах. В то же время, в этническую картину мира также входят основные ценностные ориентации этноса, которые на уровне культуры и языка выражаются в основных концептах определенной лингвокультуры.

2. Паремийному фонду свойственны системность, структурированность, целостность и связность, а также определенная динамика развития. Обратив внимание на анализ первой главы диссертации, можно сделать вывод, что, пословицы и поговорки – это, а) ключевые единицы паремиологии; б) микротексты, в лаконичной форме которых заложена народная мудрость. Посреди главных релевантных признаков паремийной структурной единицы можно выделить следующие: 1) логическая завершенность; 2) устойчивость содержания и значения; 3) лаконичность формы; 4) легкое запоминание и

воспроизводимость; 5) семантика сохранения и репрезентации традиций, обычаев, этноопыта, этнокультуры, быта, жизненной и профессиональной деятельности того или иного народа и т.д.

3. Русские и таджикские пословицы и поговорки ярко отражают национальную картину мира, но на смысловом и дидактическом уровне можно обнаружить много общих для обоих народов морально-нравственных ценностей, которые заложены в паремиологическом фонде обоих языков. Эти ценности, которые, по сути, следует назвать общечеловеческими ценностями, обеспечивают аналогию пословиц и поговорок двух языков независимо от стиля выражения и языкового строя.

4. Поскольку цель нашего исследования требовала, с одной стороны определения степени отражения национальной картины мира паремиями в русском и таджикском языках, а с другой стороны, сравнения их семантико-когнитивной структуры для достижения достоверных результатов было необходимо проанализировать пословицы и поговорки определенной тематики. В качестве тематических групп были выбраны следующие: «Добро-Зло», «Ум-Глупость», «Труд-Безделье», «Дружба-Вражда», «Образ человека в паремиях». Такая тематическая группировка позволила определить семантические группы, сформированные в соответствии с характером антиномических и аксиологических компонентов паремий в сопоставляемых языках, а также степень отражения языковой и национальной картин мира обоих народов. Однако применительно к сравнительному анализу семантических и грамматических маркеров, где нет необходимости приводить смысловые аналоги паремий, мы не сужали их спектр тематически, а использовали преимущественно пословицы и поговорки, не вошедшие в предыдущие разделы. Такой подход позволил проанализировать и обсудить большее количество паремий и более детально решить задачи исследования.

5. Русские пословицы на тему «Добро-Зло» более выразительны, чем их таджикские аналоги. Они включают в себя разговорные слова, часто архаичные, используют уменьшительно-ласкательные суффиксы, в них

больше повторений и звуков, которые служат для улучшения их значения и помогают их запоминанию. Также широко используются сравнительные и контрастные конструкции, синтаксический параллелизм. В целом они близки к фольклору. Большинство таджикских пословиц афористичны по своей структуре и дидактической направленности, имеют более нейтральную лексику. Это показывает, что в таджикских пословицах выражено философское мышление человека, в отличие от русских пословиц, в которых виден образ мышления человека из народной, крестьянской среды. В этом плане таджикские пословицы отражают совсем другие черты: строгость и в то же время некоторое увлечение философией, сочетающееся с закрытостью и отсутствием мечтательности, приверженностью эффекту бумеранга.

6. Бинарная оппозиция «Ум - Глупость» обнаруживают высокую степень репрезентации в паремическом фонде русского и таджикского языков. В таджикских пословицах видно, что образ мудрого и невежественного человека анализируется серьезно, иногда философски. Большинство таджикских пословиц имеют смысл, что мудрость или глупость человека можно увидеть по тому, как он говорит. В то же время русские пословицы имеют больше иронических аспектов, в них глупость описывается как неосознанные «промахи» повседневной жизни людей. Что касается ума и умных людей в обществе, то оба народа в своих пословицах относятся к ним с уважением.

7. В таджикских и русских пословицах и поговорках на тему труда нашли отражение как обычаи и культура, так и материальные и духовные ценности этих двух народов. В русских и таджикских паремиях подчеркивается не только уважение чужого труда и его признание общественной ценностью, но и подчеркивается очень простой и в то же время совершенно правильный тезис о том, что без труда невозможен успех и прогресс в жизни. При всем этом отношение русских и таджиков к труду различно, что зависит прежде всего от их национального менталитета. Таджики считают непрерывный и стабильный труд частью жизни человека, но в русских пословицах и поговорках большее значение придается материальным благам труда. Русские паремии указывают

на то, что русский человек избегает тяжелого труда. Но при этом, праздность и лень неприемлемы у обоих народов.

8. Сопоставление русских и таджикских пословиц о дружбе и вражде приводит к выводу, что дружба признается базовым и безусловно положительным явлением многосторонних общественных отношений для обоих этих народов. Друг, родство, помощь, поддержка, искренность в отношениях и доверие, равнодушие, надежность являются паремиологическими компонентами общего пласта семантических понятий обоих языков. Пословицы и поговорки о дружбе репрезентируют нравственные и социальные ценности обоих народов. Поскольку дружба – явление универсальное, многие русские и таджикские паремии имеют соответствующие эквиваленты. Конечно, среди таких пословиц есть и паремии, специфически отражающие национальные особенности отношения к явлению дружбы и вражды.

9. Мы пришли к выводу, что образ человека в языковой картине мира отдельных народов напрямую зависит от мировоззрения и менталитета этого же народа, который берет начало в их культуре, обычаях и традициях. Одной из самых отличительных черт таджикского народа, которая отражена во многих пословицах и поговорках, является особое внимание к уважению родителей и взрослых в целом. Двойственность характера русского человека, согласно которому главным и глубинным качеством русского человека является, с одной стороны, его свободолюбие и стремление к независимости (любовь к «воле»), а с другой стороны, его терпение и смирение в жизненных невзгодах, ярко отражены в пословицах и поговорках русского языка. Как на примере неприятия известной таджикской пословицы «Сари хамро шамшер намебурад» (Склоненную голову меч не разрубит) современными носителями языка, мы увидели, что с изменением менталитета и социальных условий паремии могут утратить свою актуальность.

10. Сопоставительный анализ таджикских и русских паремий на уровне грамматических и семантических маркеров привел нас к выводу о том,

что помимо общности смысла и содержания, что усматривается в наличии общечеловеческих ценностей в поговорках, пословицы и поговорки этих двух народов имеют общие черты и сходства на уровне языковых, стилистических и экспрессивных структур. Эти грамматические (наличие общей категории времени, архаизмов, безличность и нейтральность паремий) и семантические (стилистические приёмы, такие как метафоричность, метонимия и олицетворение, полисемантность паремий) сходства и идентичности оказывают большую помощь в правильном нахождении аналогий. Учитывая эту ситуацию, мы предложили гипотезу, согласно которой носители двух и более языков могут правильно понимать и интерпретировать пословицы друг друга, если пословицы и поговорки этих языков сходны и идентичны по структуре, стилю и выражению.

11. На основе лингвистического эксперимента, проведенного автором диссертации между таджикоязычными и русскоязычными респондентами, была доказана вышеизложенная гипотеза.

Результаты эксперимента показывают, что более 80 процентов таджикоязычных и более 90 процентов русскоязычных респондентов не только правильно поняли и истолковали пословицы друг друга, но и смогли найти правильный аналог заданной пословицы из паремиологического фонда родного языка.

Также из результатов эксперимента следует, что когда пословица или поговорка из одного языка имеет известный, распространенный и живой аналог в сопоставляемом языке и если эти аналоги имеют одинаковую языковую, стилистическую и экспрессивную структуру, то увеличивается процент правильного понимания и восприятия и, наоборот, снижается возможность их неправильного истолкования.

Принимая во внимание результаты этого эксперимента, можно сказать, что несмотря на то, что языковая картина мира народов отличается друг от друга и что в пословицах и поговорках в большей степени отражаются национальные представления и мысли, но некоторые общие языковые,

культурные и бытовые условия позволяют носителям одного языка понимать пословицы и поговорки другого языка.

Следует сказать, что вопрос сопоставительного исследования национальной языковой картины мира на основе паремий важен не только для языкознания, но и может оказать большую помощь в некоторых областях культурологии, этнологии, психолингвистики, социологии. Также относительно молодой возраст этой области языкознания предполагает, что в будущем появятся новые теории, способные быть эффективными в решении существующих проблем лингвокультурологии. Учитывая эти моменты, автор надеется продолжить работу в этом направлении в будущем и вернуться к проблемам, поднятым в данной диссертации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллозода, Р. Зарбулмасал ва мақолҳо дар асарҳои С. Айни / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1958. – 102 с.
2. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологическое исследование фразеологической системы таджикского и английского языков: дис... д-ра филол. наук: 10.02.20 / М.Н. Азимова – Душанбе, 2006. – 242 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
4. Алефиренко, Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
5. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
6. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. – М., 1957. – 250 с.
7. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян / Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской

- культуры», 1995. – Т.2. – С. 272-298.
8. Аристотель. Поэтика. Риторика / под. ред. К. Красник. – СПб: Азбука, 2015. – 320 с.
 9. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 316 с.
 10. Асрорӣ, В.М. Адабиёт ва фолклор. Қ.1.: кит. таълимӣ / Муҳаррир С.Ш. Табаров. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 279 с.
 11. Баринаова, И.А., Нестерова Н.М., Овчинникова И.Г. Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина С.10-21
 12. Базарова, Л.В. К вопросу о соотношении языка и культуры / Л. В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 72-76.
 13. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
 14. Бегматова, С. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикӣ-англисӣ-русӣ / С. Бегматова. – Хучанд: Набӣ Фаҳрӣ, 2016. – 420 с.
 15. Бойматова, Д. М. Таҳлили муқоисавии воҳидҳои фразеологии тоҷикӣ ва фаронсавӣ (дар намунаи асл ва тарҷумаи романи «Духтари оташ»-и Чалол Иқромӣ ва повести «Бегона»-и Албер Камю. – автореф. дисс. доктора философии (PhD): 0205011 / Д. М. Бойматова. – Душанбе, 2019. – 163 с.
 16. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
 17. Босова, Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения / Л. М. Босова // Ползуновский альманах. – 1999. - №1. – с. 24 – 29.
 18. Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. д-ра филол. Наук / Т.Г. Бочина. – Казань, 2003. – 24 с.

19. Браташова, Э. В. Чэньюй – один из видов фразеологии / Э. В. Браташова // Филология. Международный научный журнал. – 2016. – № 2 (2). – С. 25–26.
20. Брутян, Г. Язык и картина мира / Г. Брутян // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
21. Ваганова, Е. Г. Эволюция представлений о языковой картине мира / Е.Г. Ваганова // Вестник НГУЭУ. – 2012. - №3. – с. 295–306.
22. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсбергер; пер. с нем. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 232 с.
23. Вальтер, Х. Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.: Издат дом “Нева”, 2005. – 576 с.
24. Вежбицкая, А. Прототипы и инварианты. / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201–230.
25. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
26. Верещагин, Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Верещагин Е.М., В.Г. Костомаров. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
27. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
28. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Успедгиз, 1947. – 783 с.
29. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С.40–162
30. Воловик, В. М. Етнокультурні ландшафти: регіональні структури і природокористування / В.М. Воловик. – Вінниця: ТОВ «Вінницька міська

друкарня», 2013. – 464 с.

31. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии. / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – № 3. – С. 79–95.
32. Гурочкина, А.Г. Этнокультура и языковое сознание / Гурочкина А.Г. //Филология и культура: материалы III Междунар. научн. конф. (16-18 мая 2001), Ч.3. – Тамбов, 2001. - С.117-128.
33. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
34. Гварджаладзе, И. С. 500 английских пословиц и поговорок / И. С. Гварджаладзе, А. Л. Гильбертона, Т. Г. Кочинашвили. – М., 1960. – 32 с.
35. Гермогенова, И. Н. Трансформация древнерусских переводных изречений в пословицы и поговорки. Дисс. Кан. Фил. Наук. 10.02.01 / И. Н. Гермогенова. – СПб, 2007. – 174 с.
36. Головкин, Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия / Ж. С. Головкин. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2008. - №5 (12). – с. 173–179.
37. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковых картин мира: монография, 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Логос, 2004. – 284 с.
38. Гордеева, Н. В., Кузнецова С. В., Шепелева Е. В. Источники происхождения пословиц в английском и немецком языках // Наука без границ. – М., 2019. – №7 (35). – с. 97-101
39. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт / пер. с нем.; под ред. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
40. Гумбольдт, В. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: «Прогресс», 1984. – 400 с.
41. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.:

- Прогресс, 1985. – 448 с.
42. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. – М., 2003. – 253 с.
 43. Даниленко, Л.И. Чешская паремиология в генетическом, лингвокогнитивном и дискурсивном освещении: монография. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2019. – 440 с.
 44. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
 45. Дерига, Е.С. Картина мира: проблема многообразия видов / Е. С. Дерига // Сборник научных трудов НГТУ. – 2006. – № 1(43). – С. 159-164.
 46. Джелалова, Л.А. Структура и семантика паремий тематической группы «Человек»: дисс... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Джелилова. – Ульяновск, 2013. – 315 с.
 47. Добровольский, Д. О. Типология идиом / Д. О. Добровольский // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – с. 58–76.
 48. Дуденко, Е.В. Номинативная и коммуникативная природа украинских паремий: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01/ Дуденко Елена Владимировна. – Киев, 2002. – 20 с.
 49. Емельянова, Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание//Инновационная наука №10/2015. – С.155-158.
 50. Залевская, А.А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) / ред.: Л.И. Гришаева, М.К. Попова. Воронеж: ВГУ, 2003. – с. 41–47.
 51. Зализняк, А.А. Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира» / А. А. Зализняк // Русская лингвистика. – М., 2013. - № 37(1). – с.5-20.
 52. Зыкова, И.В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурного изучения / И.В. Зыкова. – М.: URSS, 2015. – 376 с.

53. Зыкова, И.В. Креативность концептуальных моделей фразеологической образности: системный аспект / И.В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3(036). – С. 76–85.
54. Зыкова, И.В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое / И.В. Зыкова. М.: Либроком, 2011. – 368 с.
55. Зыкова, И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. / И.В. Зыкова. – М.: Институт языкознания РАН, 2014. – 510 с.
56. Зыкова, И.В. Фразеологическая креативность как отражение варьирования в интерпретации мира представителями англоязычной и русскоязычной культур / И.В. Зыкова // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XIX. – С. 441–445
57. Зыкова, И.В., Красных В.В. Вероника Николаевна Телия НЕуходящая натура / И.В. Зыкова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – 388 с.
58. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб.: изд. СПбГУ, 2006. – 280 с.
59. Иванова, С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм / С. В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
60. Игболов, О. Ш. Лексико-семантический анализ особенностей пословиц и поговорок в таджикском и английском языках: дисс. кан. фил. наук: 10.01.02. / О. Ш. Игболов. – Душанбе, 2017. – 166 с.
61. Имомзода, М. М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков: дисс. кан. фил. наук: 10.01.02. – Душанбе, 2017. – 192 с.
62. Калашникова, Л.В. Введение в языкознание: курс лекций / Л.В. Калашникова. – Орёл: Изд-во Орёл ГАУ, 2010. – 272с.

63. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы в аналогии с русскими (Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ ва аналогияи русии онҳо / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.
64. Карасик, В. И. Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – т. 1. – 352 с.
65. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
66. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / В. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 360 с.
67. Караулов, Ю.Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 1997. – С. 671-672.
68. Каримова, Н. И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира: дисс. док. фил. наук: 10.02.20 / Н. И. Каримова – Душанбе, 2019. – 451 с.
69. Кацюба, З.Г. Рефлексия бытового сознания в разноязычном проверяющем пространстве (от универсального до национального) / З. Г. Кацюба. – Львов: Издательский дом «Укрпол», 2010. – 472 с.
70. Кацюба, Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л. Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – Урал, 2013. – № 1. (10). – с. 65–67.
71. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
72. Кобрина, О. А. Модульные коммуникативные категории и их реализация в современном английском языке / О. А. Кобрина // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сборник научных трудов в честь Е. С. Кубряковой. – М., 2009. – с. 319-333.
73. Кокаре, Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках / Э.Я. Кокаре. – Рига: Зинатне, 1978. – 265 с.
74. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб., 2004. – 240 с.
75. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В.

- Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
76. Константинова, А. А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» [Электронный ресурс] / А. А. Константинова. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kognitivno-diskursivnye-funktsii-poslovits-i-pogovorokv-raznyh-tipah-diskursa-na-angliyskom-yaz>
77. Космеда, Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: засоби вираження категорії оцінки в українській та російській мовах: автореф. дис. ...доктора філологічних наук: 10.02.01, 10.02.02 / Т.А. Космеда. – Харків, 2001. – 20 с.
78. Котова, Е. Г., Савельева Е. Б. К вопросу о первоисточниках английской пословицы “All that glitters is not gold” / Е.Г. Котова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. №11-2 (77). С 92-96.
79. Красных, В. В. Основы психолінгвістики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.- 270 с.
80. Красных, В.В. Этнопсихолінгвістика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
81. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б. А. Серебrenников. – М.: Наука, 1988. С. 141–172
82. Кунин, А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря [Текст]: автореф. дис. док-а фил. наук / А.В. Кунин. – М., 1964. - 48 с.
83. Лакофф, ДЖ., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
84. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии / Б.А. Ларин // Учен. зап. Ленингр. ун-та. –

- Ленинград. Серия филологическая, 1956. – № 198. – Вып. 24. – С. 200–225.
85. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс /пер. с фр.; под ред. В. В. Иванова – М.: Эксмо-Пресс, 1995. – 399 с.
86. Лисиченко, Л.А. Людина і мовна картина світу / Л. А. Лисиченко // Ритми сучасної філології: до 50-річчя професора Т.А. Космеди. – Львів: ПАІС, 2007. – с. 69–74.
87. Лихачев, Д.С. Заметки о русском слове / Д.С. Лихачев // Новый мир, 1980. – №1. – С. 21–24.
88. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России, Общество любителей российской словесности; под общ. ред. В.П. Нерознака. –М.: Academic 1997. – С. 280–287.
89. Лихачев, Д.С. Культура как целостная система / Д.С. Лихачев // Новый мир, 1994. – № 8. – С. 15–18.
90. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Прогресс, 1992. – 272 с.
91. Лотман, Ю.М. Культура и информация / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю.М. Семиосфера. – СПб: Искусство, 2000. – С. 393-459.
92. Лурье, С. В поисках русского национального характера / С. Лурье // Отечественные записки. – 2002. - №3. – с. 59-72.
93. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: автореф. дисс... д-ра филол. наук: 10.02.08 / Х. Маджидов. - Душанбе, 1998. - 48 с.
94. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: Владос, 1996. – 416 с. 1.2.1.257
95. Малкова, А.С. О структуре тезауруса пословиц / А. С. Малкова // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Труды Международной конференции «Диалог 2012». – Бекасово, 2012. – с.

404–418.

96. Мартыненко, Н. Г. Эмоционально-оценочная картина мира говорящего коллектива / Н.Г. Мартыненко // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2007. – № 2. – Т. 4.– С. 68-70.
97. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с. 69.
98. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб.пособие для вузов / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с. 70
99. Маслова, В.А. Современная лингвистика о лексических значениях глагольных приставок / В.А. Маслова // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. – Куйбышев, 1979. – Т. 288. – С. 71–80.
100. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: Монография / М.В. Милованова. – Волгоград: Волгог. научное издательство, 2007. – 408 с.
101. Мирзоев, А. дар бораи зарбулмасалҳо // Шарки сурх. – 1940. - №2-3. – с.64 – 65.
102. Мирзоев, А. Зарбулмасалҳои тоҷикӣ. Шӯъбаи адабиёти бадеӣ: кит. таълимӣ / А. Мирзоев. - Сталинобод: Нашр. дав. Тоҷикистон, 1940. - 376 с.
103. Мирзоев, А. Зарбулмасалҳои тоҷикӣ / А. Мирзоев. – Сталинобод, 1949. – 47 с.
104. Мокиенко, В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки / В.М. Мокиенко // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Материалы Междунар. конференции ЮНЕСКО, 28 мая – 1 июня 1979. – Киев, 1982. – С. 364–369.
105. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
106. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.:

Азбука-классика. 2005. – 257 с.

107. Муродов, Ф. Вариантнокии зарбулмасал ва мақолҳои халқии тоҷикӣ / Ф. Муродов . – Душанбе: Фурӯғи дониш, 2001. – 112 с.
108. Никитин, М.В. Об отражении картины мира в языке / М. В. Никитин // Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб: Тригон, 1999. – С. 6-12.
109. Никитина, Н.С. Устная народная культура и языковое сознание / Н.С. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
110. Николаев, А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей / А. И. Николаев. – Иваново: ЛИСТОС, 2011. – С. 147–152.
111. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике / Л.А.Новиков – М., Высшая школа, 1973, – 290 с.
112. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С.И. Ожегов // Лексикографический сборник. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – Вып. II. – С. 31–53.
113. Островська, О. М. Лінгвостилістичні засоби вербалізації категорії оцінки (на матеріалі американської художньої прози): автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. / О. М. Островська – Львів, 2001. – 20 с.
114. Пашина, А. В. Концепт «человек» в сказках И. М. Ермакова: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Пашина. – Тюмень, 2006. – 24 с.
115. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
116. Пермяков, Г. Л. Грамматика пословичной мудрости / Г.Л. Пермяков // Пословицы и поговорки народов Востока. – М., Наука, 1979. – С. 7–28.
117. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти

- В.Я. Проппа. – М., 1975. – с. 247–274.
118. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише / Г.Л. Пермяков. – М.: «Наука», 1970. – 240 с.
119. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований. / М. В. Пименова // Антология концептов / под ред. В. И.Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
120. Пирогов, В.Л. Структура и семантика паремийных единиц японского, английского, украинского и русского языков: типологический и лингвокультурологический аспекты: дис... канд. фил. наук: 10.02.17/ Пирогов Владимир Леонидович. – Киев, 2003. – 230 с.
121. Погребняк, А. К. Оценочный компонент в значении устойчивых выражений с субъектом БОГ (на материале русских паремий) / А. К. Погребняк // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2009. – № 2 (6). – С. 59–64.
122. Подюков, И.А. Семиотический аспект текста паремии// Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. – М., 1999. – С. 77-78.
123. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. С. 8–69.
124. Потбня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потбня – М.: Директ-Медиа, 2012. 395 с.
125. Приходько, А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивнодискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.
126. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2010. – 328с.
127. Рамазанова, А.Н. Побудительный потенциал английских пословиц: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Н. Рамазанова. – Уфа, 2005. – 301 с.
128. Рождественский, Ю. В. Введение в общую филологию / Ю. В. Рождественский. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.

129. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд: Издво СамГУ, 1973. – 223 с.
130. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 239 с.
131. Савченко, О.О. Этнокультурный компонент в семантике названий элементов рельефа (на материале паремий украинского и английского языков): дис. канд. фил. наук: 10.02.17/ Савченко Оксана Орестовна.– Дрогобыч, 2020. – 200 с.
132. Садохин, А. П., Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
133. Саидходжаева, М. Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц таджикского и русского языков (на материале русского перевода романа Рахима Джалила «Шураб»): дис. кан. фил. наук: 10.01.02 / М.Н. Саидходжаева. – Худжанд, 2019. – 160 с.
134. Селиванова, Е.А. Современная лингвистика: терминологическая энциклопедия. – Полтава: Окружающая среда-К, 2006. – 716 с.
135. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О.О. Селіванова. – Київ: Брама, 2004. – 276 с.
136. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. д-ра. филол. наук: 10.02.01/ Семененко Наталья Николаевна. – Белгород, 2011. – 46 с.
137. Сепир, Э. Язык, раса, культура / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; под ред. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993. – С. 185-195.
138. Спиркин, А.Г. Философия: Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. — 736.
139. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. –

- М.: Наука, 1988. – 215с.
140. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 249 с.
141. Сираева, Р.Т. Национальная картина мира как система национального мировидения / Р.Т. Сираева // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015010457> (дата обращения: 06.08.2022).
142. Соколовская, Ж.П. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики» / Ж.П. Соколовская. – Симферополь: Таврия, 1993. - 232 с.
143. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Ю.П. Солодуб. - Москва, 1985. - 406 с. + Прил. (210 с.).
144. Солодухо, Э.М. Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности: (Метод. руководство для преподавателей и студентов) / Э. М. Солодухо. – Казань, 1982. - 40 с.;
145. Стернин, И.А. Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. Вып.4. – Воронеж: Истоки, 2002. - С.4-14.
146. Сулейманова, Я.О. Аксиологическая семантика паремий с компонентами на обозначение природных стихий: вода, огонь, воздух и земля (на материале английского, немецкого, украинского и русского языков): дис... канд. филол. наук: 10.02.15 / Сулейманова Янина Олеговна. – Николаев, 2018. – 288 с.
147. Тараненко, А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах (Основные семантические процессы) / А.А. Тараненко. - М.: Наука, 1989. - 256 с.
148. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц /

- В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
149. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. - М.: Наука, 1988. – С. 173–203.
150. Телия, В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В.Н. Телия // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 102– 104.
151. Телия, В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / В.Н. Телия // С любовью к языку: Сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.– Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 89–97.
152. Телия, В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Мат-лы II-й международн. конф. В 3 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – Ч. 3. – С. 14–15.
153. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 346 с.
154. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры / В.Н.Телия. – М., 1999. – 333 с.
155. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
156. Тер–Минасова, С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С.Г. Тер–Минасова // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология, 2003. – № 5. – с. 23–25.
157. Тер–Минасова, С.Г. Слова, слова, слова. Язык, культура, межкультурная коммуникация / С.Г. Тер–Минасова // Мир русск. слова, № 2. – 2000. – с. 74.
158. Тилавов, Б. К вопросу о классификации таджикских пословиц и поговорок / Б. Тилавов // Научная конференция по иранской филологии / Тез. докл. - Ленинград, 1962. – С. 37-38.

159. Тилавов, Б. О роли литературы в развитии таджикских пословиц и поговорок / Б. Тилавов. – Душанбе, 1971. – №16. – С. 557-561.
160. Тилавов, Б. Омилҳои инкишофи зарбулмасалҳо / Б. Тилавов // Садои Шарк, 1967. – №8. – С. 125-134.
161. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок: учеб. пособие / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1967. - 122 с.
162. Тилавов, Б. Современный пословичный репертуар таджикского народа / Б. Тилавов. – Душанбе, 1974. – 473 с.
163. Тилавов, Б. Современный пословичный репертуар таджикского народа / Б. Тилавов. – Душанбе: [б. и.], 1974. – 473 с.
164. Тимошенко, И. Е. Лит. первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок / И.Е. Тимошенко. – Киев: Типография Петра Барского, 1897. – 170 с.
165. Турбина, О.А. Языковое сознание и картина мира / О.А. Турбина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Тюмень, 1997. - 348 с.
166. Турсунов, Ф. М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков): автореф. дис. кан. фил. наук: 10.01.02. / Ф.М. Турсунов – Душанбе, 2016. – 47 с.
167. Турсунов, Ф.М. Лексико-семантический анализ пословиц и поговорок в таджикском и русском языках (на материале произведений Ф. Мухаммадиева): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Турсунов Фаёзджон Мелибоевич; науч. рук. Г. Джураев. – Душанбе, 1999. – 158 с.
168. Ушакова, Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 13-23.
169. Усмонзода, Ш. Национальный менталитет в зеркале идиоматики (на материале английских и таджикских паремий): дисс. доктора философии (PhD): 0205011 / Ш. Усмонзода. – Душанбе, 2021. – 198 с.

170. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. – М., 1962. – 288 с.
171. Федоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. [Текст] / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. К. А. Тимофеев. – Новосибирск: Наука, 1973. – 171 с.
172. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 41-63.
173. Хаймс, Д.Х. Этнография речи / Д. Х. Хаймс // Новое в лингвистике. – Вып. 7, Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 42-95.
174. Хисомов, К. Взаимосвязь таджикских устных и письменных пословиц / К. Хисомов. – Душанбе: Академия Наук Тадж. ССР. Институт языка и литературы им. А. Рудаки, 1978. – 162 с.
175. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. – М., 2004. – 184 с.
176. Хроленко, А.Т. Заметки о фольклорной семантике (Синтаксис, семантика, морфемика) / А.Т. Хроленко // Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Меж-вуз. сб. – Калининград, 1982. – С. 128– 135.
2.2
177. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. – М.: Высш. шк., 1970. – 199 с.;
178. Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. 301 с.
179. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб., 1996. – 192с.
180. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 24-39.
181. Юнг, К. Г. Психология бессознательного. – М.: АСТ, 2001. – 400 с.
182. Якобсон, Р. Язык бессознательного / Р. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 254 с.

183. Яковлев, А. А. «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий//Психолингвистика. Вестник НСУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2018. – № 16. – С. 57-69.
184. Doyle, C.C. Observations on the diachronic study of proverbs / C. C. Doyle // Proverbium. - 2001. - Vol. 18. - p. 57-75.
185. Dundes, A. Paremiological pet peeves / A. Dundes // Folklore in 2000. Voces amicorum Guilhelmo Voigtsexagenario. - Budapest: Universitas Scientiarum de Rolando Eötvös nominata - 2000. - p. 291-299.
186. Hofstede, Geert H. Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and its importance for Survival (by Geert, Hofstede, Gert Jan Hofstede and Michael Minkov. 3rd ed. N.Y: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.
187. Jackson, A. The dynamics of proverbial sayings: discover the connections within / A. Jackson. – Great Britain: Lorenzo, 2011. – 360 p.
188. Kramersch, C. Language and Culture (Oxford Introductions to Language Study) / C. Kramersch. – Oxford: Oxford University Press. –1998. – 134 p.
189. Marvin, D. E. The antiquity of proverbs. Fifty familiar proverbs and folk sayings with annotations and lists of connected forms, found in all parts of the world / D. E. Marvin. - New York: G. P. Putnam's Sons, 1922. - 352 p.
190. Mertvago, P. The Comparative Russian-English Dictionary of Russian Proverbs and Sayings / P. Mertvago. – New York: Hippocrene Books, 1995. – 456 p.
191. Mieder, W. Tradition and Innovation in Folk Literature. Routledge, 2015. – 304 p.
192. Mieder, W. Proverbs as cultural units or items of folklore / W. Mieder // Phraseology. An international handbook of contemporary research. - 2007. - Vol. 1. - P. 394-414).
193. Mieder, W. International bibliography of paremiology and phraseology / W. Mieder. - Berlin: de Gruyter, 2009. - 1133 p.
194. Mieder, W. Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. - New York: Oxford University Press, 1993. - 310 p.

195. Mieder, W. Proverbs: A handbook / W. Mieder. - Connecticut: Greenwood Press, 2004. - 304 p.
196. Obelkevich, J. Proverbs and social history / J. Obelkevich // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 211–252.
197. Olinick, S. L. On proverbs. Creativity, communication, and community / S. L. Olinick. // Contemporary Psychoanalysis. - 1987. - Vol. 23. - p. 463-468. p.
198. Paczolay, G. (1997). European proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. - Veszprem: Veszpreni Nyomda, 1997. - 534 p.
199. Seiler, F. Das deutsche LehnSprichwort. 4 vols. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses / Rpt. ed. by W. Mieder. - Hildesheim: Georg Olms, 2007.
200. Strauss, E. Dictionary of European proverbs / E. Strauss. - 3 vols. - London: Routledge, 1994.
201. Taylor, A. The Proverb / With an introduction, a bibliography and a photograph of Archer Taylor by W. Mieder. - Bern: Peter Lang, 1985. - 381
202. Trench, R. C. On the lessons in proverbs / With an introduction by W. Mieder. - Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2003. - 540 p.
203. Walther, H. & Schmidt, P. G. (Eds.). Proverbia sententiaeque latinitatis medii aevi. Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters / H. Walther & P. G. Schmidt. - 9 vols. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963-1986.

Лексикографические источники

204. Абдуллозода, Р. Фарҳанги ибораҳои халқӣ: кит. таълимӣ / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Адиб, 1988. – 399 с.
205. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 607 с.
206. Баш, И. М., Бобров А. В. Современный словарь иностранных слов:

- толкование, словоупотребление. Словообразование, этимология / И. М. Баш, А. В. Бобров. – М., 2003. – 960 с.
207. Бегматова, С. Фарҳанги зарбулмасал, мақолҳо ва афоризмҳои тоҷикӣ- англисӣ-русӣ / С. Бегматова. – Хуҷанд: Наби Фахрӣ, 2016. – С. 734.
208. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
209. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
210. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
211. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля / В. И. Даль. – М.: Просвещение, 2009. – 816 с.
212. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль.. – Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
213. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль.. – Т. 4. – М.: Рус. язык, 1991. – 684 с.
214. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
215. Красных, В. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. / Под ред. проф. В.М. Мокиенко / 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
216. Котова, М. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Котова. – Санкт-Петербург: Университет, 2000. – 360 с.
217. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.,

2000. – 856 с.

218. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
219. Назарзода, С., Сангинов А., Каримов С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов. – Душанбе, 2008. - 949с.
220. Назарзода, С., Сангинов А., Каримов С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. 2. / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов. – Душанбе, 2008. - 945с.
221. Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4 – е издание, дополненное. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 стр.
222. Райдаут, Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – СПб., 1997. – 256 с.
223. Русско-таджикский словарь [РТС] / под ред. М.С.Асимова. – М.: Русский язык, 1985. –1280 с.
224. Словарь Таджикского языка (X – XX века). В 2 т. Ок. 45 000 слов и словосочетаний. С приложением арабского ключа. Под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашими, Н. А. Масуми Т. 1 А – О. - М., «Сов Энциклопедия», 1969. – 952 с.
225. Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ [ФТР] Зери таҳрири: Саймиддинов Д., Холматова С.Д., Каримов С. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 800 с.
226. Фозилов, М. Гулчини зарбулмасал ва мақолҳо / М. Фозилов. – Душанбе: Дониш, 1976. – 375 с.
227. Фозилов, М. Зарбулмасалу мақолҳо дар тамсилу ҳикояҳо / М. Фозилов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 159 с.
228. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. Ҷ.1 ва 2. / М. Фозилов. – Душанбе: 1975, 1977 – 367 с. – 584 с.
229. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони тоҷикӣ. Ҷ.1. 2. / М.

- Фозилов. – Душанбе: Нашр. дав. Тоҷ, 1963, 1964. – 952 с., - 803 с.
230. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколл.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.
231. Фарҳанги Деххудо. [Электронный ресурс]. - URL: www.vajehyab.com. (дата обращения 13.10.2022).
232. Хазан, А. А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений / А.А. Хазан. – Смоленск: Русич, 2001. – 560 с.
233. Шулежкова, С.Г. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Рисунок № 1.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Около речки колодец не копают» таджикоязычными респондентами

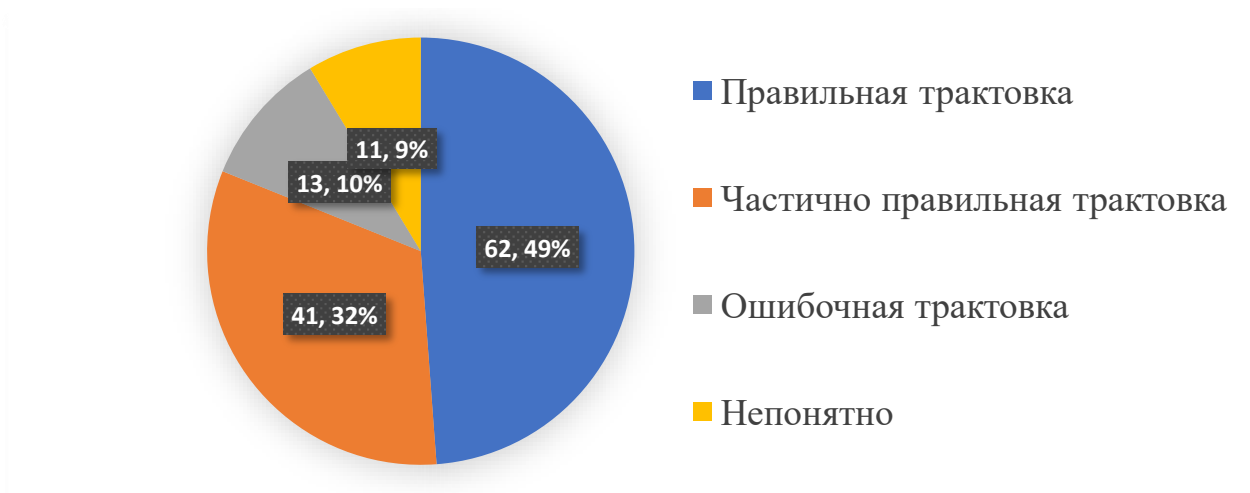

Рисунок № 2.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Без мороза воды не замерзнет» таджикоязычными респондентами

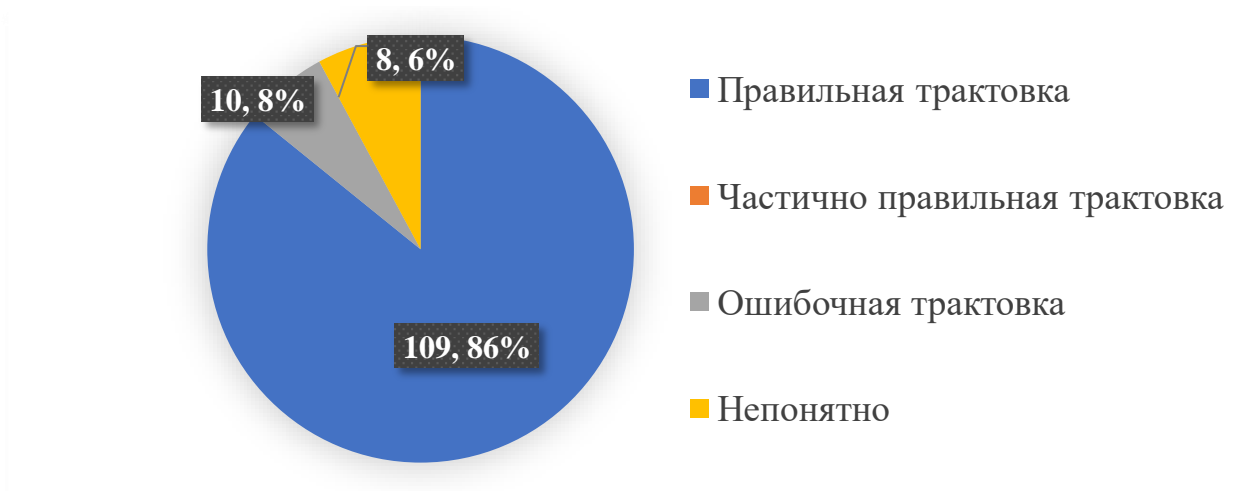

Рисунок № 3.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Волк коню не товарищ» таджикоязычными респондентами

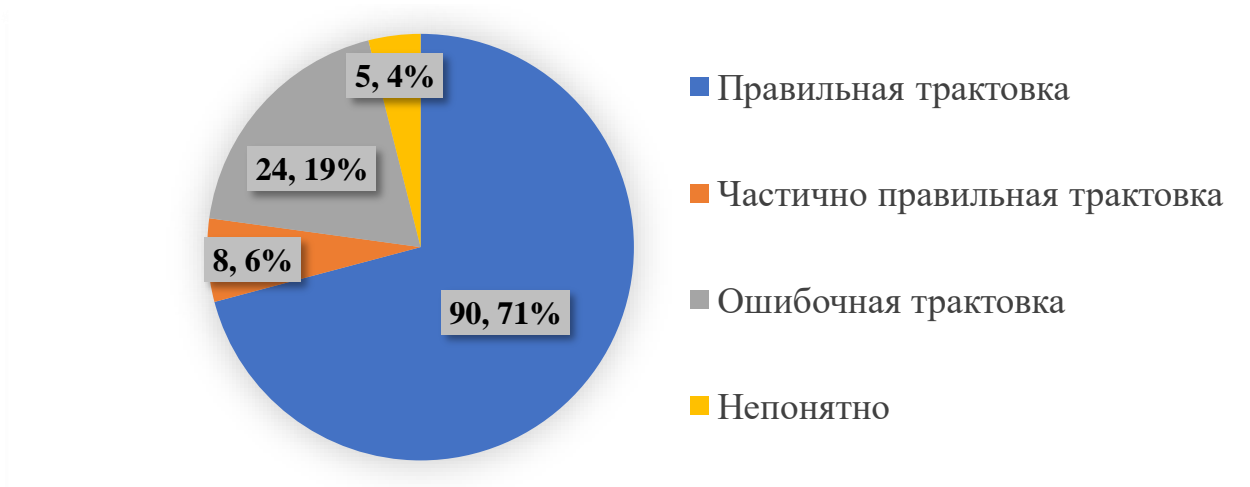

Рисунок № 4.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Рыбак рыбака видит издалека» таджикоязычными респондентами

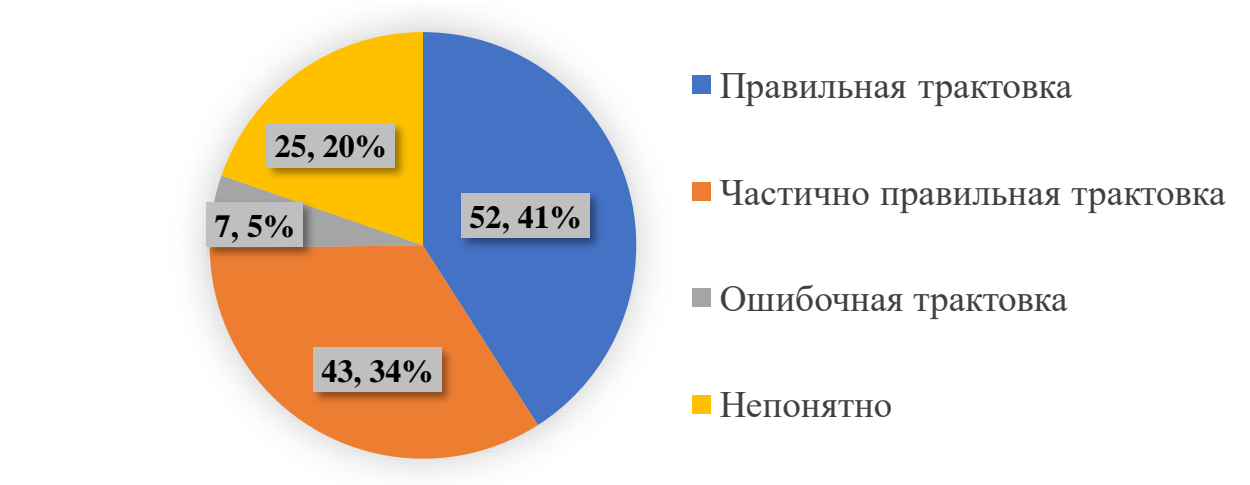

Рисунок № 5.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода русской пословицы «Не все то золото, что блестит» таджикоязычными респондентами

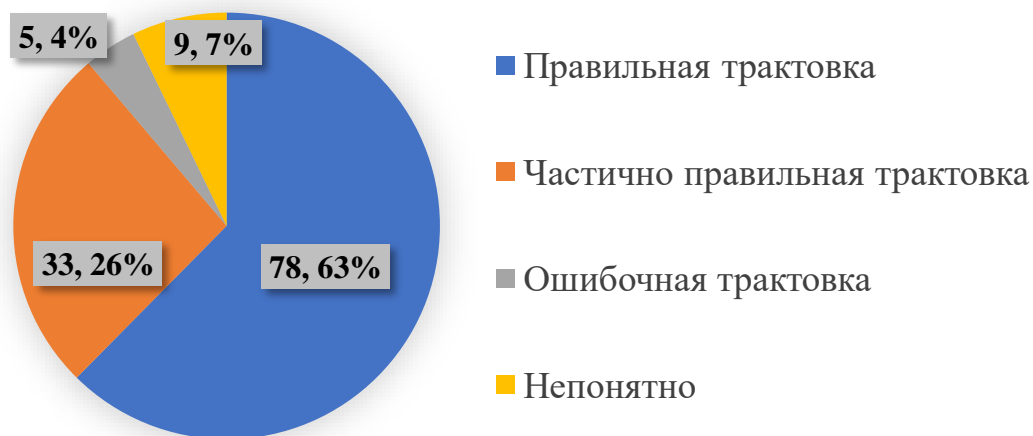

Рисунок № 6.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Як гап 365 пахлу дорад» русскоязычными респондентами

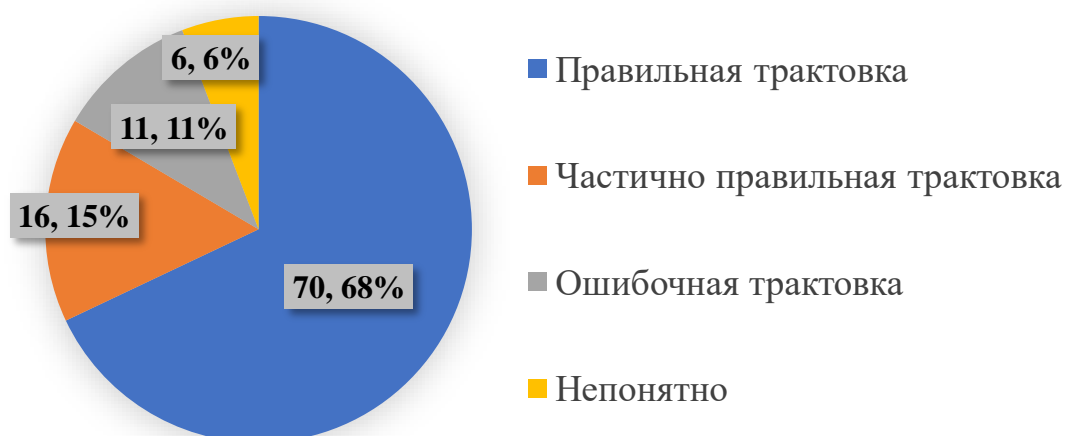

Рисунок № 7.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Оби рафта ба чӯй барнамегардад» русскоязычными респондентами

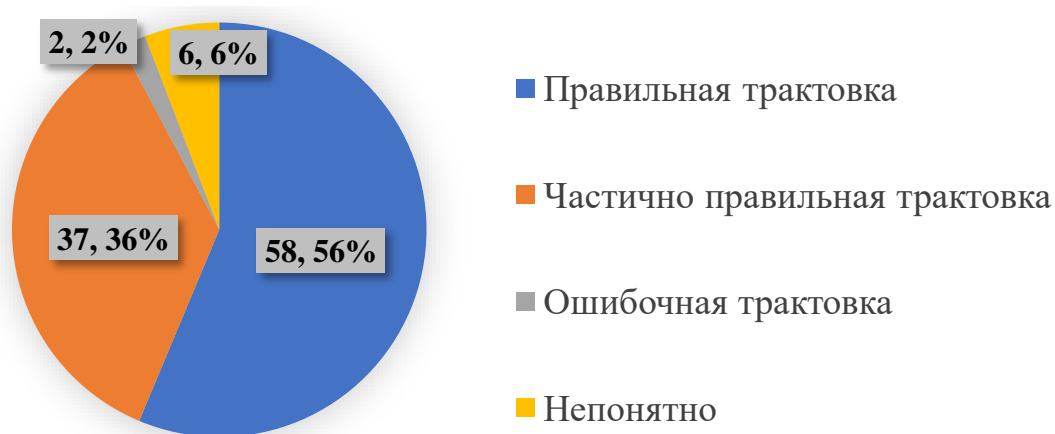

Рисунок № 8.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Накқош нақши сонӣ беҳтар кашад аз аввал» русскоязычными респондентами

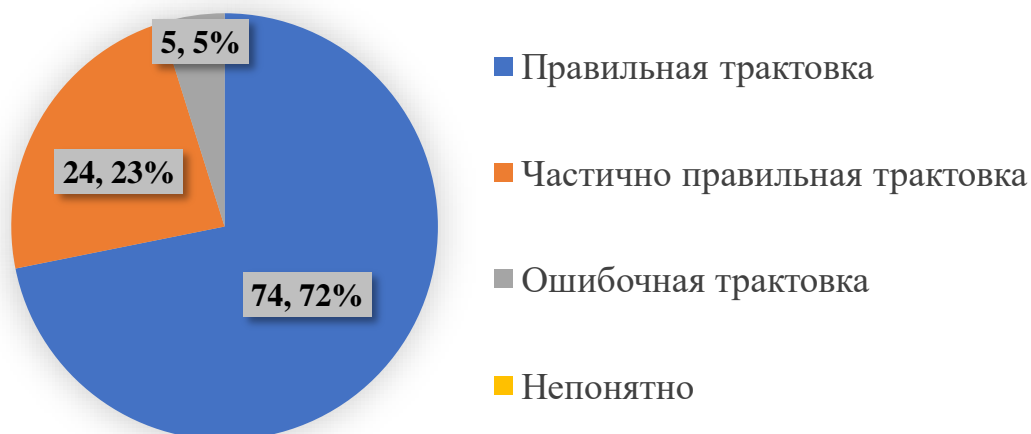

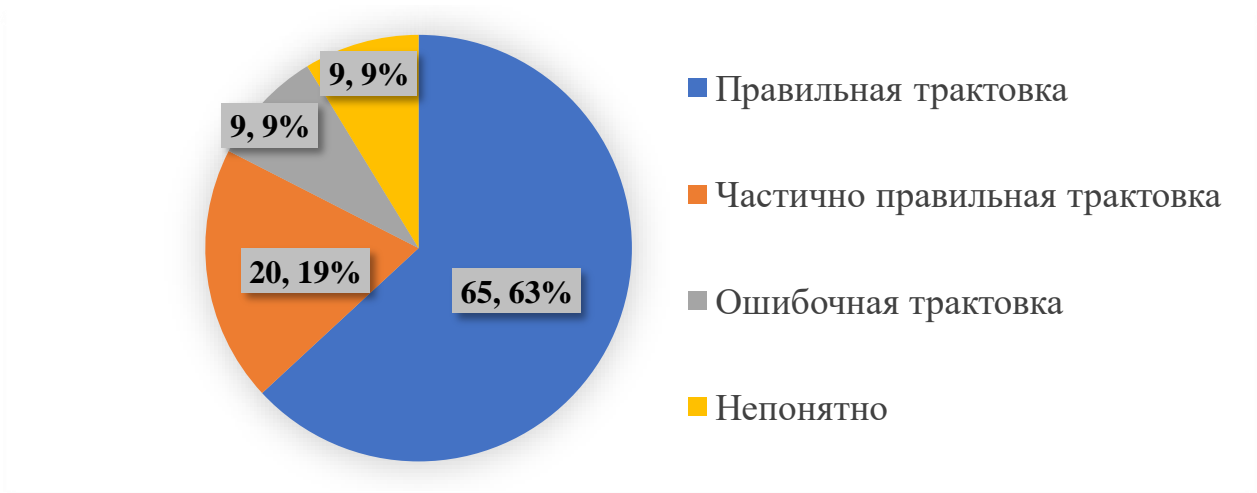
Рисунок № 9.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «То шамол нашавад, шохи дарахт намечунбад» русскоязычными респондентами

Рисунок № 10.

Диаграмма уровня понимания и восприятия перевода таджикской пословицы «Кори хар буз нест хирман кӯфтан» русскоязычными респондентами

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица № 1.

**Статистический анализ результатов лингвистического
эксперимента понятия и восприятия таджикских пословиц
русскоязычными респондентами**

№	Пословица	Кол. прав. и частич. прав. трактовок	Процентное соотношение
1.	«Каждое слово имеет 32 стороны»	86	83,4%
2.	«Утекшая вода не возвращается в ручей»	83	80,5%
3.	«Художник второй рисунок рисует лучше первого»	98	95,1%
4.	«Листья не шевелятся без ветра»	103	100%
5.	«Молотьба – дело не каждой козы»	94	91,2%
6.	Среднее значение	92,8	90,04%

Таблица № 2.

**Количество правильных и частично правильных аналогов
таджикских пословиц, приведённых русскоязычными респондентами**

№	Пословица	Кол. прав. или частич. прав. аналогов	Кол. неправ. аналогов
1.	«Каждое слово имеет 32 стороны»	4	12
2.	«Утекшая вода не возвращается в ручей»	4	2
3.	«Художник второй рисунок рисует лучше первого»	4	0
4.	«Листья не шевелятся без ветров»	1	0
5.	«Молотьба – дело не каждой козы»	4	0
6.	Всего (31)	17	14

Таблица № 3.

**Статистический анализ результатов лингвистического
эксперимента понятия и восприятия русских пословиц
таджикоязычными респондентами**

№	Пословица	Кол. прав. и частич. прав. трактовок	Процентное соотношение
1.	«У реки колодец не копают»	103	81,1%
2.	«Без мороза вода не замерзнет»	109	85,8%
3.	«Волк коню не товарищ»	98	77,1%
4.	«Рыбак рыбака видит издалека»	95	74,8%
5.	«Не все то, что блестит – золото»	111	87,4%
6.	Среднее значение	103,2	81,24%

Таблица № 4.

**Количество правильных и частично правильных аналогов русских
пословиц, приведённых таджикоязычными респондентами**

№	Пословица	Кол. прав. или частич. прав. аналогов	Кол. неправ. аналогов
1.	«У реки колодец не копают»	5	16
2.	«Без мороза вода не замерзнет»	1	0
3.	«Волк коню не товарищ»	1	1
4.	«Рыбак рыбака видит издалека»	2	3
5.	«Не все то, что блестит – золото»	2	2
6.	Всего (33)	11	22

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

АНКЕТЫ

Анкета № 1.

Просим Вас принять участие в сравнительно-лингвистическом эксперименте. Пожалуйста, сообщите о себе некоторые сведения:

Национальность	Родной язык	Возраст	Специальность

Прочитайте русский перевод следующих таджикских пословиц и ответьте на следующие вопросы:

1. Каждое слово имеет триста шестьдесят пять граней.
2. Утекшая вода не возвращается в ручей.
3. Художник второй рисунок рисует лучше первого.
4. Листья не шевелятся без ветров.
5. Молотьба – дело не каждой козы.

1. В коротком предложении объясните значение пословиц в соответствии с их номерами:

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

2. Напишите русские пословицы и поговорки, выражающие содержание этих таджикских пословиц, в соответствии с их номерами:

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

САВОЛНОМАИ № 2.

Аз Шумо эҳтиромона хоҳиш менамоем, ки дар санчиши муқоисавии забоншиносӣ иштирок намоед. Лутфан, дар бораи худ маълумоти зеринро пешкаш намоед:

Миллат	Забони модарӣ	Синну сол	Ихтисос

Тарҷумаи тоҷикии зарбулмасалҳои зерини русиро хонда, ба саволҳои поёнӣ ҷавоб диҳед:

1. Дар назди дарё чоҳи об намекананд.
2. Сармо набошад, об ях намекунад.
3. Гург ёри асп нест.
4. Моҳидор моҳидорро аз дур мебинад.
5. Ҳар чизи ҷилдор тилло нест.

1. Бо як ҷумлаи кӯтоҳ маънии зарбулмасалҳоро мувофиқи рақамгузориҳояшон шарҳ диҳед:

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

2. Зарбулмасалу мақоли тоҷикиеро, ки муҳтавои ин зарбулмасалҳои русиро ифода мекунад, мувофиқи рақамгузориҳояшон нависед:

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.